
Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2025

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Подводя итоги 2024 года	3
Валерий КИРИЛЛОВ. Надежда еще не пропала	88
Ростислав ИЩЕНКО. «А нас за шо?»	164
Влад ШЛЕПЧЕНКО. «Нужно было начинать раньше»	173

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Дыхание Донбасса. Главы романа	34
Виктория ВСЕЕВА. Живые рассказы	101
Анатолий АВРУТИН. Салтычиха. Рассказ	180

ПОЭЗИЯ

Александр НЕСТРУГИН. «Жизнь случилась!». Стихи	82
Алексей ПОЛУБОТА. Сумрачные тени. Стихи	154
Алесь БАДАК. От печали до муки. Стихи	159
Юрий БЕРИДЗЕ. Двуязычие души. Стихи	200
Дмитрий МЕЛЬНИКОВ. Живи, солдат... Стихи	204

РУССКИЙ ВОПРОС

Михаил МАТВЕЕВ. **Бомба под российскую государственность** 209

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **«Незнаменитая» война** 214

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. **Безбожные школы России** 220

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Мария МОНОМЕНОВА. **«Орешник» и Левиафан** 228

Валентин КАТАСОНОВ. **Третий рейх и Израиль** 240

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей СОШЕНКО. **«Всё идёт по плану...»** 247

Юлия БАНИШЕВСКАЯ. **Жить вместо нас** 251

Павел ДМИТРИЕВ. **Газпром и СВО** 252

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 255

ИСКУССТВО

Руслан СЕМЯШКИН. **На певческом Олимпе** 263

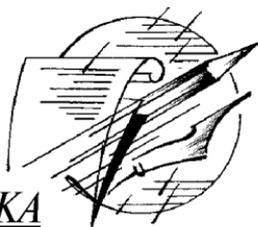
КРУГ ЧТЕНИЯ

Сергей ПАНФЁРОВ. **Обжигающее дыхание.**
О романе Владимира Пронского «Дыхание Донбасса» 278

ПОДВОДЯ ИТОГИ 2024 ГОДА

В целом 2024 год производит впечатление некоей заготовки, болванки, из которой время должно выточить наше конкретное будущее. Это год заложенных основ, а возможно, и мин, на которых в новом, 2025 году будут возводиться (или взрываться) более-менее долговременные постройки. Причем процессом закладывания основ охвачен весь мир — как вокруг Атлантики, так и вокруг Тихого океана: всё пришло в движение, всё готовится к решительным переменам.

Открыто сталкиваются интересы крупнейших мировых игроков. По сути, началась «тихая» мировая война, которая постепенно набирает обороты и готовится стать весьма громкой. Приходится признать, что ее застрельщиком формально стала Россия, нанеся превентивный удар по скопившейся у ее границ огромной украинской группировке в феврале 2022 года. Но сегодня Украина уже перестала так притягивать всеобщее внимание, как это было еще полгода-год тому назад, ведь там уже ясно просматривается финал игры, и новый бум на украинской теме сделать вряд ли у кого-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

то получится. Некоторое затишье наблюдается и в Тихоокеанском регионе, несмотря на призыв Си Цзиньпина к китайским военным готовиться к войне, несмотря на планомерное усиление антикитайского блока. Зато сейчас (и на ближайшую перспективу) центром мирового внимания стал Ближний Восток, поскольку неожиданные и скорые события в Сирии широко открыли ворота в плохо предсказуемую реальность. А между тем, от исхода этих событий может зависеть очень многое в судьбах всего мира.

Так или иначе, но для России наступили времена, когда международная повестка дня вновь стала диктовать внутреннюю. Так что разговор приходится начинать именно с нее.

Ближневосточный узел

На Ближнем Востоке кипят переполненные населением страны, проливая свою избыточную кровь без счета. Это надолго, до тех пор, по крайней мере, пока демографическое давление там не снизится радикально.

Ближневосточное кипение, имея этнополитическую основу под собой, имеет также и геополитическую проекцию, задевая интересы слишком многих стран, включая США и Россию. Но самое большое значение оно имеет для непосредственно граничащих с ним стран — для Турции и Израиля. Вот об этом и поговорим.

Сирия. В 2016 году мной была опубликована статья «"Дивиденды" Сирии: десять сомнений», к некоторым тезисам которой меня заставляет вернуться наше время, поскольку они полностью оправдали себя. Я писал:

«Прежде всего я уверен, что у нас в целом неправильно трактуют то, что происходит сегодня на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Официоз пишет об Исламском государстве как какой-то «террористической организации». Это просто смешно!

Если упереться носом в карту — оно, может, и так, но стоит только посмотреть на дело с высоты птичьего полета в больших масштабах времени и места, то сразу станет ясно, что перед нами очередная фаза полуторатысячелетнего конфликта трех мегацивилизаций: западноевропейской, китайской и исламской. Исламское государство, оно же новый халифат, — это, в отличие от, скажем, Аль-Каиды, не какая-то «организация», а попросту мечта о глобальном реванше всего исламского мира, задвинутого с XVIII века на историческую обочину. Возвращаясь мыслью к временам, когда хали-

фы стремительно покоряли мир, создавая исламскую империю, а исламская наука и искусство (в том числе искусство жить) поражали свет своими достижениями, до которых диктатор Европы было очень далеко, мусульмане всего мира завидуют собственным восхитительным предкам и мечтают вернуть эти времена. А наблюдая бросающееся всем в глаза моральное падение европейской цивилизации и вырождение христианской демократии в диктатуру меньшинств, отвергающую все естественные иерархии, они надеются дать миру нравственную альтернативу, которую несут с собой учение Пророка и законы шариата. Выступив, тем самым, в роли спасителя и благодетеля, очищающего мир от скверны. И в этом их трудно оспорить, ибо всё это слишком самоочевидно.

Мы, русские, и сами видим всё нынешнее нравственное недостоинство и самопредательство Запада. Все истинно европейские ценности, в которые влюблялись, с которыми отождествляли себя русские люди XVIII—XIX веков, сегодня преданы и извращены до собственной противоположности: послевоенная Европа, забывшая Бога, за последние семьдесят лет вся вывернулась наизнанку, как перчатка...

ИГ, таким образом, есть еще и глобальный моральный проект, притягательный и порождающий надежду не только для мусульман, но и для многих разочарованных Западом европейцев.

Именно в этом секрет того молниеносного и цепкого успеха, с которым ИГ за считанные месяцы отхватило себе огромные территории и ресурсы, мобилизовало под свои знамена миллионы мужчин и женщин из разных стран, толпами вербует смертников и подвесило на тонком волоске судьбу марионеточных режимов в Сирии и Ираке. Это триумфальное шествие вполне объяснимо той бескорыстной и безоглядной поддержкой, которую исламский мир готов оказывать ИГ, исходя не из материальных, а из идеальных, мировоззренческих побуждений.

Война между цивилизацией Ислама и цивилизацией Запада — это ни в каком смысле не наша, не русская война. Вступление в нее не имеет для нас морального оправдания. Ни у той, ни у другой стороны я не вижу ценностей, за которые мы должны сражаться и умирать, жертвовать своими детьми.

Но дело не только в этом. Войну стоит начинать, только если есть полная уверенность в победе. А есть ли она, а может ли она быть в данном случае?

Можно победить террористическую организацию, перебив ее личный состав и лишив материальной базы. Но помо-

гут ли бомбы и ракеты справиться с мечтой и надеждой, которые питают в мире примерно 1,75 млрд. человек (если считать только мусульман)? Это первое из моих сомнений».

Я как в воду смотрел, предостерегая:

«Исламское государство, как уже сказано, — глобальный мусульманский, суннитский по преимуществу проект. Поэтому довольно трудно надеяться на то, что мы-де сейчас разбомбим «террористическую организацию», а всё остальное доделает армия Башира Асада, который восстановит в Сирии мир и порядок. Ибо основная опора Асада — алавиты — суть ничтожное меньшинство Сирии, которая, в своем большинстве, суннитская страна и к алавитам относится как к изгоем и неверным.

Впрочем, алавиты не близки также и шиитам, они никому на Востоке не близки, их все отторгают и презирают. Поскольку, во-первых, они не вполне мусульмане (во всяком случае, те их за своих не считают), а во-вторых, на них в XX веке опиралось колониальное французское правительство именно как на этнокласс изгоев, отторгаемых большинством, а потому служивших французам не за страх, а за совесть. То есть, в глазах абсолютного большинства сирийцев алавиты суть национал-предатели...

Сегодня Россия, к нашему счастью, сочла за благо напоказ всему миру увести основной контингент из Сирии, надеясь на благоприятный исход войны. Что ж, посмотрим, на какой компромисс согласится в конце концов измученное население этой страны, какую цену сочтет допустимой за мир. Как знать, не окажется ли этой ценой продление господства алавитов. Надежда на это, хоть и слабая, но есть. Посадили же русские вторично себе на шею Бориса Ельцина...».

Но надежда оказалась тщетной. Восстав против Исламского государства в далеком от нас регионе, где нас об этом никто не просил, кроме никому там не милых алавитов, мы заведомо проиграли в Сирии всё, что можно и нельзя было проигрывать, и сегодня расхлебываем нами же заваренную кашу. Падение алавитской династии Асадов было настолько стремительным и лишенным всякого сопротивления, что мы и охнуть не успели, и все наши труды и жертвы последнего десятилетия в Сирии пошли прахом. А с ними и наш авторитет на всем Ближнем Востоке. Мы поставили не на ту лошадь, это стало ясно всем. В очередной раз мир стал свидетелем того, как российские политики и дипломаты профукали, мягко скажем, достижения российских военных. Достижения, оплаченные не только кровью, что само собой разумеется, но и большими материальными затратами. В очеред-

ной раз нас постиг крах из-за собственного наивного идеализма, приверженности моральным критериям вместо соображений целесообразности. Обнажилась на весь мир наша принципиальная некомпетентность, недальновидность, непредусмотрительность, нерасчетливость. Это был капитальный стратегический просчет и провал.

Он еще не раз аукнется нам не только во всемирном, но и в локальном российском масштабе. А пока поговорим о наших делах в Сирии в более широком ближневосточном контексте.

Турция. Не всё, однако, так уж плохо для нас в сирийской ситуации, хотя по большому счету хорошего мало.

Вновь вернусь к упомянутой статье 2016 года, где я писал: «Разрыв России с Турцией — одно из наиболее драматичных и негативных последствий войны в Сирии. Надо сделать всё, чтобы преодолеть его и восстановить отношения, иначе потянется такой шлейф зла, описать который мне не хватит и отдельной статьи».

С тех пор минуло восемь лет, в течение которых наши отношения с Турцией и лично с Эрдоганом переживали разные повороты, но в целом удержались на грани разумных, умеренно дружественных и уважительных сигналов. Которые не стоит ни переоценивать, ни, безусловно, недооценивать. Вот и сейчас в Сирии, где Эрдоган поимел настоящий триумф своей политики, он не воспользовался данным моментом, чтобы нанести России добивающий удар «кинжалом милосердия», которым рыцари приканчивали поверженного противника. Мы стали свидетелями того, как протурецкие вооруженные силы оппозиции без единого выстрела открывают коридоры для прохода малочисленных российских конвоев из разных мест окружения к нашим военным базам Хмеймим и Тартус вместо того, чтобы раздавить их на месте. Самый яркий пример: т.н. «террористы» отказались атаковать армию России в Хомсе, разблокировали пути сообщения и позволили русским войскам спокойно выйти из города с военной техникой и оружием. Чем очень разочаровали наших западных «друзей».

Теперь, конечно, для нас вопросом первостепенной важности стала судьба упомянутых баз в Хмеймиме и Тартусе, поскольку они для нас — не только средство некоторого контроля над Средиземноморьем, но и «аэродром подскока» ко всей Африке, включая наши гарнизоны в ЦАР, Мали и др. Можно надеяться, что их удастся сохранить, поскольку в условиях падения алавитского режима Асада их присутствие

не имеет для Турции принципиального значения, ведь Россия отказалась воевать с протурецкой сирийской оппозицией. И Эрдогану нет нужды выслуживаться перед Западом, ущемляя и без того сильно ущемленные интересы России на Ближнем Востоке.

А вот свои интересы в этом регионе Турция, без сомнений, продвигать будет. В чем они состоят? На мой взгляд, они определяются двумя факторами: демографией и религией в ее политическом аспекте.

Сегодня много говорят о личных политических амбициях Эрдогана, якобы определяющих политику страны. Спору нет, у Эрдогана, настоящего национального лидера, каких в мире считанные единицы, есть на руках подлинный мандат от своего народа. Такой, какой в конце 1930-х годов был у Гитлера, за которым был готов идти весь немецкий народ (он и пошел, и шел до конца). Так что в каком-то смысле политику Турции в целом можно отождествить с упомянутыми амбициями ее президента. Но...

Политика Турции на деле определяется не столько Эрдоганом (он всего лишь с умом использует сложившиеся обстоятельства в нужном русле), сколько демографическим ростом страны. По данным Турецкого института статистики, численность населения страны, составлявшая в 2013 году 77 695 904 чел., в 2024 году составила уже 87 571 670 чел. Суммарный коэффициент рождаемости — 2,07. Территория Турции относительно мала, поэтому плотность населения (а с ней демографическое давление) весьма высока: 108,9 чел/км². Очень важно отметить, что количество турецкой молодежи огромно: люди до 15 лет составляют 26,6% населения — самый мобильный и взрывоопасный контингент. Всех этих людей просто стало уже некуда девать, и этим диктуется необходимость территориальной экспансии. Турция обязательно, во что бы то ни стало будет расширять свои владения, ей это остро необходимо.

Политические комментаторы и эксперты любят указывать на Кавказ, Закавказье и Среднюю Азию (и даже Поволжье) как на объект экспансионистских устремлений Турции, возрождающей проект «Великого Турана» — излюбленное детище Эрдогана. Слов нет, демографического материала для фундирования таких планов у турок предостаточно. Но для их осуществления есть опасность в виде прямого столкновения с Россией, а в Средней Азии еще и с Афганистаном. В Сирии же подобная опасность уже устранена самим ходом событий, ведь Россия больше не может и не станет препятствовать продвижению турецких интересов в этой стране. И

ничто не помешает теперь Эрдогану не только вернуть в Сирию всех сирийских беженцев, скопившихся в Турции (а это без малого три миллиона человек!), но и переселить туда, в бывшую провинцию Османов, еще изрядный избыток своего населения под любым предлогом. Именно Турции предстоит теперь восстанавливать Сирию и осваивать ее природные богатства, в этом можно не сомневаться — и Эрдоган уже дал заверения в этом духе. Присутствие Турции в Сирии — можно смело предсказать — будет теперь нарастать, как снежный ком: военное, экономическое, демографическое, всякое.

Что это значит в глобальном контексте? Прежде всего — столкновение интересов Турции с интересами Израиля и США. Что создает, кстати, дополнительный мотив для сохранения российских военных баз на своих местах. Впрочем, об Израиле чуть позже.

Вернемся ко второму фактору турецкой геополитической экспансии. Дело в том, что Исламское государство, которому Россия пыталась противостоять в Сирии, — проект неопределенно-личный. Настолько, что не всегда ясно, кто конкретно за ним стоит. Сегодня этот «кто-то» может быть один, завтра — другой. Исламское государство — это не что-то конкретное, уже состоявшееся и устоявшееся, это, как я писал, мечта, виртуальная реальность, воображаемое сообщество, не имеющее конкретных границ, конституции, органов управления и т.п. Однако этому очень расплывчатому проекту есть вполне определенно-личная альтернатива: Турецкая Неоосманская империя с Реджепом Тайипом Эрдоганом во главе. Чем же это не исламское государство — по большому-то счету? Не с большой буквы, не де-юре, но де-факто, по своей сути? Если уж говорить о каких-то личных амбициях Эрдогана, то это именно амбиции предводителя всемирного ислама. Предводителя, стоящего во главе Турции — лидирующей страны исламского мира. Сравнительно недавно на эту роль претендовал Саддам Хусейн во главе Ирака, но, как говорится, свято место не бывает пусто: американцы убрали Саддама — явился Реджеп. Исполнители поменялись, но роль осталась.

Одержав несомненную победу в Сирии, Турция сделала большой шаг к осуществлению национальной мечты — к восстановлению величия Османской империи. Но вот ведь какова изнанка этой победы: Турция уже не сможет бросить Сирию на произвол судьбы, на ее плечи теперь лягут непомерные тяготы по восстановлению разгромленной страны, ее экономики, ее инфраструктуры и т.п. Всего того, с чем так

и не справилось правительство Башара Асада. Потому что в противном случае турецкая претензия на роль лидера исламского мира окажется пшиком. Так что жить Турции теперь придется с огромной гирей на ногах.

Россия имеет основания надеяться, что в этих условиях Турции будет не до нашего «подбрюшья», ее экономика, и так не слишком мощная, просто не выдержит столь многовекторной экспансии. К тому же в Средней Азии она столкнется, скорее всего, не с Россией, а с Афганистаном, где такая же ситуация с народонаселением и такие же потребности. Если при первой переписи населения Афганистана 1979 года в стране насчитали 15 540 000 человек, то в 2024 году их насчитывалось уже 43,4 млн. человек — рост почти в три раза за время нескончаемой войны. Ежегодный прирост оценивается в 2,6%, рождаемость — 45,5 на 1000 (5-е место в мире), суммарный коэффициент рождаемости — 6,5 рождений на женщину (4-е место в мире). Там тоже некуда девать людей. Территория России лакома для тех и для других, но у России есть такое оружие, против которого не устоять. А в странах Средней Азии такого оружия нет. Туда те и другие, скорее всего, и устремятся и там столкнутся, надеюсь.

А кроме того, мир, на мой взгляд, вскоре станет свидетелем весьма существенного обострения турецко-израильских отношений, уже давно находящихся в фазе напряжения. И это, безусловно, в наших интересах.

Израиль. Почему Израиль все годы, пока длится сирийская заварушка, наносил по Сирии ракетно-бомбовые удары? Почему многократно усилил эти удары после падения режима Асада? Во-первых, потому что территория Сирии стала полигоном для противостояния сил Израиля и Ирана, а также других противников еврейского государства. Во-вторых, потому что появилась возможность попросту вновь пограбить соседа, у которого, напомним, Израиль и так отнял в 1967 году западную часть Голанских высот, где ныне живут еврейские переселенцы. Почему бы теперь не отнять и восточную часть, пользуясь слабостью хозяина? Тем более что Израиль и Сирия до сих пор юридически находятся в состоянии войны, а президент США Трамп во время своей первой каденции признал суверенитет Израиля над оккупированной территорией. Вот именно так Израиль и поступил уже в декабре 2024 года. Можно предположить, что за этим последует оккупация некоторых нефтеносных районов в регионе, из тех, что территориально поближе к Израилю. Возможно, даже вопреки воле США.

Немаловажен для Израиля увод Ираном своих подразделений из Сирии, попавшей под власть тех сил, с которыми они боролись и воевали. Иран и его союзники из числа мусульман, таким образом, потеряли важный плацдарм для нанесения ударов по Израилю, безопасность которого от этого выиграла.

В силу всего сказанного не удивляет, что на декабрьской пресс-конференции президент Путин заявил, что главным бенефициаром сирийских событий является именно Израиль, получивший от них основную и притом неоспоримую выгоду.

Как ни странно, поведение Израиля на руку России. Во-первых, как уже сказано, в силу резко возросшего израильско-турецкого противоречия. Во-вторых, в силу того, что интересы Израиля в Сирии (и вообще на Ближнем Востоке) сталкиваются с интересами Великобритании, о чём у нас редко кто вспоминает. А Великобритания, что ни говори, в сегодняшнем мире выступает как главный враг России. В-третьих, потому что Путину удалось, по всей видимости, достичь определенных договоренностей с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху, длительный телефонный разговор с которым зафиксирован прессой. Что характерно, именно после этого разговора ВВС Израиля начали по всей Сирии уничтожать склады с огромным количеством тяжелой военной техники и боеприпасов. Всего за пару дней в середине декабря, как сообщает телеканал «Царьград», ВВС Израиля нанесли по этим арсеналам более двухсот авиаударов. Как предполагает данный источник информации, координаты складов, в том числе секретные, были переданы Израилю именно Россией.

Спрашивается, зачем? А затем, что Запад хотел это оружие, ставшее как бы бесхозным в результате устранения законного правительства Сирии, передать Украине. Ради чего, сообщает «Царьград», 13 декабря госсекретарь США Энтони Блинкен «прибыл в Турцию, чтобы попытаться убедить Реджепа Эрдогана в важности передачи всего вооружения сирийской армии киевскому режиму». А передавать-то оказалось нечего. Официальная позиция Иерусалима такова: склады оружия в Сирии были-де уничтожены потому, что это оружие могло попасть в руки террористических группировок. Но ряд сенаторов США уже высказался по этому поводу в том смысле, что действия Израиля явились для Запада ударом в спину, а Нетаньяху оказал таким манером неоценимую помощь Путину.

Вмешательство Израиля в сирийские дела может иметь еще одно важнейшее последствие (и в этом случае он будет дей-

ствовать в полном консенсусе с США). Речь идет о помощи курдам в создании, наконец, единого государства Курдистан на территории, контролируемой сирийскими и иракскими курдами. К воссоединению с которым, естественно, устремится курдский регион Турции, что создаст великую головную боль Эрдогану и сильно свяжет ему руки. Мы же, Россия, формально будучи не при чем, получим от этого немалый политический дивиденд.

Усиление Израиля за счет сирийских трофеев не положит, однако, конец еврейско-арабской войне, не погасит этот ближневосточный пожар, столь выгодно для нас отвлекающий западный мир от войны русско-украинской. Напротив, к традиционным противникам Израиля в лице арабов и персов добавятся теперь еще и турки, которые совсем недавно, как помнится, состояли с евреями в союзниках и даже вели совместные военные разработки. А это гарантирует затяжной характер и эскалацию ближневосточного конфликта. Что, извините за цинизм, очень хорошо для нас.

Украина. Заканчивая разговор о международной повестке дня, самое время поговорить об Украине. Поскольку никакого более важного содержания в повестке нет, даже если вспомнить об укреплении союза России и Северной Кореи, а также об успешных для нас международных форумах типа БРИКС.

В статье «Подводя итоги-23» я написал слова, к которым мне и сегодня добавить почти нечего:

«Нас может удовлетворить только полная и безоговорочная капитуляция Киева с последующим взятием под контроль российской армией и государством большей части Украины... Всё остальное будет лишь полумерой, которая отсрочит решение проблемы, но ничего не решит...»

В силу сказанного, вопрос надо ставить так: что нужно сделать, чтобы добиться капитуляции Киева в рекордно короткие сроки, поскольку время работает против нас. А ответ на этот вопрос предельно прост: сделать надо всё, что способствует достижению этой цели, включая применение любых боеприпасов, кроме ядерных, а также уничтожение мостов, тоннелей и вообще всех морских и сухопутных трасс, связывающих Украину с Европой. И включая массированный одновременный удар с воздуха по всей без исключения верхушке украинской армии и государства. Кто бы ни выжил после этого удара из украинского истеблишмента, кто бы ни пришел на смену армейскому и правительственному руководству, эти люди наверняка будут сговорчивее уничтоженных. Нам нужен быс-

трый и решительный перелом в войне, это вопрос нашей жизни, а как это будет достигнуто — нас не должно волновать. Совсем. Только целесообразность, а не гуманитарные соображения, должна определять средства. Не по частям рубить хвост собаке, а отсечь его одним махом, и дело с концом — вот в чём видится мне наша задача.

Только быстрая и убедительная победа над Украиной может прекратить войну и отбить у НАТО охоту ее продолжать. Только она обеспечит мир на наших условиях. А также сэкономит нам (и, кстати, Украине тоже) людей и материальные ресурсы, восстановит веру в себя и оптимистический взгляд в будущее...

Нам нужно сделать что-то такое, что радикально изменит ситуацию в нашу пользу. Нужен перелом».

В связи со сказанным мне хочется привести схожее мнение многоопытного боевого генерала Анатолия Куликова (в недавнем прошлом героя чеченских войн и главы МВД РФ), который предсказал в минувшем июне, что мы не сможем выиграть «по очкам», а должны «победить нокаутом». То есть таким быстрым и решительным ударом, после которого противник уже не сможет ответить.

Прошло более года после той итоговой статьи, но ничего не изменилось: чаемый перелом так и не произошел, победы нокаутом мы не дождались, перед нами по-прежнему стоят те же задачи и видятся те же пути их решения. Точнее, путей решения не видится совсем, поскольку то, что мы наблюдаем на фронте, чрезвычайно далеко от того, о чём говорил Куликов. Тянется всё та же попытка победить «по очкам». Наш президент сам объявил в ходе пленарного заседания ПМЭФ, а также выступая 14 июня в МИДе перед цветом нашей дипломатии, что стратегия России состоит всего лишь в «выдавлении» ВСУ из наших новообретенных территорий. Но ведь даже если мы выдавим противника из четырех областей Украины, проголосовавших за вхождение в Россию, война на этом не закончится. Она не ради этого начиналась, и такой ценой остановлена быть не может, поскольку основные задачи войны не будут решены ни одной из воюющих сторон. Этой проблеме мне пришлось летом посвятить специальную статью «Путин: принять неприемлемое». Но с того момента перспектива не улучшилась.

Читая фронтовые отчеты наших умных, мужественных и опытных руководителей добровольческих подразделений — депутата ГД РФ Александра Борода и сенатора, члена Совета Федерации Дмитрия Рогозина, которые постоянно присутствуют на ЛБС и хорошо знают, о чём говорят, мы пони-

маем одно. Война затягивается, возможно, еще на пару лет, как минимум, наше наступление идет слишком медленно и фрагментарно, оно пробуксовывает и не гарантирует достижения заявленных целей войны.

Особенную тревогу вызывают официальные заявления президента России Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова, которые настойчиво декларируют нашу готовность заключить мир без воссоединения с Одессой и Харьковом, да еще на основе позорных Стамбульских соглашений. Потому что такой мир будет лишь временным компромиссом, не позволяющим осуществить демилитаризацию и денацификацию Украины. Компромиссом, пахивающим нашей капитуляцией.

Почему? Понятно, я надеюсь, всем и каждому, что дружественным государством Украина для нас уже не будет никогда, и что война, мягко говоря, не способствовала сближению русского и украинского народов, о единстве которых отныне не может быть и речи, если не пытаться обмануть самих себя и стяжать лавры обер-демагога. Понятно, опять-таки надеюсь я, что Украина может быть либо большим и сильным, либо маленьким и слабым, но в любом случае гарантированно антирусским, антироссийским государством, анти-Россией. И наш интерес в том, чтобы максимально умалить и ослабить Украину уже сейчас, чтобы вновь не воевать с этой же целью потом. Чтобы не передать эту войну в наследство нашим детям и внукам. А потому задача отрезать Украину от морей — это для нас абсолютный императив, вопрос жизни и смерти. Думаю, Путин тоже не может этого не понимать, и от этого еще большую тревогу вызывают у меня его мирные инициативы. И не случайно, конечно, на своей декабрьской пресс-конференции со знаковым названием «Итоги года» он умело ушел от вопроса о перспективах нашей победы в СВО. А вместо этого воспел мужество наших бойцов... Видимо, даже ему неловко было честно ответить по делу.

Постоянно возвращаясь к Стамбульским соглашениям, предлагая на их основе договариваться с противником о мире, понимает ли Путин, что если такого рода соглашения действительно лягут в основу мирного договора, это будет означать следующее:

1. Украина останется анти-Россией, заточенной на противостояние с нашей страной, орудием в руках враждебного нам Запада. Вместо враждебной нам, но маленькой и слабой мы получим у наших границ всё равно враждебную, но большую и сильную Украину, денацифицировать которую уже не удастся.

2. Нам не видать не только русского города Харькова, но и жизненно необходимых нам Одессы и Николаева, выхода к Приднестровью, судьба которого как русского анклава будет печальна. У нас не будет контроля над всем Черноморским побережьем, нам не удастся отрезать Украину от Черного моря, а значит — лишить ее силы и постоянного канала поставок вооружений. Украина сохранит свою военную, политическую и экономическую независимость от России и превратится в откровенную колонию западных стран и НАТО, которые найдут, кем ее заселить, чтобы беспрепятственно и задешево эксплуатировать ее природные богатства. Нашими жертвами Запад купит себе большую и богатую страну, нашими руками выгадит лучшие каштаны из огня войны...

3. Киевский режим бандеровщины, укронацизма устоит и укрепится, оставшееся русское население, преданное Россией, будет окончательно дерусифицировано и украинизировано. Оно и в грядущих поколениях не простит нам этого предательства.

4. Воссоединение русской нации, сегодня разрезанной несправедливыми границами, не состоится, как и возвращение всей Новороссии в состав России. А ведь именно в нём — смысл концепции «Русского мира», которая родилась в ходе СВО.

В общем, если давать самую краткую оценку этим замечательным Стамбульским соглашениям, о которых любит говорить наш президент, то это — «Не дай Бог!»

Почему же Путин с такой настойчивостью вновь и вновь пытается выдать этот документ за некое достижение нашей дипломатии? На мой взгляд (думаю, что так же воспринимает это и наш противник), это показатель нашей слабости, нашей невозможности говорить с врагом языком ультиматума. Показатель того, что победоносная война нам всё еще не дается. И это провоцирует противника на эскалацию.

В чем причина пробуксовки войны с нашей стороны? Наверное, военные специалисты назовут что-то свое. Я не военный специалист и могу сказать только то, что мне подсказывает логика. Судя по тем крупным объемам информации, которые доходят до публики из СМИ и интернета, очень-очень многое упирается в кадровый вопрос. Я не говорю уже о тех кадрах, которые готовили начало СВО, исходя из абсолютно ложных представлений о противнике (это замечательно разъясняет в своих статьях серьезный эксперт Ростислав Ищенко). Я не говорю о том, что ряд лучших командиров, отлично зарекомендовавших себя на фронте, таких, как генералы Суровикин и Попов, командир штурмового отряда 110-й бри-

гады Владимир Новиков и другие остранены от участия в войне. А любители лживых бодряческих рапортов при этом вполне процветали. О том, что наши спецслужбы не уберегли уникального Евгения Пригожина, а наше самое боеспособное, «бронейбойное» подразделение — ЧВК «Вагнер» — оказалось частично расформировано и перестало служить нам боевым тараном. О том, какое чудовищное воровство и коррупцию в армии «внезапно» открыли наши правоохранители после назначения министром Андрея Белоусова... Думая обо всем этом, я вспоминаю письма с фронта моего отца, который писал в марте 1945 года: «Воюется легко и радостно. После всего, что виделось, я крепко верю, что всё кончится скоро и благополучно». Но... «Единственно, что пакостит иногда настроение — это отечественные олухи и проходимцы, которые вопреки здравому смыслу еще сохранились».

Всё же, мы победили тогда, победим и теперь.

Но вот о чем можно задуматься, сопоставляя события на Украине с событиями в Сирии: быть может, советники у Путина — что по Сирии, что по Украине — лица не самые компетентные? Ведь их консультации ничего, кроме провала, нам, как выяснилось, не сулили и не принесли. Быть может, эту команду надо менять?

Понимает ли это Путин? На его декабрьской пресс-конференции эта тема не звучала. Осмелюсь полагать в этой связи, что хорошо бы Путину собрать за круглым столом лучших военспецов и поставить перед ними всего один вопрос: что нужно сделать, чтобы в кратчайший срок добиться полной и безоговорочной капитуляции Украины. Собрать все рекомендации, отсеять заведомо невыполнимые и незамедлительно выполнить все остальные.

Что мы, российское общество, можем предпринять в данной связи? Только одно: поднять волну общественного мнения, выдвигая взятие Харькова, Николаева и Одессы в качестве безоговорочного условия мира. Без которого и мир не будет миром, и победа — Победой. Народ России обязательно должен принять участие в разработке условий мира. Это ведь напрямую его касается ныне и присно.

Трамп, Маск и другие. Завершить обзор международно-политических итогов 2024 года следует разговором о президентских выборах в США.

В целом они стали показателем полной деградации западного общества и англо-саксонской субрасы в частности. Мы видим это на примере как Англии, где собственно английская природная элита истощена уже настолько, что вынужде-

на была поставить премьер-министром индуса Риши Сунака, а мэром Лондона — пакистанца Садика Хана, так и Америки, где не нашлось других кандидатур, кроме неадекватного Байдена и откровенно придурковатой темнокожей Харрис с одной стороны, и чересчур экстравагантного Трампа — с другой. Адекватность которого еще предстоит подтверждать и подтверждать. В связи с чем я ожидаю его вступление в должность с некоторой опаской, не вполне представляя себе, чем обернется для нас его столь долгожданное и выстраданное полномочие. Не сорвется ли он в экстазе, как говорится, с резьбы?

По моим впечатлениям, Россия в целом больше сочувствовала и желала победы Трампу, и я думаю, что это правильно. И не только потому, что это была победа простого здравого смысла над безумием. Чтобы прийти к такому убеждению, надо припомнить, чем особенно отличился Трамп в свою предыдущую каденцию. Мы помним главную внешнеполитическую линию, предложенную им США: отказ от мировой гегемонии и сосредоточение на внутренних национальных проблемах. То есть возвращение к той доктрине внешней политики США, в значительной мере изоляционистской, а не гегемонистской, каковая господствовала до Второй мировой войны. Об этом он совершенно однозначно высказался в своей речи на Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2018 г.

Вот фрагменты из той речи Трампа, которые я склонен трактовать как призыв к всеобщей смене парадигмы с имперской на националистическую:

«Мы считаем, что когда народы уважают права своих соседей и защищают интересы своих народов, они могут лучше взаимодействовать, чтобы обеспечить себе блага безопасности, процветания и мира. Каждый из нас сегодня является посланником страны с самобытной культурой, богатой историей и народом, связанными узами памяти, традициями и ценностями, которые делают наши родные страны такими, каких больше нет нигде на Земле.

Именно поэтому Америка всегда предпочтет независимость и сотрудничество глобальному правлению, и я уважаю право каждой страны в этом зале следовать своим обычаям, верованиям и традициям. Соединенные Штаты не будут указывать вам, как вам жить, работать или молиться и отправлять религиозные обряды. Мы лишь просим вас уважать наш суверенитет в ответ...

Мы отвергаем идеологию глобализма и принимаем идеологию патриотизма».

В устах любого из президентов США на памяти моего поколения подобные высказывания были бы, я думаю, невоз-

можно. Перед нами явный поворот всего послевоенного внешнеполитического курса Америки. От глобализма — к национализму. Отказ от глобального доминирования, замыкание на внутренних проблемах во имя патриотизма и процветания — вот новый смысл американской политики, американской принципиальной позиции.

Для России это было бы однозначно благом, совпадая по вектору с нашими стратегическими интересами, да и с требованием момента мировой истории. Но для всего мира это будет означать серьезную перенастройку как глобальной, так и региональной политики. Так что если в первый раз Трампа нередко воспринимали как нечто не очень-то серьезное, маргинальное, то на этот раз он становится глобальным фактором Большой игры. Потому что осознанный курс на маргинальность, если он будет принят Америкой, заставит менять правила игры, прежде всего, в Европе, а там и во всем мире. Уход на покой и смена глобального лидера, гегемона — это не шутки. Кстати, для стран Европы это будет означать необходимость искать нового хозяина, а ведь претендентов на эту роль не так уж много — Китай да Россия, вот, пожалуй, и все на сегодня. Китай, конечно, имеет больше преимуществ. Но не придется ли европейцам пролагать заново тропку и в Кремль?

Есть большая принципиальная и реальная разница между Трампом образца 2018 года и нынешним. Тогда он воспринимался как экзот, «как беззаконная комета в кругу расчисленном светил» (Пушкин), его мнение было всего лишь его мнением. Но за годы борьбы Трампа за возвращение в Белый дом Америка действительно раскололась пополам, и теперь позиция Трампа — это уже не его личное дело, а платформа большинства, сплотившегося на ее основе. И теперь у Трампа есть своя немалая команда единомышленников, которые готовы и хотят воплощать в жизнь вполне определенную политическую программу, они солидарны в этом, они будут бороться за это! И даже есть молодой вице-президент Вэнс, способный, если что, обеспечить преемственность курса, а это немаловажно. Политический разворот Америки — это очень серьезно и даже судьбоносно для всего мира, я бы сказал.

Конечно, во внешней политике Трамп не откажется от целей, продиктованных американскими интересами. Но это будут именно интересы страны, а не отдельных ведомств типа Пентагона или ЦРУ. И это тоже на руку России, поскольку американские интересы однозначно присутствуют на Ближнем и Дальнем Востоке, но не на Украине, которая много значит для Европы, но ничего или очень мало для США. Поло-

жим, у Байдена там были личные, семейные дела, но у Трампа таких нет. И это открывает для России неплохие возможности для маневра и торгов. Причем даже в Сирии, если иметь в виду желание Америки дать укорот Турции и напомнить ей, кто в доме хозяин.

Разумеется, очень многое будет зависеть от того, при каких обстоятельствах и как пройдет первая встреча Трампа и Путина. В какой степени Трамп будет пытаться давить на нашего президента, в какую сторону Путин будет подаваться, а в какую — нет, и будет ли сам выдвигать какие-то условия со стороны России. Думаю, ждать этой встречи теперь уже не слишком долго.

Понятно, что для нас главным пунктом диалога будет Украина, и к этому моменту надо бы нам иметь на руках некие новые важные козыри. Которыми могут быть только значительные успехи на фронте. Это понимают и в Киеве, так что следует ожидать от него каких-то очень серьезных боевых инициатив. О том, что Киев готовит такие, мы читаем постоянно. Что готовим мы? Поживем — увидим.

Надо полагать, с большим вниманием ждут этой встречи многие страны мира, как на Западе, так и на Востоке. Ведь мировая война уже развернулась и пусть вяло, но течет, ее не остановить, не отменить, но в каких масштабах она продолжится, с какой интенсивностью, где именно и в каких формах — всё это не может не волновать. А позиции Америки и России тут значат много.

Не будем забывать также, что на этот раз приход в Белый дом Трампа — это приход не только Трампа. Анализируя персональный состав претендентов на ключевые посты в государстве, мы понимаем, что Америку ждут глубокие серьезные перемены как во внешней, так и во внутренней политике. Мое внимание особенно привлекает фигура Илона Маска, которого я считаю одним из наиболее умных и незаурядных общественных деятелей современности. В нем идеально сочетаются черты предпринимателя, технократа и государственного человека, ответственного за свою страну. Думаю, его реальное влияние на политику США будет велико, хотя, возможно, и не вполне публично. И это тоже открывает для России определенные возможности; надеюсь у наших сильных мира сего найдутся поводы для наведения мостов с Маском — в космосе и на земле. Это тем более необходимо сделать, что от Маска и ему подобных технократов исходит и немалая опасность: перенос гонки вооружений в постядерную эпоху, где исход военных действий будет решать не атомная бомба, а искусственный интеллект, опутывающий гло-

бальной сетью всю систему вооружений противника на земле, на воде, под водой, в небе и в космосе.

На этом я хотел бы остановить свой анализ международных событий и перейти к событиям внутренней российской жизни.

Выборы президента Путина и несостоявшаяся мобилизация

На первом месте по значению у меня стоят выборы президента, прошедшие в марте, на которых ожидаемо победил с прекрасным результатом Владимир Путин. Я и сам за него голосовал, так что итог меня вполне порадовал. Ну нет сегодня в России никого, кто сравнился бы с Путиным по опыту государственного деятеля, по владению рычагами управления, по стратегическому целеполаганию, сколько бы частных претензий ему ни предъявлять по разным поводам. Неудивительно, что рейтинги доверия Путину, периодически вычисляемые разными соцопросами, подтверждают его высокий результат на выборах.

Единственное, что может очень серьезно подорвать это доверие, — это неверные условия прекращения военных действий на Украине. Поэтому с такой тревогой все мы следим за каждым словом и каждым шагом в данном направлении. Наш народ всегда был готов приносить жертвы на алтарь Отечества, но он не потерпит, чтобы эти жертвы были напрасны.

Кстати, о военных действиях в связи с выборами. Я был совершенно уверен и давал такой прогноз, что вскоре после выборов будет объявлена мобилизация. Я считал и считаю, что без мобилизации достойно завершить войну не удастся, поскольку ни осуществить прорыв до Киева, ни оккупировать и разоружить Украину, ни разместить на ее земле наши военные базы вместо ВСУ, ни провести люстрацию и денацификацию по образцу послевоенной Германии — ничего этого мы не сможем. Элементарно людей не хватит. И даже просто разгромить ВСУ как следует, не имея существенного перевеса в живой силе, не получится. Так, кстати, считают многие эксперты, в чем нетрудно убедиться, пошарив по интернету.

До выборов объявлять мобилизацию было бы политически ошибочно, думал я, следовательно ее обязательно объявят вскоре после. Я в этом не сомневался, но... этого не случилось. И теперь я ломаю голову, почему это так, и что из этого следует. Хватит ли у нас силенок, чтобы добиться безоговорочной капитуляции противника, а если нет — то какими

уступками с нашей стороны это непременно обернется? Ради чего воюем, в конце концов?

Неправильно оконченная война (не дай Бог, конечно, дожить до этого!) потянет за собой такой шлейф негатива во всем — в политике, экономике и культуре, приведет к таким последствиям, исправлять которые придется не одному поколению россиян. Минувший год дал пищу для раздумий, надежд и тревог по данному поводу, но не предрешил пока ничего. Развязка наступит, скорее всего, в 2025 году, и нам остается ждать ее, но ждать не пассивно, а добиваясь широкого всенародного обсуждения: каким должен быть результат войны и чего мы ждем от победы.

Русская тема

Безусловно важнейшим итогом 2024 года, неразрывно связанным с СВО и во многом ею обусловленным, является неуклонное развитие русской темы. Оно началось еще в 2022 году, но усиливается год от года, становясь мейнстримом всей России.

Год назад я писал:

«Поворот к русскому. Важнейший итог 2023 года — реабилитация русской темы... Неожиданным подтверждением этому прозвучали слова президента Путина, сказанные 28 ноября с высокой трибуны XXV Всемирного Русского Народного Собора: «Русский мир — это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир — это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности. Но хочу подчеркнуть: без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть Русского мира и самой России». Слова, прямо скажем, долгожданные, пришедшиеся как нельзя вовремя.

Путин, однако, на этом не остановился, а продолжил тему на пресс-конференции 14 декабря, посвященной итогам года: «По поводу советов, напутствий: надо верить в великий русский, российский народ, в этой вере залог успеха в возрождении, в становлении и развитии России», — сказал он в ответ на вопрос, какой совет он дал бы себе в 2000 году, заступая впервые на пост президента. Конечно, он мгновенно политкорректно поправился насчет «российского» народа, но первым-то с

его уст сорвалось слово «русский», а первое слово, как говорится, дороже второго.

Оба выступления Путина, следовавшие с всего лишь двухнедельным перерывом, — это не только и не просто привычная пропагандистская «артподготовка» перед президентской кампанией, это показатель важного поворота во внутренней политике. В данной связи надо вспомнить, что летом 2020 года именно по инициативе президента в конституцию было внесено представление о русских как о государствообразующем народе России (президент, кстати, не случайно напомнил об этом в том же выступлении на ВНРС). Это вызвало у некоторых критиканов бурю негодования; представители татарской общности во главе с депутатами Меджлиса даже обратились в Конституционный суд с просьбой установить соответствие этой поправки — Конституции России. И 16 марта 2020 года произошло поистине историческое событие: Конституционный суд вынес разъяснение, что — да, именно русский и никакой другой народ является единственным государствообразующим народом России.

Всё это говорит о том, что «поворот к русскому» назначен и вдохновлен с самого верха нашей общественной пирамиды, а потому, как это обычно случается в России, он имеет шанс на успех...

Вновь скажу, что надо поблагодарить судьбу, пославшую нам СВО для пробуждения и возмужания... В завершение этой темы напомню, что такой же «поворот к русскому» недаром совершил Сталин в 1930-е годы в предвидении тяжелой войны с Западом. Потому что русский здоровый, правильный национализм, то есть любовь к своему народу, — был тогда и всегда будет необходимым фактором нашей победы, без которого — никак».

Эту взаимосвязь хорошо понимает президент, который, выступив 20.12.24 на заседании Государственного совета по вопросам поддержки русских семей, согласился с мнением депутатов Госдумы о том, что Русский мир находится под атакой врагов, что Русскому миру объявлена война. «Так оно и есть», — сказал на это Владимир Путин.

В очевидной связке с президентом выступил на русскую тему и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время своего выступления в Храме Христа Спасителя на ежегодном собрании Московской городской епархии, который обрушился с критикой на попытки провокаторов «оспорить государствообразующую роль русского народа, отодвинуть русский народ на периферию осмысления исторического процесса и таким образом фактически переписать

всю историю». В этих словах мы слышим, в частности, ответ на скандальное выступление зампреда Духовного управления мусульман, муфтия Дамира Мухетдинова на международной научной конференции «Пути страны: цивилизации Востока в исторической динамике» в Екатеринбурге. Но не только на него, тут имеет место быть тенденция.

Невозможно отрицать, подвожу я итог этой главке, что русская тема сейчас не сходит с уст, страниц и экранов на всех уровнях нашего общественного бытия, а значит и сознания. Это прямое следствие СВО, но с нею не окончится: маховик слишком разогнался, русские массово просыпаются от затянувшегося на сто с лишним лет анабиоза.

Особое звучание приобрела русская тема в связи с резко обострившейся в 2024 году проблемой миграции и мигрантов, которая давно уже стала неотъемлемой частью русского вопроса. О ней надо говорить отдельно, поскольку это важный итог года.

Миграционная проблема

Тема мигрантов уже в 2023 году достигла высокого накала в обсуждении, в котором приняли участие высшие чины многих правоохранительных органов, депутаты, члены общественных организаций, патриарх Кирилл и президент Владимир Путин. Напомню, что патриарх прозорливо указал на главную опасность, которую несет с собой увеличение численности мигрантов: «Речь идет о демографических процессах, которые могут радикально изменить природу нашей страны и нашего государства».

Путин даже подписал в самом конце 2023 года, 25 декабря, один за другим два закона, которые мигрантов отнюдь не порадовали. Во-первых, это закон об изменении правил выдачи материнского капитала. А во-вторых — закон об изменении правил депортации мигрантов. В своем ежегодном обзоре «Подводя итоги» за 2023 год я подробно их охарактеризовал, возвращаться не стану. Но тогда же я вполне точно предвидел: «Волна возмущения, в которой объединился порыв населения снизу и политический расчет сверху, не собирается, я думаю, спадать и будет приводить всё к новым последствиям. Поскольку проблема реальна, долгосрочна, значительна и опасна для общества (мы это видим на опыте Европы и США), значит, дело тут не может ограничиться краткосрочной кампанией. Так что инициативы по пресечению мигрантского беспредела наверняка будут поступать еще и еще».

Я оказался прав, и тому есть две вполне объективные причины. Во-первых, органам госбезопасности стало известно, как британская разведка занимается развалом России, используя мигрантскую политику. Об этом рассказал Госдуме связанный со спецслужбами депутат Андрей Луговой, а в широкую публику информацию передал «Бесогон» Никиты Михалкова. Оказывается, *«из Москвы были высланы шесть сотрудников политотдела посольства Великобритании. <...> Именно они вели подрывную работу и координировали протесты, лоббировали миграционные вопросы, выгодные британской короне. Британские дипломаты координировали «агентов влияния» здесь, в России, большая часть которых сейчас в бегах за границей.*

Через этих самых «агентов» была создана специальная сеть, которая под эгидой помощи мигрантам прикрывала этнические группировки, оказывала юридическую поддержку радикалам. И всё это финансировал Форин-офис (британское Министерство иностранных дел). «Агенты влияния» собирают эту силу, чтобы однажды она выстрелила и спровоцировала внутренние конфликты.

В 2022 году Форин-офис выделил более 225 миллионов рублей на проекты в сфере миграции. Наибольшее финансирование получили Бюро Международной организации по миграции в Москве, Фонд «Безопасный дом», а также Приволжский миграционный центр, отделение Российского Красного Креста в Санкт-Петербурге и общественная организация «Уральский дом».

Через подконтрольные неправительственные организации западные кураторы делают всё, чтобы перевоспитать новое молодое поколение. И приезжающие в Россию мигранты, уже с перепрошитыми Западом мозгами, проявляют не просто нетерпимость к местному населению, а нередко агрессию и жестокость».

Во-вторых, указанная информация попала на подготовленную почву, поскольку жители России именно в 2024 году дважды стали свидетелями исключительно жестокой агрессии со стороны мигрантов. Я имею в виду беспрецедентный кровавый теракт в «Крокус Сити», совершенный группой таджиков по указанию мусульманских экстремистов, а также убийство генерала Кириллова молодым узбеком, агентом украинской разведки. Нельзя назвать случайностью тот факт, что исполнителями заказных терактов, производимых в России, становятся, как правило, выходцы из Средней Азии, которых стало настолько много, что контролировать всех уже невозможно. Это идеаль-

ный материал для любых разведок мира, не только британской, украинской или запрещенного у нас ИГИЛа, живой рассадник диверсантов. Перед нами — невоенное решение вполне военных задач. И попытка столкнуть Россию в очередную гражданскую войну.

Но основная опасность, которую несет с собой миграционный поток, не в этом. Надо прежде всего понимать, что хотя миграционная проблема имеет экономическую, санитарную, криминальную и даже военную составляющую, но сама по себе это проблема, в первую очередь, этнополитическая, а не какая-либо иная. И методами политэкономии решена быть не может.

Сегодня мы наблюдаем в России опаснейшую социальную болезнь — это так называемая замещающая иммиграция, с помощью которой уже происходит вытеснение русских инородцами (иноверцами по совместительству, поскольку речь в основном о мусульманах) из важных сфер жизни. Как бы демонстрируя нам в образующихся нерусских анклавах и стремительно чернеющих регионах, как именно будет происходить освоение России инородцами и в каком положении окажутся в ней русские.

Как давно установила наука, поведение мигрантов на чужой территории всегда подчиняется единому алгоритму:

1. После прибытия на новое место жительства вначале происходит адаптация, внедрение. На этом этапе мигранты стремятся интегрироваться в местное общество, они учат язык, демонстрируют законопослушность и не пытаются «качать права».

2. Вскоре следует усиленное размножение на новом месте и рост численности популяции за счет новоприбывших, что приводит к созданию своего национального анклава и диаспоральной системы самоуправления. Учить язык новой родины становится не обязательно, соблюдать ее законы и обычаи — тоже, ведь вокруг уже и так всё свое, привычное — продуктовые лавки, медицинские услуги, молельни и т.д.

3. В повестку дня ставится требование прав экономического, социального, культурного и т.д., равенства с коренным этносом.

4. Продолжается усиленное размножение в условиях более благоприятных, чем те, которые были на покинутой родине.

5. Равенства прав мигрантам уже недостаточно. Всё заканчивается «восстанием диаспор» — предъявлением прав на захваченную территорию, ресурсы и инфраструктуру, с перспективой господства или отделения. При этом «каждый

этнос искренне считает справедливым только то, что выгодно именно ему»*.

Перед нами модель, действие которой мы имеем возможность наблюдать воочию не только в окраинных районах Москвы, но и в городах и селах России, начиная с ближнего Подмосковья. Это уже реальность нашей жизни, угнетающая сознание русских людей, мешающая им жить нормальной жизнью по своим, а не по чужим правилам.

Основная опасность, которую несут с собой мигранты, — растворение государствообразующего русского народа в других этносах, падение его удельного веса. И неизбежно следующая за этим утрата Россией своей национальной идентичности, а затем ее дезинтеграция и распад. Вот почему приток мигрантов должен быть радикально ограничен введением визового режима, а уже имеющийся наличный состав мигрантов, в том числе (и особенно) новых нерусских граждан с семьями, с детьми — резко сокращен и защищен.

Заинтересованность стран Запада в том, чтобы регулировать миграционные процессы в России, ярко проявилась еще четверть века тому назад. Для этого уже тогда велась вполне сознательная и целенаправленная работа мозговых центров. Об этом я подробно писал в книге «Итоги XX века для России. Европа, Америка и Россия: этнодемографический и этнополитический аспекты современной истории» (М., 2000).

За четверть века изменилось одно: если тогда людям Запада хотелось превратить Россию в отстойник человеческих излишков из Африки, Азии и Латинской Америки, чтобы снизить миграционное давление в собственных странах, то теперь им больше нужно другое — покончить с Россией вообще, чтобы прибрать к рукам ее добро. А для этого — подорвать государствообразующую роль русского народа, роль хозяина дома, максимально снизить его удельный вес с помощью миграционного потока, чтобы русские не смогли удерживать всё российское пространство в своих руках. А затем разорвать Россию на части, удобные для эксплуатации ее богатств.

Вот какую цель преследует мигрантское лобби в России, вот чьи интересы оно обслуживает, вот почему так дерзко и напористо выступают его лидеры, чувствующие себя хорошо защищенными под эгидой хозяев мира.

В связи со сказанным важным итогом 2024 года следует считать новый уровень, на который вышло понимание миграционной темы в высоких слоях политической атмосферы.

* Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). — М., Воронеж, Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2004.

Об опасности миграционного потока, меняющего не только образ жизни коренного населения, но и лицо России, заговорили в Государственной думе и даже устами патриарха, который в своих речах делает акцент именно на этнодемографическом балансе и необходимости беречь и хранить русскую национальную идентичность нашей России.

Отрадным явлением, внушающим надежду, стала позиция руководителя Следственного комитета России Александра Бастрыкина, который принял на себя нелегкую роль защитника русских в бесконечной серии конфликтов на национальной почве, источником которых являются мигранты. К сожалению, эта позиция не стала пока всеобщей среди наших разнообразных правоохранителей (начиная с шефа МВД Колокольцева), пораженных — кто обычным пофигизмом и ленью, кто недопониманием вопроса, а кто и коррупцией, как выяснилось по ряду уголовных дел в отношении высокопоставленных чинов, «крышевавших» диаспоры и мигрантов. Но на них пытаются воздействовать как сверху — тот же Бастрыкин, так и снизу — такие легальные организации, как «Северный человек» и «Русская община». Последняя, в частности, выдвигает следующие требования: «Запретить выдачу гражданства трудовым мигрантам — только рабочие визы; провести ревизию присвоения гражданства 100% получивших гражданство РФ, а те, кто получил его незаконно, должны быть привлечены к уголовной ответственности и депортированы; немедленно депортировать семьи мигрантов с территории РФ после любого административного нарушения, совершенного любым членом семьи; всех, не работающих официально на предприятиях РФ иностранцев, отправлять обратно на историческую родину; прием иностранцев в ВУЗы РФ только на общих основаниях, без всяких квотных привилегий; ужесточенная ответственность чиновников, нарушающих миграционное законодательство».

Для меня несомненно, что в деятельности названных общественных организаций отразилась СВО, резко стимулировавшая пробуждение национального самосознания русского народа, благодаря продвижению концепта «Русского мира». Эти подвижки в конце концов сказались и в деятельности Государственной думы, которая в истекшем году приняла ряд законов, ограничивающих беспредел мигрантов. В главном законодательном органе России появились даже подвижники, в полный рост вставшие против мигрантского лобби. И это не только честные и мужественные депутаты (Михаил Делягин, Михаил Матвеев и др.), но и сам председатель ГД — Вячеслав Володин.

Необходимо сказать несколько слов о конкретных законах, упорядочивающих пребывание мигрантов в России.

Прежде всего, им ограничен срок максимального пребывания без виз. С 1 января 2025 года максимальный безвизовый срок сокращён до 90 суток (ровно вдвое). С 5 февраля 2025 года у пограничников появится право в отказе на въезд, если возникло предположение, что иностранец может угрожать безопасности России (данное решение могут принимать сотрудники на месте — без объяснений в других инстанциях). Введен лимит на владение сим-картами — не более 10 мобильных номеров.

Криминальный аспект миграционной проблемы требует особого внимания. Федеральное правительство планирует в 2025 году создать т.н. реестр контролируемых лиц, в который попадут все иностранные граждане, совершившие в России преступление или нарушившие порядок ВНЖ. Для этого уже создана необходимая правовая база. Если иностранец или лицо без гражданства попало в реестр контролируемых лиц, на него будет распространяться режим высылки. Если человек несколько раз нарушает режим высылки, его смогут депортировать.

В ближайшие месяцы планируется запретить продажу оружия жителям других стран, а также обязать проходить дактилоскопию всем, кто планирует работать в России или находиться в стране более 90 дней.

В августе 2024 г. принята поправка к Закону «О гражданстве Российской Федерации», согласно которой мужчине придется расстаться с полученным паспортом, если он не встал на воинский учет.

Введены в действие финансовые механизмы, направленные на ограничение въезда мигрантов. 1 июля 2024 года увеличены пошлины за выдачу разрешений на работу. Ценник по всему списку подняли на 20%. Теперь компания платит госпошлину за выдачу разрешений на использование иностранных работников в размере 12 тыс. руб., а за выдачу приглашения на въезд в РФ — 4200 руб. С 1 января 2024 года увеличен размер ежемесячного авансового платежа за трудовой патент.

Наряду с федеральными нормами, существуют региональные. Главы областей и республик могут полностью запретить иностранцам работать в определенных сферах. Например, в Московской области с 1 января 2025 года трудовые мигранты не смогут устроиться в общепит, организации здравоохранения.

ранения, образования и соцслуж. А для каждой сферы бизнеса правительство в Москве устанавливает допустимое количество заграничной рабочей силы (квоты). В некоторых регионах (в середине 2024-го в 16-и) граждане других стран без ВНЖ не имеют права работать в такси. Теперь иностранцы в Москве платят за трудовой патент ежемесячно 7500 руб, в Санкт-Петербурге — 4600 руб. В большинстве регионов страны ценник колеблется в диапазоне от 6 до 8 тысяч руб. Самые дорогие трудовые патенты в Республике Саха и в ЯНАО — 12 957 и 11 555 рублей соответственно. И т.д.

Лазейкой для получения мигрантами ВНЖ долгие годы служили фиктивные браки. В октябре 2024 г. в Госдуме наконец-то приняли закон, который усложняет получение вида на жительство (ВНЖ) или разрешения на временное проживание (РВП) иностранным гражданам, решившим вступить в брак или усыновить ребенка. Теперь получить статус резидента в России можно только по истечении трехлетнего периода. Причем если судом будет установлено, что брак фиктивный или развод состоялся сразу после получения документов, вид на жительство могут аннулировать.

Всё это замечательно и заслуживает одобрения, но есть несколько обстоятельств, не дающих возможности успокоиться.

Во-первых, все эти строгие меры не распространяются на проживающих в России граждан ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии), а также на лиц, имеющих РВП или ВНЖ и на высококвалифицированных специалистов. А чем, спрашивается, все они для нас, русских, лучше граждан Таджикистана или Узбекистана? Они что, родня нам или близкие друзья, за что им такое снисхождение?! Ну ладно бы еще белорусы — это те же русские с не слишком значительными отличиями в языке. Им без всякого сомнения можно дать зеленую улицу. Но остальные-то?

Во-вторых, «высококвалифицированный» иностранец и его родственники могут получить бессрочный ВНЖ в России, если специалист проработал более двух лет, соблюдая законы страны и своевременно выплачивая налоги. Правда, в октябре прошлого года в Госдуме прозвучало предложение исключить медицинский и преподавательский состав из списка кандидатов на получение ВНЖ по упрощенной программе. Хотелось бы, чтобы в 2025 году оно было реализовано. Но в принципе надо задуматься, зачем создавать своим российским специалистам искусственную конкуренцию за счет приезжих, получивших бог знает как и какую квалификацию по чужим стандартам?

В-третьих и в-главных: лица, получившие ВНЖ или РВП, обретают огромный бонус в вопросе трудоустройства: на них не распространяются квоты и ограничения, установленные для трудовых мигрантов. Это значит, что лавина мигрантов теперь устремится к обладанию названными документами, и это широко откроет ворота коррупции и злоупотреблениям. Им нужно поставить препоны.

Особенный резонанс получил закон, принятый сразу в третьем чтении, запрещающий принимать в школы детей мигрантов, не владеющих русским языком. Он, вне всякого сомнения, имеет большое значение. Поскольку для нас, русских, едва ли не главная опасность состоит именно в перетягивании в Россию из Средней Азии и Закавказья юных поколений, способных здесь заякориться, пустить корни, влиться в состав населения, разбавить русский этнос. Именно этому следует противиться в максимальной степени. Пусть необходимое число инородцев приезжает к нам в качестве рабочих рук трудиться по квотам и визам, но только не со своими семьями и не с детьми, пребывание которых в России, столь нежелательное и конфликтогенное для нас, должно быть максимально некомфортным и для них. Лоббисты мигрантов возражали: мигрантских детей, дескать, в России всего-то двести тысяч, есть из-за чего огород городить! (к примеру, К. Затулин. — Ред.) Но каждый такой ребенок в школе, в классе тормозит обучение десятков детей коренного населения, не дает им учиться и развиваться в полную силу. А это уже счет на миллионы детей! Наших детей!

Дума приняла правильный закон, это бесспорно. Но, во-первых, в нем ничего не сказано о тех не знающих русского языка мигрантских детях, которыми уже обременены наши школы: их-то куда девать?! Получается, что они так и будут отсиживать школьные дни рядом с русскоязычными детьми коренных народов России, отнимая внимание учителей и учеников, стягивая их в пучину тупости и непродуктивной траты времени. Беда! А во-вторых, тут же нашлись печальники, заявляющие, что это Россия должна за свой счет готовить мигрантских детей к постижению русского языка. И наше гуманное, жалостливое Минпросвещения уже анонсировало бесплатные тесты для потенциальных учеников. И поговаривает, что также бесплатными будут курсы русского языка для несовершеннолетних мигрантов, желающих получать среднее образование. Как будто нам некуда девать многие миллионы рублей, которые придется выделить с этой це-

лю из российского бюджета на фоне расходов на СВО. Похоже, чиновники нашли новый способ присосаться к государственной мошне. Но нам-то, гражданам России, зачем это нужно?

Ничем не лучше идея, которую продвигает сам президент Путин: организация русских школ в Таджикистане, Узбекистане и т.д., чтобы готовить там будущие кадры для работы в России. Предполагается, что они будут лояльны нам. Увы, это нисколько не воспрепятствует развитию русофобии в названных странах, где в самых обычных школах история изучается по учебникам, обвиняющим Россию в колониализме и угнетении титульных народов азиатских республик, входивших в СССР. Так что единственным результатом развития русских школ в Душанбе, Ташкенте, Ашхабаде, Бишкеке и т.д. будет воспитание молодого поколения, ненавидящего Россию и русских, но при этом отлично говорящего по-русски! Вот-то будет нам надежда и опора...

Словом, на поле урегулирования мигрантской проблемы предстоит еще не одна баталия на всех уровнях общества вплоть до наивысшего. А нам, работникам пера, надо неустанно вести разъяснительную работу.

Обратите внимание

Пресс-конференцию «Итоги года», прошедшую 19 декабря 2024 г., президент Владимир Путин начал с разговора об экономике России. Он дал понять, что это — принципиально, ибо «всё — на экономике». Вполне традиционная позиция советского офицера, чье гуманитарное образование базировалось на марксистской политэкономии. После чего в течение более четырех часов длилось выступление и ответы на вопросы, в ходе которых в изобилии звучали темы пенсии, ЖКХ, ипотеки и т.п. — всё, что должно бы входить в компетенцию премьер-министра. То есть мы увидели и услышали речи «завхоза России» или «всероссийского старосты», как кому угодно. Хотя я надеялся услышать речи президента и главнокомандующего, но именно этого почти не было или было ничтожно мало.

Вот почему я попытался выше серьезно поговорить с читателем о том, что действительно можно считать главным в 2024 году (не пенсии же с ипотекой!), о реальных итогах года. Но список этих итогов был бы неполон, если не вспомнить о некоторых внутривнутриполитических обстоятельствах, способных преобразить нашу будущую жизнь. Их я насчитал всего три и хочу обратить на них внимание.

Либералы проиграли

Протекший год довольно существенно и заметно поменял политический расклад в обществе. Либералы зримо утратили свои былые позиции. Многие просто убежали, а кто-то и затаился или даже мимикрировал. Как, к примеру, Ксюша Собчак, которая воспользовалась пресс-конференцией Путина, чтобы предстать в роли патриотической журналистки, озабоченный общественным благом. Или супруг оной Ксюши, режиссер Константин Богомолов, который разразился большим текстом, обличающим непатриотизм его бывших коллег и видных представителей либерально-богемной тусовки.

Что говорить, атмосфера в обществе под воздействием очистительной военной грозы заметно улучшилась, патриотам стало легче дышать, им уже не так угрожает моральный прессинг, остракизм со стороны еще недавно влиятельных гуманитариев. Проще стало высказывать правильные вещи...

Теперь важно не расслабиться, не утратить бдительности, не поддаться извечному русскому всепрощению и миролюбию. Чистку общества надо продолжать. И верить тем релокантам, которые, судя по всему, готовятся к массовому возвращению в Россию под патриотической личиной (живой пример — супруги-эстрадники Никитины), нельзя. Подобным токсичным псевдо-гражданам не место в России. Не возвращать их в Россию надо, а выдвинуть из России оставшихся их единомышленников, вот на чем надо бы сосредоточиться обществу.

Очистительный погром в Минобороны

Весьма важным итогом года я считаю оглушительные процессы против коррупционеров и воров, сотрясшие Министерство обороны и иные правительственные сферы. Как дал понять министр Андрей Белоусов, продолжение следует, чистки и наведение порядка продолжатся. Хочется этому верить. Мы ждали этого долго.

Что смущает в данной ситуации? Отсутствие смертной казни за нанесение ущерба государству в особо крупных размерах. Уж если чистить общество — то по-настоящему. Я не вижу, что можно против этого возразить.

Новые назначенцы

Бесспорно, к лучшим итогам года можно отнести новую кадровую политику с опорой на заведомо честных патрио-

тов, проявивших непоказной героизм на полях сражений. Мы увидели не только отдельных замечательных представителей этой светлой породы на ответственных постах в Туле, Екатеринбурге и некоторых других местах (кстати, я положительно оцениваю и назначение и.о. губернатора Курска Александра Хинштейна, хотя его фронт проходил на законодательном поле). Мы увидели нечто более важное: в России создается немалый кадровый резерв, в котором, хочется верить, не будет случайных людей с сомнительной идеологией.

2022 и 2023 годы породили в нас большие ожидания и надежды. 2024 год их не особо оправдал, оставив решение проблем «на потом», на 2025-й. Но об итогах 2025 года я надеюсь написать через год.

ДЫХАНИЕ ДОНБАССА

(Суровые будни роты «Шторм V»)

ГЛАВЫ РОМАНА

Война расплзалась, и теперь велись бои за исконно русские земли, что более всего тяготило Семёна Прибылого. И не давала покоя одна мысль, прозвучавшая от Маргариты Леонидовны на днях. За последние месяцы экстёща пополнела, зато восьмилетняя старшая дочка Семёна вытянулась, лицом стала более походить на него. Семён часто помогал Маргарите, даже и тогда, когда прошёл год после пропажи жены, уехавшей с любовником в Испанию. За это время Семён развёлся с ней после всех прокурорских проверок и признания судом безвестно пропавшей. Это, конечно, формальность, но она была необходима для того, чтобы расписаться с Ольгой. Семён с Маргаритой были на суде в качестве свидетелей: что знали — рассказали, хотя показания их были схожими и практически ничем не помогли следствию. Не помогли ему и показания Максима, хотя могли бы по-настоящему внести ясность. Ведь он был последним, кто видел Ксению, о чём он, собственно, и сообщил следствию, когда возвратился из Испании в подозрительном одиночестве. Его не еди-

ПРОЗА

ножды вызывали к следователю, но Максим как-то выкрутился. Так что все, как говорится, остались при своих интересах. На этом всё и закончилось, хотя жалко, конечно, Ксению, даже Семён её жалел, хотя, казалось бы, не за что. Но как сказать, не побоявшись Бога, что его это не касается. Нет, это невозможно. Как довести до Максима то, в чём его можно было уличить. Поэтому, когда выходили из здания суда, Семён сказал ему:

— Нас не боишься, так побойся Бога! Это пострашнее будет.

В тот раз подумалось, что он более никогда с ним не пересечётся. Но вот встретил на заправке раз, другой и более не мог на него спокойно смотреть. Стал ездить на другую заправку, чтобы не видеть этого слизняка. Уж думал, что теперь нескоро встретится, а лучше — никогда, но вышло совсем не так, как представлялось, после недавнего разговора с Маргаритой. Она позвонила на работу и начала чего-то говорить о Виолкиной квартире, которая теперь по дарственной может достаться ему, что, мол, сегодня звонил Максим и сказал, что надо встретиться.

— Ну и чего ему надо? — спросил Семён, сразу догадавшись, что просто так этот ублюдок звонить не будет.

— Показал дарственную на Виолкину квартиру. Мол, дарственную ещё Ксения написала, перед тем, как поехать в Испанию.

— Вы эту доверенность видели?

— Даже читала. Написана женским почерком с указанием паспортных данных Ксении.

После работы Семён заехал к Маргарите и сразу с вопросом:

— Что этому подонку нужно?

— Два миллиона. А откуда они у меня?

— Дарственная у нотариуса заверена?

— Нет же — от руки написана женским почерком.

— Тогда пусть идёт лесом! И откуда он мог знать, что у Виолки есть квартира, если сама Ксения ни сном, ни духом не ведала о ней. Значит, отец сказал о квартире, а Ксения похвалилась новостью с Максимом?

— Получается, что так.

— И сразу написала дарственную? Что за бред! Не могла она так поступить, тогда бы пришлось нарушать договорённость с отцом, пусть и устную. Да и с какой стати она должна дарить квартиру чужому человеку. У вас есть его телефон?

— Да, остался ещё с того времени, когда шло следствие.

Семён сразу позвонил по продиктованному Маргаритой телефону и, как и ожидал, телефон был вне зоны доступа.

— У него же мать должна быть жива?

— Есть и её телефон...

Он вновь перезвонил. Домашний, женский голос ответил, а Прибылой попросил к телефону Максима.

— А кто его спрашивает? Что ему передать?

— Надо с ним встретиться. Запишите мой телефон. — Прибылой продиктовал номер своего телефона, попросил:

— Передайте ему, что жду его звонка!

Маргарита, слушавшая разговор, вздохнула:

— Не позвонит он. Они оба с матерью скрытные.

— Подождём и будем принимать меры в случае чего.

Поговорив с Маргаритой Леонидовной, Семён знал, что делать: надо самому найти Максима! И даже знал как: вернуться на прежнюю заправку и там его выследить. Пусть не сразу, но он должен объявиться, если уж таким дерзким стал и потерял всякий страх. Была мысль о том, что, может, связался с кем-то, кто науськивает его и в случае чего защитит. Всё может быть. Но в любом случае нужно его сперва разыскать и попытаться узнать планы, и вообще: кто он на самом деле, с кем связан и кто, возможно, за ним стоит. Если криминальная группировка, то это осложнит принятие решения, придётся выкручиваться, хитрить. Хотя хитрить придётся в любом случае. Вот только знать бы, сколько времени понадобится, чтобы разыскать его. Ведь пока будет дожидаться встречи с ним, может что угодно произойти, и может так случиться, что все усилия окажутся запоздалыми. Вот что более всего тревожило. Прибылой хотел было в соцсетях пошариться, но, не зная фамилии, это почти бесполезно, потому что с таким именем могут быть сотни, тысячи пользователей.

— Фамилию Максима не помните? У меня вертится на языке и не более того.

— Где-то была записана! — всколыхнулась Маргарита. — Подождёшь, пока посмотрю, или мне перезвонить.

— Подожду!

Ждал минут пять, пока тёща взяла трубку, пиши:

— Терентьевский он, как и мать его. А зачем это тебе?

— Боюсь, что не позвонит. Попытаюсь найти в соцсетях.

Семён сразу же начал поиск с «Контакта». Фамилия редкая, поэтому высветилось в поиске всего несколько Романов с такой фамилией. Отбросив не подходящих по возрасту, он остановился на одном, правда, без аватарки. Представившись, написал ему в мессенджер, высказал просьбу о встрече. Попросил безотлагательно связаться. Семён не надеялся, что Терентьевский позвонит, а если и позвонит, то, значит, чувствует себя в создавшейся ситуации неуверенно, захочет

выведать настроение. Быть может, затеет торг. Всё может быть. Если же за ним кто-то стоит, будет пытаться запугать. В любом случае встреча необходима.

Домой Семён вернулся позже обычного, Ольга его ждала, спросила:

— На работе задержался?

— К Маргарите заезжал. Виолка прихворнула.

Более она ничего не стала спрашивать, быстро подогрела котлеты, поставила на стол салат из помидоров, включила чайник.

— Как Анютка! — спросил Семён.

— Спит. Тебя ждала. К двери подойдёт и тебя зовёт, что-то лопочем по-своему.

— А где Женька?

— За компом сидит.

Он посмотрел на жену долгим-предолгим взглядом, отчего она даже слегка смутилась, улыбнулась и, немного подумав, ласково выдохнула:

— С тобой всё ясно.

Максим Терентьевский как знал, что от звонка зятя Маргариты не увернуться. Ведь наверняка она всё рассказала ему, нажаловалась. Это всё логично. Ведь не тысячу, не две он запросил, а два миллиона! Казалось бы, неподъёмная сумма, но это для простого смертного, но не для такой шуки, как вдова местного олигарха, наверняка припрятавшей в заначках ого-го сколько. Должна припрятать. И сколько она не прикидывайся нищенкой, никто ей не поверит. Надо лишь покрепче поднажать, припугнуть, а потом можно и торг устроить. Допустим, согласится на полтора лимона. На худой конец — лимончик отжать, который ох как пригодился бы в сегодняшней жизни. А жизнь его оказалась закрученной донельзя. Ещё с той самой поездки в Испанию с Ксенией. Тогда казалось, что дело верное, в случае успеха они бы с ней не хило заработали, но вся тогдашняя авантюра обернулась если уж не трагедией, то драмой — это точно. Но бесследно исчезла Ксения, пропали немалые деньги — два лимона зелени. Он не любил теперь вспоминать те события, но они нет-нет да возвращались во снах, и он вновь и вновь испытывал тогдашнее безумие. Он хорошо помнил, как они договорились в Барселоне с некими дельцами, гарантировавшими им половину суммы, за которой они приехали в Испанию и которую в банке не выдавали законным способом из-за санкций, как получили её, как потом им организовали «туристическую» поездку на мини-автобусе, обещали доставить через Шен-

генскую зону по югу Европы, а на таможенной границе Греции и Турции у них, мол, есть надёжные люди, которые помогут добраться до Стамбула.

Максим сразу понял, что это развод, туфта, никто их не повезёт до Стамбула, а за Барселоной в горах грохнут, завалят камнями и всё — прощай жизнь. Тем более что они выехали в ночь. Сбравшись совершить побег, Максим проверил в кармане джинсов портмоне с документами, пачку евро в заднем под рубашкой навывпуск и попросил остановить машину по нужде.

— Остановим, только чтобы без шуток, — предупредил один с южнорусским акцентом.

Ксения, тоже попыталась выйти, но её остановили:

— По одному!

И Максим понял, что, возможно, иных шансов у него не будет, поэтому, отойдя к придорожным кустам, сразу же сиганул за валун, от него в сторону за дерево и побежал, что было сил, в гору, иногда спотыкаясь о валежник, в каком-то месте оступился, упал, но быстро подхватился и продолжил мчаться со скоростью, на какую способен мастер спорта в беге на средние дистанции. Наверное, через километр остановился, прислушался: погони не было или она безнадежно отстала. Мысли работали лихорадочно, он пытался успокоиться, всё обдумать. Не сразу, но отдышался. Вспомнил о Ксении. С ней-то что? Ведь не отпустят. И денег она не увидит, и саму где-нибудь прикопают. Будет ли его вина в этом? Как сказать. Ведь сама же она втянула в эту авантюру — и вот что в результате вышло. Где он, а где она?

Часа через два он осторожно вышел на дорогу и пошёл на зарево огней Барселоны, желая одного: незамеченным добраться до аэропорта и постараться как можно скорее улететь в сторону России. Машин к этому часу относительно немного, поэтому он успевал сойти с обочины и спрятаться либо за кустами, либо за валуном, либо просто присесть, если не оказывалось подходящего укрытия. Только когда добрался до городских зданий, начал присматриваться к проходящим машинам, надеясь высмотреть такси. Но их не было, и он шёл и шёл, пока кто-то остановился, и водитель, наклонившись к окну, что-то сказал по-испански:

— Такси? — спросил Максим.

— Такси, сеньор, такси...

— Аэропорт Эль-Прат?

— Си, пор фавор, — кивнул водитель. — Синкуэнта евро...

Терентьевский кивнул и сел на заднее сиденье. Пока ехал, вспоминал, сколько у него евро в портмоне, так сказать, на

мелкие расходы, — тысяча должна быть, но из тысячи отдавать пятьдесят — это ещё то удовольствие. Менее чем за полчаса он оказался в аэропорту и первым делом устремился к табло вылета. Увиденное его огорчило, потому что рейс до Еревана будет лишь после обеда, и надо перекусить и как-то перекантоваться, желательно не особенно светясь под камерами. Хотя теперь от них никуда не денешься — они везде понатыканы. Но за ним лично никакого греха не водилось в Испании, а проходимцы, с которыми они с Ксенией связались, вряд ли будут светиться там, где полно полиции, да и служба безопасности в штатском наверняка имеется. «Так что выше голову, Максим! Чем меньше будешь озираться по сторонам, тем естественнее. Положись на удачу», — убеждал он себя и успокаивал.

Купив билет, он устроился в зале ожидания, хотел поспать, но сон не шёл, да и не то это место, где можно завалиться на лавку с ногами и уснуть. Он сходил в буфет, наелся гамбургеров, после чего его по-настоящему накрыло, и он, наконец, полчаса, опустив подбородок на грудь, дремал, но этого времени хватило, чтобы перемочь сон. Максим понимал, что сейчас не до сна, нужно присматриваться и прислушиваться ко всему, что происходит вокруг.

Промаявшись до обеда, он ещё раз перекусил, дождался регистрации и посадки на рейс. И всё на нервах, приглядываясь к тем, кто оказывался рядом. Да и потом, когда сел в самолет, успокоился только на время, а совсем уж окончательно вздохнул, приземлившись в Ереване и взяв билет до Москвы.

...Всё это не раз вспоминал Максим, пока собирался на встречу с Прибылым. Они договорились встретиться в обеденный перерыв, потому что вечером никто из них не мог. Или не хотел. Встретились недалеко от работы Семёна.

Семён пешком прошёл до обозначенного места и вскоре увидел подъезжавшего Максима на «Ладе». Тот подъехал, остановился, указал на дверь: «Прошу...» Прибылой сел, торопливо кивнул, словно доброму знакомому:

— Привет!

— Здравствуйте! Какой у вас вопрос? — спросил Максим, рассматривая Прибылого.

— А то ты не знаешь. Зачем тещу напугал?

— Захотел и напугал. Долго ли умеючи. Бумага всё стерпит. Только не думайте, что два года назад я написал вашей Маргарите о том, что её дочку якобы в бордель на лайнере увезли.

— А где она на самом деле?

— Кто же знает. Полетела из жадности в Испанию за большими деньгами и... с концами. Я же следователю все изложил в своё время. Поверил он мне или не поверил — другой вопрос. На суде я давал показания, как оно было на самом деле. А уж кто письмо написал — откуда мне знать. Кто-то, наверное, из той же шайки, для отвода глаз.

— Хорошо, а кто дарственную написал? Почерк-то женский?

— Это мама моя постаралась, я лишь паспортные данные Ксении ей сообщил. Болеет мама сильно. Так почему бы вашей семье олигархов не помочь нам в трудную минуту?! Так сказать, компенсацию за причинённые мне волнения, от которых до сих пор не отойду.

— А ты — наглец!

— Отчего же?

— Что, объяснить?!

— Не такую уж большую сумму просим.

— Для кого-то, может, и небольшая, а для пожилой женщины просто огромная. И с чего ты решил, что она запросто отвалит два лимона? Я сегодня наводил справки у нотариуса и выяснил, что дарственная в любом случае, даже написанная от руки, должна быть заверена, а само дарение оформлено подобающим образом. А ты как думал: пришёл, показал бумажку, от которой только и пользы, что подтереться, — и пожалуйста, деньги на бочку. Так, что ли?

Максим промолчал, задумался, а потом сказал:

— Вот вы артачитесь, а, наверное, забыли, что у вас есть дети, две прелестных дочурки. Ну, с младшей не интересно возиться, а старшую вполне можно на время взять на воспитание. В одно прекрасное время, вы хватитесь, а она не пришла из школы... Вы туда-сюда, а вам звонок от неизвестного лица с предложением: либо дочка, либо деньги. И ставка в таком случае повысится.

Семён чуть не задохнулся:

— Ты представляешь, что сейчас сказал-то?! Ты своим уме?

Максим достал узкий ножик, начал им якобы чистить ногти.

— Зря ты его показал! А если открыл, то бей! — И вспомнил, что свой нож оставил в бардачке.

— Зачем, иногда надо лишь предупредить! Вот так! — И чиркнул по руке Семёна, отчего выступила кровь. — Умный человек всё поймёт.

— А я не буду предупреждать! — сказал Семён, посмотрев на раненую руку и затрясшись от ударившей в голову крови. Он перехватил двумя руками руку Терентьевского с ножом,

развернул её и, не помня себя, вонзил нож в его горло. — Ты этого добивался, сучёнок?!

Максим округлил глаза, хотел что-то сказать, но почти сразу же склонил голову, захрипел.

Прибылой какое-то время сидел, замерев, и, казалось, не дышал от всего, что произошло и что он натворил собственноручно... И сразу голова заполнилась роем мыслей, и сделалось до слёз горько, когда представил, как только что разрушил собственную жизнь из-за этот поганца. А как же дочери, жена, родители? Получалось, что в один миг всё рухнуло, превратилось в эфемерность, и как он теперь будет смотреть всем в глаза?! Что о нём скажут на работе, как отнесутся соседи? Да и как самому быть? Одно дело уничтожить на фронте врага, а другое... своего знакомого человека, хотя какой он свой. Или он, Семён Прибылой, на фронте научился убивать не задумываясь, не спрашивая, как говорится, фамилии? Тогда совсем плохо, если душа остервенела до такой степени. Но даже если это так, то не обязательно ломать свою жизнь, а главное, жизнь своей семьи. Это-то зачем?

Он не помнил, как оказался на газоне и достал телефон, позвонил в полицию, в «скорую», ещё не до конца понимая, что ждёт его, в какую заваруху он попал и что теперь будет.

Второй день Семён Прибылой томился в Сарматовском следственном изоляторе, где он оказался после ареста на месте преступления. Приняли его в общей камере совсем не так, как он представлял, когда его везли из Заречья на полицейском «уазике». Нормальные мужики подобрались. Выслушали, вопросы задали, и, отвечая как есть, Семён понял, что им особенно понравилось, что прикончил падлу за угрозу покушения на ребёнка. Ему выделили шконку на втором ярусе, и никто не издевался, не провоцировал. Семён всё делал, что говорили, молча. О себе ничего лишнего не болтал, вопросов не задавал. Вёл себя по принципу: как все, так и я.

После отбоя он задремал, потом очнулся от дрёмы, и мысли побежали ручьём, и не было им остановки. Хотя и говорят, что от тюрьмы да от сумы не зарекайся, но он, дожив до тридцати с лишним лет, никогда и предположить не мог, что попадёт в такое заведение, о котором все знают, но никто по доброй воле и одним глазом не заглянет сюда. Всё, что происходит здесь, — другая планета. Сколько здесь мелькало расколотых судеб, сколько надежд рождалось и исчезало. И много таких, как он, Прибылой, оказалось тут из-за роковой случайности, от неповторимого стечения обстоятельств и создавшейся жизненной ситуации, когда выход был лишь один. А

какой? Это уж у каждого свой, и очень жаль, что не оказалось рядом понимающего мудрого человека, способного словом или делом отвести беду, не допустить её. И вот теперь томись и мучайся. Подумав о себе, он вспомнил Олю, сына Женьку, вспомнил своих родителей, представил, как Виолка пристаёт к Маргарите, спрашивая, когда придёт папа. Им-то каково теперь находиться в неведении, строить догадки? Остаётся молиться Богу за непутёвого мужа и сына. А ведь действительно — непутёвый. Ну кто просил, что толкнуло встречаться и выяснять отношения с Терентьевским?! Надо бы Маргарите сразу подать заявление на него, и пусть полиция разбирается с этим подонком. А так чего добился он? Жизнь свою искалечил, близким сделал больно? Терзаясь, Семён уснул под утро, хотя показалось, что вовсе не спал.

На другой день его дважды водили на допрос, он познакомился с вёртким и чернявым адвокатом Евсеем Евгеньевичем по фамилии Ветер, которого наняла Маргарита.

Он появился и на третий, предварительно ознакомившись с материалами заведённого на Прибылого дела, и в присутствии следователя Соловьёва сказал, заглядывая в свои бумаги:

— Я обязан довести разъяснение моему подзащитному Прибылому С.И. о законопроекте, который ещё летом поступил в силовые структуры, о наборе этими структурами подозреваемых и обвиняемых в воинские части, участвующие в специальной военной операции, действующие под контролем прокуратуры. Обращение от желающих следователи должны «незамедлительно» направлять для рассмотрения в военкоматы по месту дислокации территориальных органов. Пока шла подготовка к выполнению данного предписания, утверждения его в Госдуме и Совете Федерации. Но на днях Верховный главнокомандующий подписал два закона, которые разрешают освобождать подсудимых от уголовной ответственности в случае призыва их на военную службу или заключения договора с Минобороны в период мобилизации или военного времени.

— Обо всём этом уже известно нашему подозреваемому, — добавил Соловьёв, явно недовольный спешкой адвоката. — Ему об этом было своевременно сообщено. Он знает, что все мероприятия, связанные с отбором подследственных, находящихся под арестом, военные проводят в самих изоляторах. С подследственным заключается, как было вами правильно указано, договор, но не контракт. Здесь, главное, чтобы сам подследственный выразил своё желание. Насильно его никто не может мобилизовать.

— Но может так статья, — заметил адвокат, — что это и не понадобится, если ему будет вменяться условное наказание за преступление, совершённое в состоянии аффекта.

— Вряд ли. Нет к этому доказательств. Так бы всех убийщ осуждали условно — нам бы тогда и работы никакой. Сказал, что лишил жизни кого-то в состоянии аффекта, и гуляй себе на здоровье. Так что за всё отвечать нужно.

— Это так, но всё-таки следствие должно учитывать, что он участник СВО, кровь пролил. Разве не веский довод к снисхождению? К тому же есть запись откровенного разговора потерпевшего, во многом проливающая свет на мотивы его шантажа.

— Ну, это не мне решать, а прокуратуре. И ещё неизвестно, в какую сторону она повернёт дело. Как скажет, так и будет, а вашему подзащитному надо определиться. Пока следствие квалифицирует его преступление как преступление средней тяжести, и от этого зависит его наказание. А насчёт отправления на фронт многое зависит от него самого! — сказал Соловьёв и посмотрел на Семёна, словно спросил о его согласии.

Надо было отвечать, и будто спохватившись, что упустит момент, Прибылой вздохнул:

— Я же говорил, что не против... Был там уже дважды — Бог любит Троицу!

— Что ж, — захлопнул папку адвокат, — пожелание высказано, остаётся его зафиксировать и приобщить к делу, что я и сделаю незамедлительно.

И вот уж прошла неделя, а он всё находился в подвешенном состоянии, никак пока конкретно не определившемся, потому что повода следователь не давал, а самому что-то узнавать, совать нос, куда не просят, — только себе навредить. Поэтому бесконечно тянувшиеся дни он проводил в раздумьях, прокручивая разные варианты поведения до стычки с Терентьевским. Вот явно же было видно, что он больной человек. Какой здоровый психически будет затевать дело с подложной дарственной и, ссылаясь на неё, вымогать деньги? Никому такое и в голову не взбредёт. К тому же с ножом полез! Хорошо, что «царапину» нанёс, и она, кстати, зафиксирована медиками, а что если сразу в горло ткнул бы или глаз выколол. Ведь ничего подобного Семён не ожидал, и не мог ожидать, а надо было быть ко всему готовым, а он пропустил этот момент, расслабился, довел до выяснения отношений, а не заставил Маргариту пойти в полицию и написать заявление. «Что, — мучил он себя вопросами, — разобрался? Теперь либо лет пять-семь на зоне будешь париться, либо на фронте

башку снесут!» Впрочем, обдумывая разные варианты дальнейшей жизни, он выбрал более предпочтительный для себя вариант: вынужденную мобилизацию. А там уж как Бог даст: возьмёт под защиту — благодать, отступится — не заслужил.

В конце концов он так накрутил себя мыслями, что готов был к любому развитию событий, хотя всё-таки надеялся вытащить жребий с отправкой на фронт. Там он уж дважды бывал, пусть и недолго, знал, что к чему, что с чем едят, а тюремная зона — неведомое и тревожное многолетнее ожидание. А с его характером, ставшим в последние годы неуравновешенным и вспыльчивым, ещё неизвестно, чем оно может закончиться. Так что уж лучше фронт, а после него, как сказал адвокат, уголовное преследование по ходатайству военных приостанавливается, а полностью прекращается после награждения фигуранта госнаградой, завершения СВО или утраты здоровья или жизни. И самое заманчивое положение в череде вариантов — завершение СВО, от которого будет хорошо не только ему.

Об этом Семён коротко сообщил Ольге, когда следователь устроил ему встречу с ней. Хотя они говорили через стекло и в микрофоны, Прибылой хорошо видел её испуганные зелёные глаза, общее скорбное выражение побледневшего лица, пытался взглядом ободрить, даже пытался улыбнуться.

— Я знаю, мне Маргарита Леонидовна говорила об этом, после того, как её вызывали к следователю. Она сказала, что ты дал согласие отправиться на фронт, а я переживаю, не знаю, что лучше. Не хочу, чтобы ты шёл на войну! Понимаешь, не хочу.. Я боюсь за тебя, просто дрожу. Уж лучше на зоне отбыть срок, чем подвергать себя смертельному риску. Ты о нас подумал?

— Оль, а я решил, что так будет правильно, — сказал он прямо. — Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

— Не говори так... — она смотрела на него глазами, залитыми слезами, умоляла взглядом не ходить на фронт.

— Женька знает? — спросил он, никак не реагируя на жесты и мольбу.

— Да. Переживает.

— Пока меня не будет, держись Маргариты, — сказал он, как о решённом. — Она хоть чужая тебе, но в трудную минуту не бросит.

— Ко мне мама скоро приедет, а я, наверное, пойду работать.

— Не спеши с работой. Посмотрим, как всё обернётся. Тогда и решишь. Никуда работа не убежит.

Они бы говорили и говорили, но им отключили микрофоны, и подошедший сержант пришёл за Семёном. Он огля-

нулся, стараясь бодриться, и лишь успел слегка коротко махнуть жене и смотрел на неё, чувствуя наворачивающиеся слёзы, прекрасно понимая, на что он подписывается, и зная, где ему предстоит воевать. По существу, это билет в один конец, и ему очень сильно повезёт, если его тяжело ранит, он выживет и вернётся в семью. Но и дать попятную он не мог позволить себе, потому что был настроен на любой конец, чем гнить на зоне без конца.

О многом передумал Семён Прибылой в эти дни. Уж середина октября, а он всё валялся на шконке. Его изредка водили к следователю, он знал, что завели дело против матери Терентьевского, но его это сильно не волновало. Другой вопрос терзучил: «Когда отправят на СВО?» Он спрашивал об этом, но Соловьёв лишь хмыкал:

— Не спешите... Любой документ должен вылежаться.

— Резину протянем, и СВО закончится, и отправится тогда зека Прибылой по этапу! — говорил Семён, позволяя сказать о себе в ироничном ключе.

— Не будьте эгоистом, подследственный Прибылой! — В тон отвечал следователь. — Вы что, хотите, чтобы война бесконечно тянулась? — И добавлял уже серьёзно: — Давно бы пора ей закончиться — сколько бы жизней сохранили. А насчёт своей судьбы не беспокойтесь. Команда желающих повоевать почти сформировалась, так что скоро повезём вас в военкомат на медкомиссию и прочие процедуры. Так что всё нормуль, Семён Иванович! Готовьтесь! «Шторм V» ждёт всех желающих.

— Это что-то новенькое, два года назад, когда утопал в грязи окопов под Временной такого подразделения что-то не помню? И какие задачи стоят перед этим «Штормом»?

— Штурмовать позиции противника. Не хило, да?

— Откуда это известно?

— Нас проинформировали, чтобы мы своим подследственным разъяснили, чтобы они потом в отказ не пошли. Ну так что? Ещё есть время дать задний ход.

— Вот и прекрасно! — долбанул по столу кулаком и прищурился Семён. — И нас по телевизору покажут! — От такого подробного объяснения Семён налился весёлой злостью: — Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Уж быстрее бы отправили!

И точно. Не прошло и двух дней, как после завтрака дверь камеры распахнулась и два конвойных сержанта-казаха с женскими лицами появились в проёме, и один из них пискляво объявил:

— Подследственный Прибылой, на выход с вещами!

А из вещей у него только куртка-ветровка с затёртыми следами чужой крови. Всё, что было на себе, в том и провалился почти две недели. Махнув на прощание сидельцам, он торопливо вышел из камеры, послышалась привычная команда: «Руки за спину. Лицом к стене!» Подчинился — дело привычное — и подумал: «Неужели сегодня это закончится?!»

Его отвели на первый этаж, где уже находилось несколько помятых личностей — будущих воинов. Их построили в шеренгу, и начальник СИЗО коротко объяснил:

— Граждане подследственные! Здесь собрали тех, кто изъявил желание отправиться на фронт. Сейчас вы проедете в военкомат, где пройдёте медкомиссию, и тем, кто окажется годным к воинской службе, предложат подписать договор. В отношении таких следствие будет приостановлено. Кто окажется негодным — вернётся в изолятор. Сейчас вас отвезут на служебной автомашине в военкомат. Думаю, лишний раз напоминать не надо, что вы поедете под охраной.

Обойдя врачей, Семён предстал перед председателем медицинской комиссии, поставившим свою подпись, после быстренько оделся и оказался перед общевоинским упитанным капитаном, отдал ему медкарту осмотра, а тот указал на соседний стол — мол, присаживайтесь — и подал бланк для поступающего на службу:

— Заполняйте...

Когда Семён заполнил, капитан указал на двух солдат в коридоре. У одного возвышался ворох курток, мол, выбирай на дорогу. Он особенно не выбирал, быстренько примерил и снял, прижал под мышкой, чтобы не париться в тёплом помещении. От второго получил полторашку воды и сухпаёк.

Семён присел в уголке, и очень быстро первая радость улетучилась: он начал обдумывать дальнейшие события. Но сколько ни думал, видел себя лишь на первом этапе. Всё повторялось в его жизни. Дорога до полигона, потом «курс молодого бойца», который ему предстояло пройти в третий раз, и тогда... Тогда первый бой, опять окопы, грязь, пот. Но это всё равно лучше, чем томиться в СИЗО, а потом считать деньки на зоне.

Всего набралось «новобранцев» около шестидесяти, собранных из нескольких изоляторов и колоний области. Из военкомата их вывел армейский старлей к двум крытым «Камазам», стоявшим во дворе военкомата, а около двух «уазиков» прохаживались солдаты с автоматами из охранения. «Ну хоть здесь свои...» — подумал Семён, вспомнив казахов в изоляторе.

Как только расселись, и машины тронулись, первым делом начали дербанить сухпай. Наевшись сухомятки, напились воды и почти все, как по команде, уткнулись в друг друга и моментально заснули. Семён тоже заснул, но успел подумать: «Здесь никто не скажет: «Не спать!» Спице, ребята, пока есть возможность. Скоро она закончится!» Когда выехали за Сарматов, то Прибылой понял, что повезли их куда-то в другое место, а не на прежний полигон, где он был два года назад. По светившему солнышку определил, что направление взяли на юг. «А более и некуда, — подумал он. — Только на Донбасс. Вот оно, началась движуха!»

Рядом с Семёном пристроился крепкий молодой пацан с запоминающейся фамилией, над которой все посмеивались в изоляторе, но не издевались и не мстили, когда он вырубил тамошнего блатаря. Этот Козодой, видно, привык за короткую жизнь к насмешкам и спокойно к этому относился, тем более среди взрослых мужиков. А он — молодой, летом всего лишь исполнилось восемнадцать. Через два месяца после совершеннолетия он с пацанами отобрал у какого-то мужика, надавав тумаков, а проше, причинив тяжкие телесные повреждения, «Ладу», и они поехали гонять по городу. Конечно, были подшофе, конечно, разбили машину. Он так и остался за рулём, оглушённый ударом от столкновения со столбом, до приезда полицейских. Его быстренько замели под белы руки; «товарищи» его разбежались, но их быстро вычислили по камерам наблюдения, и теперь они дожидались суда. Всем грозили разные сроки, в зависимости от креативности в поступках, как сказал прокурор, а Лёше Козодою аж до семи лет; его подельникам — поменьше, поэтому никто из них не собирался на СВО. Зачем? Лучше зона, чем пугающая неизвестность. И вот Лёша, раздумявшийся во сне, склонил голову на плечо старшего товарища; из уголка беспомощно раскрытого рта у него стекала светлая слюнка на засаленный бушлат Семёна, и он подумал, вспомнив старшую дочку: «Как у маленькой Виолки!»

Спали они часа три-четыре. Потом начали ворочаться, продирать глаза, и вскоре машины остановились в чистом поле.

— Оправиться! — прозвучала команда.

Охрана встала с двух сторон машин, мужики выходили, разминали ноги, и никто не стеснялся: команда была — надо выполнять. Курящие закурили, некурящие прохаживались около машин, и всех всколыхнул оклик:

— Стой, стрелять буду! — и охранник передёрнул затвор, стрельнул в воздух, наблюдая, как от машин к ближнему лес-

ку убегает молодой белообрый мужик. И все подумали, что сейчас ему будет хана: полосонут по ногам, и всё — добегался!

— Отставить! — раздался приказ офицера. — Далеко не уйдёт!

Два офицера пошептались и один скомандовал:

— Построиться!

Когда построились, всех пофамильно пересчитали, сверяясь по списку, проверяя документы. Наверное, полчаса неторопливо шли вдоль шеренги старлей и другой офицер, сверяя список. Проезжающие машины им сигналили, но никто не обращал на сигналы внимания. Окончив переключку, старлей сказал:

— Здесь все взрослые люди, все добровольно подписали договора, и если у кого-то ещё есть подобные намерения, как у этого недоумка, подумайте сто раз, прежде чем совершить глупость. Убежать сейчас легко, но всю жизнь не пробегаешь.

Инцидент с беглым по-разному отозвался: кто-то никак это не воспринял, кто-то, наоборот, озадачился, словно сверял свои намерения и возможные поступки, но настроения это никому не прибавило, будто все разом поняли, что попали в ситуацию, которая лишь развивалась, и в которой их не ждало ничего хорошего.

Через неделю их приучили к масштабным тренировкам: они меньше потели, чётче выполняли команды. Несколько дней отдав обучению штурмам опорников, перешли к штурмам зданий или «жилки», как говорили у них. Тренировки эти могли быть бесконечными, подтянутый и загорелый инструктор Николай только успевал говорить: «так», «не так — все «двухсотые». И всё повторяли сначала. А перед этим делились на восьмёрки. Одна четвёрка — группа прикрытия, состоявшая из командира группы, гранатомётчика, пулемётчика и снайпера. Их задачей было прикрывать огнём бросок штурмовой четвёрки к намеченному зданию, а после вести огонь по этажам, прикрывая в тот момент четвёрку, бравшую штурмом первый. Обучали всему: с какой стены заходить, как зачищать помещения, как продвигаться от одному к другому, в какой очерёдности, как проламывать стены в случае надобности. Причём «курсанты» меняли позиции с первой по четвертую, не жалели холостых патронов, уж как они научились разбирать жилку — лишь богу известно, зато научились не жмуриться при стрельбе, на ощупь менять режим стрельбы на предохранителе, забрасывать учебными гранатами тёмные углы, зная, что там никого нет. И все понимали,

что их учёба — условность, и как всё будет выглядеть на самом деле — сплошная неизвестность. Надеялись на ветеранов, зная, что где-то неподалёку на пополнении находится РТГ — ротная тактическая группа, в ряды которой они скоро вольются.

На второй неделе начали выводить на стрельбище, где они стреляли боевыми патронами из автоматов и пулемётов, метали боевые гранаты из окопа, стреляли из подствольников, гранатомётов. Разбирали, собирали оружие, чтобы при случае уметь им пользоваться. Набивали на скорость магазины патронами. Один день тренировались с БТР и с БМП: учились заскакивать внутрь, выскакивать. На броне прокатились, чего более всего остерегался Прибылой, поэтому не спрыгивал с брони, как тот же Алексей, а сползал, тем самым берёг раненую ногу, которая у него первое время слегка отекала.

После позднего обеда все смотрели ролики с натуральными штурмами, учились читать карты, ориентироваться на местности, чтобы знать, откуда выдвинулись в атаку, что впереди, что по бокам, чтобы в случае отхода не угодить в лапы укров.

Прибылой заметил, что Алексей Козодой более всех активничает. Почему-то казалось, что не понимает, куда он попал, и похоже, что занятия воспринимает как игру. Особенно любил стрелять, и по стрельбе был одним из лучших, может, и самый лучший — мишени клал с первой короткой очереди.

— Наверное, раньше стрелял? — как-то спросил Семён.

— Из охотничьего ружья отца. Буылки в лёт разбивал.

— С такой стрельбой тебе надо в снайперы проситься — к стрельбе у тебя несомненные способности. И вообще, я вижу, ты повеселел.

— А чего. Две недели почти отслужил, на свежем воздухе набегался. Ни о чём плохом думать не хочется. К тому же деньга, наверное, капает.

— Какая деньга? — хмыкнув, удивился Семён. — Ты что, с луны свалился? Копия «контракта», который называется договором, у тебя имеется?

— Да вроде того.

— В нём есть хоть одно слово о выплатах?

— Не знаю.

— Так ты почитай повнимательнее, а потом рассуждай. Спасибо скажи, что тебе позволили отправиться на фронт, спасли, можно сказать, от зоны. Так что, парень, будешь воевать за еду, и радуйся этому.

Козодой замолчал, о чём-то задумался и тряхнул головой:
— А хотя бы и так. Раньше наши прадеды воевали без всяких денег, ну если только на махорку выдавали, и ни о каких деньгах не думали.

— Откуда это знаешь-то?

— Отец рассказывал о своём деде. А мы чем хуже. И мы повоюем, тем более погодка подходящая.

— Это хорошо, — неопределённо сказал Семён и вздохнул, подумав: «Погоди, пацан, скоро пойдут дожди, а после них грязь, но не это страшно, а страшно станет, когда к грязи добавятся кровь и слёзы. Вот тогда ты по-другому заговоришь».

Всё когда-нибудь заканчивается, заканчивалась и их муштра, к которой они относились по-разному. Одни вьюнами вертелись, такие как Козодой, другие считали, что они в авторитете. Соответственно инструктор к ним относился по-разному. Кто старался, тому и внимания больше, и на подсказки не скупился, а кто отбывал время — соответствующее отношение. Мол, я сказал, а ты поступай, как знаешь.

Накануне отправки на передовую, им дали день отдыха от занятий и привезли в расположение роты, для которой сарматовский «призыв» стал пополнением. Здесь выдали автоматы с записью номера в военном билете, ножи, сапёрные лопатки, номерной жетон, окончательно распределили по взводам и отделениям, познакомили с командирами отделений, в основном сержантами, с таким расчётом, чтобы в первых же штурмах из них получились боеспособные восьмёрки. «Старики» по-доброму встречали новобранцев, спрашивали, кто откуда. Помогали подогнать рюкзаки, ремень автомата, правильно навесить варбелт для разгрузки, подсумки для магазинов, аптечку, сдать укрепить карабин для, не приведи Господь, эвакуации. В общем, во все мелочи вникали.

В отделении Прибылой и Козодой первым делом познакомились с земляком из Заречья — своим командиром, сержантом Ильёй Сомовым. На вид ему лет тридцать. Коротко подстрижен, чубчик деревенский. Как оказалось, у него позывной такой же: «Чубчик». Невысок, коренаст, курнос и голубоглаз, как северянин. Служил он третий месяц, ходил в десятки штурмов, но не был ни разу ранен; боясь сглазить, на эту тему разговоров не вёл; они и узнали-то о его заговорённости от других. Был он добровольцем, сам напросился в «Шторм V» и, говорят, отлично ладил с «контингентом», уважавшим его за прямоту и честность, а он не любил подхалимов. Когда Козодой похвалил его броник с напашником и сидушкой, тот просто сказал:

— Не завидуй. Со временем всем обзаведёшься.

-
- Трофеи?
— И трофеи, и волонтеры привозят, да и командиры заботятся. Как фамилия?
— Козодой Алексей.
— Это ты меткий стрелок? Из снайперской винтовки приходилось стрелять?
— На полигоне несколько раз.
— Погоди, завтра за ленточку попадём — попробуешь.
С Прибылым Чубчик поговорил, отведя в сторону.
— Говорят, Семён, ты ветеран нашего дела? Так?
— Было дело. Дважды бывал под Луганском. Это третий раз, не знаю, куда судьба теперь забросит.
— Завтра узнаешь. Дальше Донбасса не уедешь. Говорят, был ранен дважды в ногу.
— Было дело.
— То-то вижу, что вроде прихрамываешь.
— Под Временной попал на «лепесток», ну и два пальца оттяпало, стопа повреждена, но свод цел, крепкий. А то, что прихрамываю, так берегу ногу, пригодится ещё.
— Это правильно. В группу огневой поддержки пойдёшь?
— Куда прикажете, туда и пойду.
— Вот и хорошо.

Чуть позже Чубчик собрал отделение, разбил на две восьмёрки, восьмёрки на четвёрки, определив каждому обязанности. Причём группировал так, чтобы рядом с новобранцами находились бывалые. По номерам разбились, не сказать, чтобы раз и навсегда, ведь это относительно условное разделение. В бою каждый обязан уметь заменить каждого.

Прибылому нравилось, как сержант обращался с подчинёнными, хотя и на «ты», о чём сразу всех предупредил; его же называли товарищ сержант, и на «вы», хотя он и не просил. И ещё что нравилось Семёну в командире: он и словом не обмолвился об их прошлом: мол, по какой статье привлекался, как далее собираешься вести себя, можно ли на тебя надеяться, не подведёшь ли. Не заикнулся. «Значит, настоящий мужик, а не сплетник, всякого уважает, кто отважился, не забился испуганной крысой под нары».

Ближе к вечеру в расположении появился ротный — капитан Иван Нестеров. Он был невысок, подтянут, с кобурой на боку. Бойцы встали при его появлении, он жестом усадил их и начал неторопливо говорить, подбирая слова:

— Завтра вашему подразделению предстоит участвовать в штурме опорника. Начнётся он артподготовкой, координаты его давно имеются, параллельно на двух БМП ваше отделение выдвигается к месту ведения штурма. Сразу после на-

шей артподготовки с одной из бронемашин десантируется группа огневой поддержки — она не даёт поднять головы сопернику, под углом к ней ранее десантируется штурмовая группа. Думаю, вам уже довели очерёдность предстоящих событий и манёвр каждого бойца. Обращаю внимание вновь прибывших, просьба: сохраняйте голову холодной, присматривайтесь и прислушивайтесь к «старикам». Ваши действия должны быть быстры, расчётливы. Помните, что в бою многое решают доли секунды.

Наставления и пожелания были высказаны, осталось заpastись водой, сухпайком, проверить снаряжение и ждать утра, до которого оставалось не так уж и много времени.

Утром, сдав документы и карточки старшине, они загрузились магазинами, патронами, гранатами; часть подвесили на ремне, часть отправили в рюкзаки, переложив их тряпками. Сидели в томительном ожидании, а когда появились машины пехоты, многие перекрестились и набились внутрь. Прибылой и Козодой ехали вместе, рядом с ними несколько хмурых и небритых штурмовиков, с которыми они должны были работать в парах. Ехали минут пятнадцать навстречу разрывам арты. Снаряды, казалось, падали им на головы, а когда они стихли, слышали хлёткий удар гранатомёта, очередь пулемёта и чавкающие, короткие отсечки автоматов, удаляющийся рокот первой машины. Вот и их бээмпешка замерла, раскрылись люки, и горохом из её нутра высыпались бойцы, рассеялись двойками и, пригнувшись, почти добежали до первых окопов под огневой поддержкой. Потом поползли, и уж несколько бойцов спрыгнуло в окопы, поддержка закончилась, и кто-то из нападавших дал очередь поверх окопов, кто-то метнул гранату, другую.

Под прикрытием огня они перебежкой добрались до «штанов» — развилки окопов — Семён метнул гранату, когда что-то мелькнуло в стороне блиндажа, и, не давая возможности, ответной атаки гранатой, стеганул очередью. «Старики» отстали, и так получилось, Прибылой с Алексеем оказались впереди. Выяснить отношения было некогда, Семён, крикнув «прикрой», когда раздалась очередь, рванулся к изгибу и метнул за поворот гранату, и как только Алексей выстрелил несколькими очередями, в ответ раздалась одна короткая, словно стреляли прицельно. Семён послал гранату в обозначившийся в рассветном тумане вход в блиндаж, она разорвалась перед входом, и сразу прилетела ответная. Закрутилась рядом с Козодоем, и он, как мячик, отбил её от себя и тотчас упал, прижался к стенке окопа; нырнул в отнорок и Семён. После взрыва на какое-то время наступила тишина, оба они

вскочили, Семён показал большой палец Алексею.

У Прибылого в какой-то момент мелькнула нехорошая мысль о том, что они здесь воюют вдвоём с Алексеем. Но нет, в стороне второго блиндажа прозвучал хлопок гранаты, раздалось несколько коротких очередей. Пригнувшись, они сделали несколько шагов по направлению к «своему» блиндажу, перед поворотом вновь метнули гранату и другую. Приподнявшись над окопами, Алексей стеганул длинной очередью, а Прибылой дёрнул его за полу куртки: «Куда высунулся?!» На какое-то время всё затихло, Прибылой увидел в боковом ответвлении двух своих, указывающих перед собой куда-то за бруствер, откуда тотчас раздалась короткая очередь, а за ней вторая и третья. Опять установилась тишина, только с высоты доносилось жужжание дрона. А вот чей он, поди разберись. Когда же он сбросил гранату, взорвавшуюся за бруствером, из нескольких стволов по нему открыли вдогонку огонь, и, совершив кульбит, он спикировал где-то неподалёку.

Бездействовать бесконечно невозможно, надо продвигаться, иначе противник очухается, дождётся подкрепления, и тогда не очень-то будет понятно, как с ним справляться. К ним подобралось двое «стариков» и один из них показал направление и потихоньку, прижимаясь к стене окопа, наполовину осыпавшегося после артподготовки, стал красться к блиндажу, до которого должен оставаться один поворот. Поэтому Прибылой ничего не стал выдумывать, начал красться за ним. Козодой притотстал, зная, что группироваться нельзя. Опять зажужжал дрон, и опять по нему открыли огонь, и он отклонился, не успев сбросить гранату, упал в стороне, подорвав сам себя.

Даже сильно не выглядывая из окопа, был виден вход в блиндаж, до которого оставалось метров двадцать. Один, по сути, рыбок, но как сделать его и не напороться на очередь или гранату, и вообще, сколько в блиндажах врагов, почему они так вяло отстреливаются и ведут себя не инициативно, хотя давно известно, что любая инициатива бывает наказуема, если она не подготовлена, не обдумана. Неужели они их застали врасплох. «Старики» чего-то ждали и дождались, что и в них полетела граната. Семён видел, как мелькнула рука, мелькнула вторая, и, приподнявшись над бруствером чуть ли не по грудь, Козодой в этот момент резанул очередью — скосил замахнувшегося, отчего граната взорвалась рядом с ним, видимо, накрыв его и первого смельчака взрывом. Прибылой лишь мотнул головой, удивился негромко:

— Ну, ты даёшь, Рулевой!

Тот подморгнул, ничего не ответил, и сам запустил грана-

ту, угодив в зев блиндажа. Семён в этот момент подумал, что они вроде как вдвоём пытаются что-то сделать. Тогда как те двое из их четвёрки лишь делали вид, что участвовали в штурме. Да и какой это штурм — так, перебрасывание гранат да пускание очередей для устрашения. Тем не менее, одного из «стариков» ранило осколком гранаты, его товарищ перетянул жгутом ему руку. И тот осел на дно окопа, держа автомат всё-таки наготове. Ранение, похоже, было поверхностным. Раненый сам открыл аптечку, начал бинтовать руку, бинт быстро набухал кровью, отчего кисть стала похожа на окровавленный ошметок. «Один отвоевался на сегодня», — подумал Семён, тогда как Козодой продолжал в одиночку сражаться. Сменил один магазин, второй.

— Да не пали ты почём зря! — осадил его Семён. — Метни гранату, полосни очередью, и опять гранатой.

Козодой только отмахнулся. Он, видимо, так увлёкся, совсем не думая о себе, что походил на семилетнего пацана, играющего в войнушку. На какое-то время у них стрельба утихла, зато у второго блиндажа только разгоралась по-настоящему. Оттуда слышался русский мат, кто-то явно завёлся не хуже Козодоя. «Откуда что в человеке берётся? — подумал Прибылой. — Вчера он ходил дурак дураком, а сегодня вон что вытворяет, и не он один».

В какой-то момент и у второго блиндажа установилась тишина. Все чего-то выжидали или ждали, когда противник проявит себя, даст слабинку или, наоборот, спровоцирует навал, в котором у него будет хоть какое-то, но преимущество. Ждать и догонять — хуже нет этого состояния. Козодой это понял первым. Ничего не сказав, по отрогу выбрался из окопа сбоку от блиндажа и пополз, чтобы, как понял Прибылой, подкрасться к входу и сверху метнуть несколько гранат внутрь. Ему это удалось. Семён наблюдал за ним. Алексей его увидел, на руках показал замысел: мол, я кидаю гранаты, а ты пали из автомата! Семён дал тому отмашку, что понял его, и беспощадный Козодой с крыши запустил в блиндаж поочередно одну гранату, вторую, третью. Пока гранаты взрывались, Прибылой скрывался за поворотом, а как взрывы прекратились — выскочил и полоснул длинной очередью в раскрытый чёрный зев, из которого клубами валил едкий дым.

Козодой сполз с блиндажа, перешагнув через двух «двухсотых», заглянул внутрь:

— Эй, кто живой есть? Хохлы, сдавайтесь!

В ответ тишина.

Он поднял большой палец и указал Прибылому на второй блиндаж, из которого продолжали отстреливаться и бросать

гранаты. Алексей сменил в автомате магазин, достал из рюкзака несколько гранат, прицепил их на ремень. Дым к этому времени из горла блиндажа рассеялся, и Козодой поднялся, заглянул в него, посветил фонариком и быстро вышел, негромко доложил:

— Человек семь лежат, сразу и не сосчитаешь. Пошли дальше, — и крадучись, двинулся по извилистому окопу.

Прибылой за ним. За очередным поворотом Семён заметил среди второй четвёрки сержанта Сомова, а в ложбине перед бруствером — пулемётчика из охранения, направившего ствол в сторону лесополки. На какое-то время Семён отвлёкся, потерял из виду Алексея, а глянул и обомлел: Козодой опять полз на покатую крышу блиндажа. Сержант махал ему, мол, вернись, но он то ли не слышал командира, то ли не хотел слышать: полз и полз, как учили на полигоне.

— Кто его надоумил? — вполголоса спросил сержант Сомов у Прибылого.

— Сам геройствует.

Козодой почти дополз, когда из блиндажа выглянул украинец и, подняв руки с автоматом, не глядя, выпустил длинную очередь в его сторону. Укроп и скрыться не успел, как Семён жиганул короткой очередью в него, от которой тот рухнул там, где стоял. Потом перевёл взгляд на крышу блиндажа, а там Козодой лежит, безвольно уткнувшись лицом в земляной накат и тряся откинутой рукой.

— Лёха ранен! — шепнул Семён Сомову и, метнув в горло блиндажа одну и другую гранату, повторил: — Лёха ранен! — словно сержант не слышал или переспросил.

И сразу же, пока не рассеялся дым, залил огнём из автомата вход в блиндаж; под разным углом туда же стреляли и другие. В какой-то момент в блиндаже прогремел взрыв, выбив тугой волной из него поток дыма, и всё стихло. Несколько минут подождали, и Прибылой сказал:

— Кто-то подорвался...

Сам же он вызвался зачистить блиндаж. Осторожно заглянул в него, ещё осторожнее ступил туда и быстро выглянул: — Все двухсотые... И сразу полез на крышу к Алексею, приподнял его голову и негромко сказал:

— Двухсотый. Ещё один. Теперь наш.

Козодой спустили в окоп, Семён мельком глянул в его бледное лицо и перекрестился:

— Упокой, Господи!

В это время Сомов чётко говорил в рацию:

— Чубчик на связи... Опорник взят, запрашиваю эвакуацию: у меня двухсотый и трёхсотый.

Вскоре из-за горушки появилась БМП. В неё спешно загрузили убитого, раненый сам забрался в отсек. Машина ушла, а сержант скомандовал:

— А теперь отходим в лесополосу, сейчас эти блиндажи накроет вражеская арта, нам надо переждать, когда наши контрбатареи подавят её, и, если не будут работать миномёты, вновь вернёмся на опорник и будем удерживать его, сколько понадобится, до подхода основных наших сил.

Действительно, минут через десять в той стороне гулко разорвалось несколько снарядов, потом установилась относительная тишина, если не считать лающих выстрелов АГС, звучавших далеко в стороне. Прибылой на минуту упал на спину, решив отдышаться и прийти в себя, потому что гибель Алексея не выходила из головы, тем более что она случилась на его глазах. «Эх, парень-парень — буйная головушка, сколько ты всего натворил за последние месяцы. По сути, ты герой, но так и не понял этого. И теперь никогда не поймёшь. — Он вздохнул, подумал вдогонку: — Хотя телефонами успели обменяться, но чего я теперь скажу тебе...»

Через два часа, когда появились мобики, отделение вернуло в расположение. Командир роты капитан Нестеров пришёл к ним в палатку, замаскированную в зарослях, наполовину потерявших листву; лишь белая акация продолжала выделяться зеленью, словно забыла о приближении зимы.

Капитан сказал:

— Поздравляю вновь прибывших с боевым крещением, сожалею о погибшем. Не считая потери, вы успешно выполнили поставленную задачу. Ожидайте новых приказов, а сейчас отдыхайте.

Что драка будет грандиозной, Прибылой понял, когда на столе расстелили лист ватмана с топографическими обозначениями, и молодой лейтенант Илья Алексахин, каким и положено быть лейтенанту: чернобровый, румяный, словно девушка, но с лихо вздёрнутыми усиками и без задорного взгляда, стремительно появился в расположении. И выделялся не только этим, а своей формой, которая не шла ни в какое сравнение с замызганными на полигоне куртками и штанами контрактников. Этот щёголь с холёными руками прибыл, по слухам, из штаба бригады за какую-то провинность. Он собрал отделение у схемы и сказал:

— Прошу внимания! Смотрите и запоминайте. Перед вами, бойцы, на бумаге южная часть города N. Начинается она частной застройкой, которая после нескольких дней боёв пройдена, а впереди до самого центра тянутся многоэтажки.

Начинаются они хрущёвками, и в самом центре имеется несколько девятиэтажных строений. Но о них говорить рано, надо сперва пройти первый ряд пятиэтажек, потом второй, потом третий. Как будут развиваться события, предсказать трудно, но одним месяцем здесь вряд ли обойдёшься. Населения в городе почти не осталось, хотя, возможно, в каких-то подвала ютятся люди, и это имейте в виду. Вам предстоит выдвинуться, используя развалины частных строений и, после артподготовки, занять первые здания. Непосредственно перед штурмом выдвинутся танки, будут бить более прицельно: важно пробить бреши в зданиях для надёжного и эффективного проникновения внутрь. Надо учесть, что все здания, вполне вероятно, соединены подкопами, образуют единую оборонную систему противника. При захвате надо будет выявить ходы между домами и взорвать, чтобы нарушить сообщение, а сами здания необходимо занять, и у вас это получится; говорю это без тени сомнений. На каждое здание направляется отделение. Я буду со вторым. «Значит, с нами будет командиром Сомов, — подумал Прибылой. — Это и к лучшему: надёжный мужик». Так что подходите, смотрите, запоминайте как схему наступления, так и пути возможного отхода — нужно всё предусмотреть.

Лейтенант Алексашин мог бы говорить и говорить, но он понял, что мало кто слушал его по-настоящему, и поэтому завершил свой «доклад», как он, наверное, привык докладывать в штабе, хотя с его званием вряд ли он там играл заметную роль и непонятно, какую работу выполнял, если только: принеси-отнеси.

Как нужно готовиться к завтрашнему штурму — Прибылой теперь и сам знал, поэтому увеличил запас воды в рюкзаке, уложил два сухпайка. Что ещё. Разжился у Сомова защитными очками, примерил их; видимость, конечно, не та, какой хотелось бы, но пусть будут, пригодятся во время боя — от пуль не защитят, но защитят от пыли и каменной крошки. Проверил аптечку, хотя проверять её было необязательно: слава Богу, не пользовался сегодня. Всё подготовив, он прилёг на брезент, ставший своим, стал дожидаться ужина, хотел подремать, но не дремалось, а вместо хотя бы короткого сна — мысли рекой. Да и как уснёшь, когда все ходят туда-сюда. Может, поэтому ни за какую и не ухватишься, и все они мимо скользят, потому и полное смещение в голове.

В какой-то момент он словно увидел себя стороны: как завтра будет выдвигаться к зданию, как заскочит в выбитое взрывом окно, как, осматриваясь, чтобы не нарваться на растяжку, начнёт обследовать каждую квартиру, каждую ком-

нату и, спрашивая: «Люди есть?», бросать гранаты. В воображении вроде всё складно получалось, а как на самом деле — бог весть.

После ужина они сложили оружие в пирамиды, устроили под головы рюкзаки, и, засыпая, Семён расслышал чавканье грязи под ногами часового после дождя.

Проснулись так же, как и на кануне, задолго до рассвета. Потом получили патроны, гранаты — всего в три раза больше, чем накануне. Гранаты обмотали — теперь уж привычно — тряпицами, чтобы меньше гремели. Вместе с Прибылым суетились два вчерашних мужика, как показалось ему, сачковавших, одного из которого ранило в руку; теперь он был вновь со всеми с лёгкой повязкой.

— Быстро же ты вылечился?! — удивился Прибылой. Вчера было некогда его рассматривать, а теперь невольно бросились в глаза его широкое и плотное лицо, тяжёлая челюсть и слегка покатый лоб. Вспомнил человека по фамилии Ломброзо и его теорию.

— Чепуха... — отмахнулся он. — Венку на кисти задело. В медсанбате скобку поставили и отпустили: мол, здесь больше пользы будет. На прошлой неделе в плечо осколок залетел — всё давно зажило.

— Как тебя зовут-то? — спросил Семён, сразу изменив о мужчине мнение.

— Григорий я...

— Семён! — подал руку Прибылой.

Вроде они и не поговорили совсем, но это короткое знакомство оказалось больше многих слов, сказанных в другой обстановке и под другим настроением. И, как ни странно, но от этого разговора, более похожего на обмен репликами, на душе сделалось спокойнее. Семён вдруг понял внутреннюю мудрость (как показалось, шедшую из глубин времени) Григория и его товарища, не геройствующих, подобно Козодою, а умело и неспешно выполнявших свою работу.

Один магазин Семён пристегнул к автомату, ещё четыре — на грудь поверх броника. Пристегнул напашник, сидушку, взвалил неподъёмный рюкзак и сразу почувствовал себя неуклюжим и не очень-то подвижным. В остальном повторялась вчерашняя история. Опять была артподготовка, только теперь к ним добавились два танка, прямой наводкой бившие по нижним окнам. Когда за сотню метров перед темнеющей в рассветном тумане пятиэтажки они десантировались из БМП, их опередила ранее выдвинувшаяся группа огневой поддержки. Рассеявшись, штурмовики, петляя и прикрываясь развороченными частными домами, гаражами, со-

жжёнными машинами, всё ближе подбирались к обозначенному месту. Когда осталось всего ничего до здания и продолжала работу огневая поддержка, бившая по верхним этажам, а сержант Сомов, Семён и Григорий с товарищем оказались у выбитой двери в подъезд, Григорий подал команду рукой «вперёд» и осторожно ступил внутрь. Он огляделся, видимо, ища растяжки, хотя они вряд ли могли уцелеть после танковых ударов, но осторожность была соблюдена. За Григорием, пригнувшись, шагнул его товарищ. Третьим оказался Сомов. Прибылого они окончательно оттеснили. «Как сговорились!» — подумал он и, как замыкающий, начал следить за лестницей на второй этаж, оставаясь готовым каждую секунду применить оружие.

Первую квартиру проверили — чисто. Во второй — два двухсотых укра. В третьей на вопрос Григория «Люди есть?» — никто не отозвался, но как будто что-то упало... И он, не раздумывая, запустил в квартиру гранату и дал, после разрыва, пару коротких очередей в каждую из комнат. Когда Григорий заглянул в квартиру, то выдохнул:

— Кошка...

— Что кошка? — спросил Сомов.

— Погибла... На полу лежит. Жалко — божья тварь.

— Пошли дальше! — И развернувшись, Сомов осторожно заглянул в четвёртую квартиру, спросил: — Люди есть?

Не дождавшись ответа, он с Григорием зашёл в квартиру следом за гранатой, осмотрели — всё чисто.

Пока переговаривались вполголоса, стоявший сзади Прибылой, наблюдал за лестничными маршами, и в какой-то момент заметил что-то мелькнувшее в просвете на верхних этажах. Когда тень мелькнула этажом ниже, он дал короткую очередь и сразу послышался глухой удар падающего тела. Сомов оглянулся на выстрелы:

— Кто там?

— Надо посмотреть.

— Не спеши. На каком этаже?

— Кажется, на второй скатился.

Зачистив оставшуюся квартиру на первом, они поднялись на второй этаж и, перешагивая через двухсотого, зачистили очередные квартиры без окон, с в хлам разбитой мебелью и валявшейся кухонной посудой, хрустящими на полу тарелками. Когда поднялись до пятого этажа, не встретив сопротивления, Сомов горделиво сказал:

— Один подъезд наш. Пошли дальше. — Спустившись до двухсотого, он отстегнул магазин его автомата: — Пустой! — Осмотрел магазины на груди: — Совсем хлопец «обсох». И

чего хотел — не понятно. Сдался бы — живым остался. — И посмотрел на Прибылого: — Приходилось вот так, в упор?

— Приходилось... — ответил Семён негромко и вздохнул.

— Тогда пошли на третий подъезд. Во втором работает Алексашин со своим отделением — пусть проявит себя, не будем мешать. А поговорить надо! — и включил рацию. Доложив обстановку и услышав в наушниках стрекот автоматов, спросил: — Что там у вас?

— На четвёртом этаже огрызаются.

— Помощь нужна?

— Справимся.

— Тогда я перехожу на третий.

Выглянув из подъезда, Сомов достал из нагрудного кармана красный маркер и жирно начертил на шероховатой стене латинскую букву «V».

— Это-то зачем? — спросил Семён.

— Чтоб все знали о нас!

— Дождями не смоемся?

— Нет. Перманентные не смываются.

Бой продолжался.

По одному просочившись в третий подъезд, на бегу поглядывая вверх, где злыми шмелями гудели коптеры, и застыли, прислушиваясь, хотя и трудно было это сделать — отделить звуки стрельбы, разрывы гранат, доносившихся с разных сторон. Но цоканье металла по ступеням услышали все. Мгновенно нырнули под лестницу, и можно лишь представить, что бы произошло, если бы граната доскакала до первого этажа, но она взорвалась выше, прошуршав по стенам осколками и обдав взрывной волной.

Прижимаясь к стене, вперёд вышел Сомов, метнул в распахнутую дверь гранату и сразу полосонул от стены до стены квартиры очередью. То же самое проделал с другой квартирой. Когда первый этаж зачистили, стоявший за спиной Григорий вышел вперёд, прижимаясь к стене, поднялся на второй. Зачистив и его, группа остановилась, показывая знаками, что враг где-то выше. А сколько их там, в какой они квартире — вопрос. Все понимали своё уязвимое положение, когда им проще простого закидать их гранатами, но они почему-то это не делали. И тут Прибылой вспомнил того, кого срубил в первом подъезде, оставшегося без патронов. «Неужели и все они здесь такие? — подумал Семён. — Почему за ночь им не поднесли боекомплект, почему, если не поднесли, сами не перешли в соседнюю пятиэтажку? Почему только одну гранату метнули? Что, больше не оста-

лось?» Но думай, не думай, а надо двигаться. На третьем этаже повторилась та же история: они прошли квартиру за квартирой, собирались уж подниматься на четвёртый, как сверху раздался голос:

— Не стреляйте, сдаёмся!

Они прижались к стенам, а Сомов спросил:

— Сколько вас?

— Трое.

— На пятом никого?

— Никого.

— Оставляйте оружие и спускайтесь по одному!

Не сразу, но один выглянул из-за двери, пытаясь убедить-ся, что его действительно встречают, и несмело шагнул на площадку, подняв руки.

— Обыщите его! — скомандовал Сомов. Когда обыскали, добавил: — Документы на бочку. Следующий!

Когда все трое лежали на площадке со связанными рука-ми, сержант спросил:

— Ну и чего вы здесь торчали?

— «БК» ждали.

— А почему в первом бойца одного оставили?

— Значит, двое сбежали.

— Вот молодцы. Вас в каждом подъезде по трое сидят?

— В каком сколько осталось.

Сержант Сомов связался по рации с комроты, доложил:

— Трое пленных... Что с ними делать... Понятно!

— Иванов, — окликнул он товарища Григория, — откон-воируй их к нашим. Помни, что во всех пятиэтажках враги. Увидят, что пленных повёл, по своим же стрельнут, если, ко-нечно, патроны остались.

— У них всего навалом — ночью доставили.

— А чего же вас обошли?

— Не успели. Вы пришли.

— Ладно... Иванов, уводи их!

Тот молча подтолкнул пленных стволом автомата. Когда увёл, Прибылой спросил у Григория:

— Твой друг немой, что ли? Сколько уж вместе, а единого слова от него не услышал!

— Он говорит, но редко. Заикается.

— Ну и заикался бы на здоровье.

Пока они говорили об Иванове, Сомов связался с лейте-нантом Алексашиным, спросил:

— Как у вас дела?

— Второй чистый. Два двухсотых укра. Как у вас?

— Трое в плен сдались, повели их к нашим.

— Ну что — остался четвёртый подъезд.

С четвёртым подъездом пришлось повозиться. Сколько там укров засело, трудно было понять, но все они скопились на пятом этаже, время от времени метали гранаты по лестнице и для остротки стреляли короткими очередями.

— Самим не справиться, только зря будем подставляться, — сказал Сомов.

— Что предлагаешь? — глубоко вздохнул его тёзка Илья Алексашин.

— Танк предлагаю вызвать! Снести к ядрёной бабушке верхний этаж, чтобы самим зря головы не класть.

Алексашин связался с комроты. Объяснил ситуацию:

— Да, да, — кричал он в рацию. — Пятый этаж, крайний справа подъезд. Ждём... Слыхали, бойцы. Башковитый у вас сержант, отмечу в рапорте.

Их семеро собралось в подъезде, двое или трое закурили, и все молчали, дожидаясь развязки. Вскоре вернулся Иванов, доложил Сомову:

— Ваше приказание в-выполнено... Раз-зрешите закурить?

— Валяй!

В какой-то момент Алексашин спохватился:

— Здесь остаются двое, остальные быстро в третий подъезд, пока танк не начал вваливать. А то дождёмся, начнёт палить, подъезд сложится — и половина отделения как не бывало.

«А ведь «молодец» лейтенант, ничего не скажешь. О половине отделения заботится, а двоих можно оставить в заложенных. Хотя и штабист, но врубается в тему не до конца», — подумал Прибылой, вслух же хмыкнул:

— Спасибо, что доверяете, товарищ лейтенант! Но сдаётся мне, что под завалами останутся не только укры, но и мы с Григорием. Как быть?

Алексашин задумался:

— Что предлагаете?

— Всем перескочить в соседний подъезд, а этот держать под наблюдением.

— Принято! Всем в соседний подъезд. Прибылой и его товарищ держат четвёртый подъезд под наблюдением, а двое смотрят за двором с противоположной стороны, куда укры могут ломануться. Только в окнах не показываться: в соседнем доме противники, можно попасть под снайперский огонь.

По одному выбрались из подъезда, перебежали в соседний. Прибылой и Григорий, встав в проёме вышибленной двери, взяли автоматы на изготовку на тот случай, если укры выскочат из подъезда.

В этот момент над их головами треснул разрыв, стены содрогнулись, а Григорий указал на соседний подъезд:

— Сейчас зайцы побегут от обстрела!

— Ага, — согласился Семён. — Если успеют добежать до первого этажа.

Но тут раздалась очередь с другой стороны дома, вторая очередь. На какой-то момент стрельба стихла, но вдруг началась вновь, теперь в ответ, и ухнул гранатомёт. Из квартиры поплыли волны пыли и гари, всё смешалось в дыму... И грохнул новый разрыв танкового снаряда, и действительно произошёл обвал подъезда, волной пыли прокатившийся вдоль здания.

Алексашин и Сомов осторожно заглянули в квартиру на противоположной стороне дома, и боец показал Алексашину два пальца:

— Двоих соскили. Правильно вы просчитали. К своим ломанулись.

Заглянули в соседнюю комнату, где был Иванов, а он на полу лежит и мотает головой; из шеи его тугими толчками выходила кровь... К нему подбежали, приподняли голову, он что-то хотел сказать, беззвучно раскрывал рот и кое-как выдал из себя:

— Г-граната... С-ы в-второго этажа... — И, не глядя, указал на противоположный дом.

Его перенесли в коридор, достали из аптечки бинт, марлевые салфетки, начали бинтовать шею, одновременно сделали обезболивающий укол. Пока с ним занимались, он потерял сознание, на глазах стал бледнеть и через минуту затих.

Прибылой увидел, что и Алексашин побледнел от удивленного, попытался подбодрить его, но вышло как-то неуклюже:

— Это с непривычки... — сказал и сам же смутился, пожалел, что ляпнул не к месту.

Алексашин никак не отреагировал или сделал безразличный вид и включил рацию:

— Товарищ капитан, докладываю; здание взято, у нас один двухсотый... Понял, вечером эвакуируют... Танк очень кстати пришёлся... Готовимся к штурму следующего здания... Так точно!

Поставив охранение внутри подъездов, они не спешили к новому штурму, догадываясь, что он будет не таким относительно быстрым и успешным, хотя можно ли считать успешной потерю одного бойца. В любом случае, это потеря, кстати, вторая за два дня. «Надо ловить момент!» — как сказал Сомов. И они «ловили»: попили водички, пересчитали гра-

наты, патроны — у некоторых все пять магазинов оказались пустыми. Сразу же набили их заново.

— С таким БК о штурме и думать нечего, надо срочно пополняться. И без огневой поддержки к следующему дому не подойдёшь. Необходимо в помощь привлекать либо АГС, либо пару-тройку гранатомётчиков — использовать занятую позицию, на которой сейчас находимся, — сказал Прибылой для Сомова и Алексашина, но ни на одного не посмотрел, словно и не для них говорил. И добавил: — И танк держать наготове, чтобы в нужный момент шандарахнул. Ну и пара снайперов не помешает, а то... — Он хотел сказать, что посылают на амбразуру чуть ли не с голыми руками, но, понятно, не сказал.

— АГС хорош на отдалении, а так после первой же очереди его из ручника обнулят. И танк долго не простоит среди разбитого частного сектора — зачем привлекать дроны?

— Затем! Пусть танк, а то и два в кустах стоят, надо лишь замаскировать их. Ну, не нам учить танкистов. И при такой сопливой погоде вряд ли дроны появятся. А вы свяжитесь с комроты, доложите ему. Пусть у него голова болит, а мы пока перекурим.

Связались. Прислушиваясь к отрывочным словам, Прибылой понял, что пополнения БК в ближайшее время не предвидится. Более того, Алексашин озвучил приказ: наступать! И что тут скажешь, только матюгнёшься в душе — и всё, если ни на что более не способен. В регулярной-то армии приказы не обсуждаются, а среди таких, как он, — тем более. «Так что, подписант Прибылой, набей магазины, перекуси сухпайком, попей водички — и вперёд».

Разработали план нового наступления и решили, что не след бросаться всем скопом без огневой поддержки. Им прислали двух гранатомётчиков, снайпера, а это уже что-то да значило. Тем более какой-никакой, а опыт имелся, да и отвоёванный плацдарм в виде порушенной пятиэтажки не мешает. Какая-никакая, а всё-таки защита. Прибылой успокаивал себя, как мог, но почему-то успокоение не хотело спешить к нему. Почему-то подумалось о том, что разгильдяйства и неувязок везде хватает, но здесь, на фронте, это заметно особенно сильно, наверное, потому что за каждым таким случаем стоит чья-то жизнь или серьёзное ранение. И можно ли от всего этого совсем избавиться? Вряд ли. Особенно здесь, где обстоятельства меняются каждую минуту, и нет времени до конца обдумать план дальнейших действий, ведь в следующее мгновение он может оказаться бесполезным. И что тогда? Совсем отказаться хотя бы от самого приблизительного

планирования, действовать с чистого листа, как играют музыканты-профессионалы, но в их случае они находятся в более выгодной ситуации, ибо знают нотную грамоту, расположение нот и всего прочего, чему их учат несколько лет. Здесь же нет столько времени на изучение нот войны, если условия боёв меняются каждую минуту и даже секунду, и просто не хватит способностей человека запомнить все варианты. Вот когда будут роботы воевать, у них что-нибудь да получится. Да и то навряд ли.

Для лейтенанта Ильи Алексашина несколько крайних дней, как целая жизнь. Здесь, на передовой, на одной из её горячих точек, он действительно разогрелся, научился переживать, страдать, перестал вздрагивать от выстрелов; он и ранее не вздрагивал, но то было либо на полигоне, либо выстрелы и разрывы звучали в отдалении от штаба его бригады, всегда находившейся в нескольких километрах от передовой, и давно прошли те времена, когда легендарный Чапай возглавлял отряд конницы на белом коне. Тогда всё было по-другому. Теперь же командир находится на отдалении, и все нити управления к нему стекаются по каналам связи и, отслеживая всё, держит в уме эти виртуальные донесения, что-то помечает для памяти на бумаге, при этом более походит на логиста, рассылающего дальнобойщиков в рейсы. И если логист послал и практически забыл, то командир бригады ВДВ или морпехов, ставших в современных условиях мотострелками, связан с десятками служб и подразделений. Он, как дирижёр, должен уметь слышать свой виртуальный «оркестр», состоящий не из скрипок и труб, а из танков, арты, связистов, дроноводов, и при этом не терять связь с авиацией, космосом. Иметь под рукой специалиста-электронщика и помнить, и знать, кто из соседей справа по фронту, кто слева, какова связь с тылом, как относиться к прикомандированной роте «V», в основном состоящей из уголовников, и много ещё чего.

Алексашин, наблюдая за командиром своей бригады, невольно запоминал его манеру руководить и действовать. Если уж каждый рядовой мечтает стать генералом, что говорить о молодом лейтенанте, подготовленном по ускоренному курсу и выпущенном из училища ранее привычных сроков. Это всё было понятно и объяснимо. Хотя шла СВО, но, по сути, она являлось войной, когда весь Запад ополчился на страну, и не будь у ней ядерного щита, давно бы расправился. Это понимали все, но, видимо, не понимали те, кто на другой стороне точил зубы и надеялся победить Россию, забывая, что её по-

бедить нельзя. Можно в лучшем случае добиться смертельной дружеской ничьи.

Всё это знал Алексашин, когда видел, как идут дела на фронте, в том числе и у их бригады: когда хуже, когда лучше. Попал он в неё после досрочного выпуска из училища, когда все знали, что почти весь выпуск отправят на фронт, в том числе и его. Дед, бывший военный, дослужившийся до полковника, ничего не обсуждая с внуком, перед кем-то замолвил словечко о нём, и ветерану пообещали, что отправят внука, как и всех, на фронт, но дали понять, что и там можно по-разному воевать. Это уж куда попадёшь, хотя в жизни почти не бывает ничего случайного. Лейтенант Алексашин попал на должность кадровика при штабе бригады. Кто прибыл, кто убыл, оформление отпусков, учёт штатной численности — всё это взвалили на него, дав в услужение сержанта-контрактника. Понятно, что такое назначение боевого духа не прибавляло, но и никто не мог его в чём-то упрекнуть.

Полгода он занимался канцелярской службой до недавнего случая, когда пройдоха сержант-контрактник где-то раздобыл бутылку виски. Виски так себе — бурда. Полгода службы на фронте обходились без спиртного, а тут подошёл день рождения сержанта, и он решил отметить событие, соблазнив лейтенанта призывом выпить «по граммульке». Выпили, конечно, всю бутылку и попались в неурочный час на глаза особисту. Тот сразу с докладом к комбригу. Наказание было незамедлительным и жёстким: сержанта разжаловали в рядовые и перевели на передовую, лейтенанта же — в «Шторм V», а на его место «подняли» из батальона толкового контрактника-добровольца с финансовым образованием.

Алексашин сперва озадачился назначением, но побыв день-другой в новом для себя подразделении, быстро понял, что народец в нём собрался вполне понимающий, не трепло — воевать можно. Есть и вовсе не испорченные понятиями, такие, как Прибылой. Ведь человек в третий раз оказался на фронте. И пусть теперь очутился здесь не по своей воле, но не чувствуется в нём никакого злодейства — обычный мужик, к тому же образованный. Почему-то Алексашин более всего тянулся к нему, особенно когда узнал, что у него две дочери. Сам Алексашин не был женат, детей не имел и считал жизнь в браке труднообъяснимым и особенным состоянием человека. Ему пока до этого далеко, хотя была у него девушка, обещавшая ждать с войны, и с которой он изредка перезванивался. «Вот закончим воевать, поеду в отпуск в родной город

и женюсь на Нине, — мечтал он, — и тогда всё изменится!» Мечты, мечты... Мечтами воин и живёт и ради своей мечты готов на многое, лишь бы приблизить её, заветную.

От мыслей, от чувств Алексашин даже разогрелся в эту сырую и ветреную ночь. Ему хотелось проверить, всё ли ладно у бойцов, хорошо ли они устроились, хотя и не спросишь об этом, когда они лежат вповалку, приткнувшись один к другому. Тем, кто устроился в полуразрушенном доме, как виделось, повезло больше. Хотя не было отопления, но сохранились одеяла, подушки, какая-то одежда, пусть и пыльная, и, укутавшись, кто во что, бойцы, как и в блиндаже, собравшись в кучу, будто согревая друг друга собственным теплом, спали, если можно это назвать сном. Лишь один бодрствовал на ступеньке крыльца. Алексашин подошёл, пригляделся — Прибылой.

— Не спится? — спросил лейтенант.

— Вроде того. Дублирую часовых.

— Что, и в такую погоду диверсанты могут появиться?

— В любую могут. Для них, чем она хуже, тем лучше. Сiju вот семью вспоминаю, родителей. Любил я с отцом в молодости вот так же на ступеньках сидеть. Что-нибудь по дому сделаем, а потом присядем, отец начнёт рассказывать из своей жизни, об армии, а мне всё интересно, заслушаюсь и ужинать идти не хочется, хотя мама зовёт, иногда тряпкой замахнётся, но ругнётся не всерьёз: «Вот собрались-то два говоруна...»

Алексашин присел рядом, помолчал, потом спросил:

— Откуда родом?

— Из Саратовской области, райцентр Затеряево.

— Частный дом?

— Да. И шесть соток. К земле-то я не особенно привычный. У нас этим мама занимается, а уж что-то построить или сделать — это мы с отцом. Всё своими руками. Никогда никого не нанимали.

— А я из Подмосковья. Город Коломна. Это там, где Москва-река сливается с Окой. Вода в Оке намного чище, вот мы, когда были пацанами, только и пропадали на ней, особенно летом. Дед у меня военный, всю жизнь мотался по гарнизонам. А как вышел в отставку, то перебрался в Коломну. А отец мой погиб во вторую Чеченскую кампанию. Так что меня дед воспитывал по-мужски строго, на своём примере; бабушка, конечно, тоже была, но бабушка есть бабушка.

Неожиданно их разговор прервал бархатистый шелест, и взрыв накрыл пятиэтажки, силуэты которых в отдалении высвечивались в огне горящего неподалёку здания, а взрыв-

ная волна добралась до них; не успели ощутить этот врыв, как раздался ещё.

— Должно быть, ФАБы применили, — предположил Прибылой, и порадовался, почувствовав, как содрогнулась земля.

Не успели они обсудить эту новость, как огненные стрелы засветились в небе, и вновь ударили по пятиэтажкам, теперь «Градами».

— Страшное всё-таки это дело — война! — вздохнул Алексашин. — Страшнее ничего нет. Правильно, что реактивные применили, а то на тысячекилометровый фронт ФАБов не напасёшься. Сколько их ещё нужно, если учесть, что чуть ли не на каждом километре идут бои. Представить, конечно, можно, но сложно. Взять хотя бы нашу бригаду: десятки наименований БК, обмундирования, продовольствия, ГСМ поступают каждый день. Голова кругом идёт подчас. И на всё надо вести бумажный оборот, знать, где что находится.

Прибылой выслушал, а потом вздохнул:

— Здесь уж у каждого своя забота. Ладно, хорошо поговорили, пойдём хотя бы немного вздремнём перед завтрашним делом.

На следующий день Алексашин погиб от сброса с дрона, и Прибылой не мог в это поверить, хотя всё произошло на его глазах.

Всё было хорошо на словах, когда готовились к штурму девятиэтажки, а на деле застряли на двое суток. Далее второго этажа не смогли подняться, третий, похоже, стал серой зоной, а сколько выше противника засело — непонятно. Первое впечатление, что человек двадцать-тридцать, хотя на самом деле не более пяти-семи, а может, и того меньше. Активные в первый день, казалось, с неиссякаемым запасом БК, они закидали гранатами, словно у них там был завод. Зато на второй день приутихли, лишь изредка огрызались, и, используя приём с пробитым потолком, бросали на головы гранаты всем, кто по незнанию появлялся в комнате с секретом. Но его сомовцы быстро раскусили, а когда в одну из комнат на втором этаже гранатомётчик бесстрашно, чуть ли не в упор запустил гранату в отверстие в потолке, не такое уж и большое, и в ответ услышал вопли раненых укров, то они перестали появляться в комнатах с сюрпризом и досаждают.

Ночевали противники на разных этажах. И было ясно, что второй день будет решающим. Ночью взвод Сомова усилили тремя бойцами из второго взвода, взамен выбывших, среди

которых два трёхсотых с осколочным ранением ног и шеи, и двухсотый — Саша с позывным «Утёс», надоедавший Прибылому предыдущей ночью. Раненых эвакуировали, а Сашу перенесли в дальнюю комнату на первом этаже с выбитым окном, а оттого особенно прохладным, до окончания штурма. Семёна гибель Саши огорчила, но совсем не удивила: как жил парень нелепо, так и погиб от ранения бедренной артерии — кровью истёк. Только его почему-то было особенно жалко из всех, кто погиб у них в последние дни.

Сержант Илья Сомов за истекшие сутки состарился, превратился чуть ли не в морщинистого старика, хотя ему шёл двадцать седьмой год. Ему, как понял Прибылой из услышанного разговора, хотели прислать на подмогу офицера, но Сомов отказался, сказав: офицеров надо беречь, а пара-тройка бойцов не помешает, и ему их прислали, нагрузив водой и едой и, конечно, БК. Спал ли Сомов в последние двое суток? Да, спал, Прибылой сам его укладывал, и тот вроде сдавался и оказывался на любившемся всем поролоновом матрасе, но спал по полчаса, не более, и просыпался сам, без толчка, и, посмотрев на часы, спрашивал, как командир взвода, заместивший выбывшего Алексашина:

— Какая обстановка?!

Ему отвечали, так как с ним постоянно кто-то находился из «стариков», к ним причислили и Прибылого, учитывая его давний фронтовой опыт, а из прежнего состава — Григорий, Андрей Воеводин. Григорий, как всегда, немногословен, вставит словечко и на этом успокоится, но говорил всегда к месту и вовремя. Андрей же был подвижен, не понимал, почему затормозился штурм, почему перекуривают даже те, кто не курил никогда. Да и как не курить, когда вчера в одной из квартир нашли ящик иностранных сигарет — вкусных, ароматических. Сперва курили с опаской, остерегаясь быть отравленными, а потом кто-то сказал, что отравить можно и одной пачкой. И все повеселели от этого «мудрого» высказывания. В общем, никто ничем не занимался, не считая постовой и наблюдательной службы, и все ждали, когда у противников окончательно закончится БК или вода, без чего в их условиях долго не просидишь, даже отгородившись растяжками и время от времени пуская по лестнице гранаты. К ним все давно привыкли, услышав металлический стук по ступеням, успели заскакать за какой-нибудь угол, граната взрывалась, тем самым приближая либо окончательный штурм, либо сдачу соперников в плен. Правда, об этом никто не говорил, но помнили слова Андрея о загубленном кореше, и внутренне готовы были поддержать его.

На рассвете Сомову доложили, что у соседней занятой ук-рами многоэтажки началась стрельба из стрелкового оружия и гранатомётов.

— Слышу, слышу — не глухой! — отмахнулся сержант. — Третий взвод запустили. Мы-то сопли жуём!

Но долго жевать не пришлось, когда первая двойка преодолела «границу» и с лестничной площадки между третьим и четвёртым этажами гранатомётчик запустил «морковку» в левую половину. «Морковка» взорвалась этажом выше — дым, чей-то крик, сразу из-за спины гранатомётчика рванулись автоматчики, полосонули по дверным проёмам очередями. Ворвались, послав впереди себя гранаты, в комнаты, но никого не обнаружили ни в одной из квартир. Крикнули вниз, Сомову:

— Этаж наш! Идём дальше!

И когда они сунулись на пятый, сверху началась ответная пальба; не помог ни гранатомётчик, ни упреждающий огонь автоматов.

— Отойти! — приказал Сомов. — Пусть постреляют. Подбросьте им гранат. Свои-то у них, видно, закончились.

Когда сидели на четвёртом, Андрей сказал, ни к кому не обращаясь:

— Как же надоела эта тягомотина!

— Не тебе одному.

— Ну и чего мы ждём?

— Когда они выдохнутся.

— Да они ещё так два дня будут дрожжи квасить.

— Пусть квасят. Они квасят, а мы ждём. Ты живой вроде и невредимый. Чего в этом плохого.

Андрей Воеводин перестал пререкаться, махнул, мол, поступайте, как хотите. Через какое-то время он всё-таки сказал Сомову:

— Пора продолжать! В случае чего, я первым пойду.

— Не суетись. Сделаем так... Два гранатомётчика, улучив момент, поднимаются одновременно и одновременно же шаршат по углам. Следом автоматчики врываются в открытые двери — в общем, всё так же, как делали недавно. Кто оказывает сопротивление, мгновенно уничтожаем.

— Уничтожаем всех, — встрял Андрей, — не хрена церемониться.

— Закрытые двери подрываем, — продолжал говорить Сомов, не обратив внимания на уточнение.

«Говорить-то легко, — подумал Андрей, которому действительно надоела эта игра в кошки-мышки. — Ну, сколько можно: одно и то же, одно и то же. Бомбами забросали бы эти

грёбаные девятиэтажки, сравняли с землёй и дело с концом. Или бомб на всё не хватает?»

Когда шархнули из гранатомётов, полосонули из автоматов и осторожно заглянули в квартиры, Андрей действительно первым пошёл. Вот он в квартире, взгляд направо, взгляд налево. В одной комнате чисто, в другой стоит украинец с автоматом, руки не подняты. Короткая очередь. В соседней квартире тоже очередь, вторая. Весь этаж осмотрели — три двухсотых.

— И спросить не у кого, есть кто ещё, — плюнул с досады Андрей.

И тут раздался голос с восьмого этажа:

— Сдаваться не собираюсь. Если есть среди вас мужчины, то предлагаю сразиться на ножах. Если останусь в живых, отпускаете меня, если не останусь — ваша взяла!

— Ты один? — спросил Андрей.

— Один...

— Тогда жди.

Прибылой вцепился в куртку Андрея:

— Ты куда? Не пущу!

— Семён, не трусь — моя тема.

— Я с тобой, подянку ведь могут устроить.

— Не должны. Серьёзный мужик! — напрягся Андрей, и Семён увидел желваки на его щеках.

— Э, так не годится — заниматься отсебятиной, рыцарские бои устраивать. Отставить! Что, под трибунал оба захотели? — вмешался подошедший Сомов.

— Товарищ сержант, это невозможно. Зачем трибунал. У нас тут свои порядки. Хотите, чтобы нас трусами посчитали?

— Ну что, братва, отпустим, — замаялся сержант и оглянулся на бойцов, — если уж такой случай вышел?

— Напросился, пусть идёт. Вроде не балабол парень, — кто-то сказал в отдалении.

— Ну тогда с Богом, зямы! — приосанился Андрей и посмотрел на нож в разгрузке, словно проверяя: на месте ли.

— Я с тобой, одного не пущу, и не думай, — загородил проход Прибылой.

— А то что?

— В колено выстрелю!

— В своих проще всего стрелять. Ладно, пошли — судьёй будешь. — Он перекрестился, крикнул наверх: — Мы идём. Только давай без шуток.

Пошли. Поднялись на восьмой. Стоит сухой, жилистый мужик, глаза горят, глаза серо-голубые, на щеках поросль

русая. Увидел его Прибылой, и сердце сжалось от боли, прожгла мысль: «Что же мы делаем — на своих же смертью идём!»

— Кто из вас? — спросил украинец без акцента.

— Я, — стукнул себя в грудь Андрей.

— Зачем нам второй?

— Веры вам нет... А вообще-то сказать, в случае чего, чтобы отпустили тебя.

— Пойдём в комнату, здесь тесно.

Они прошли в большую комнату, достаточно просторную.

— Броники снимаем? — спросил Андрей.

— Зачем? Так привычнее.

— Как знаешь. Как тебя зовут, укр?

— Какая тебе разница... Русский я.

— Русские против русских не воюют, и давно ты не русский, а самый настоящий бандеровец с отравленным мозгом.

— Какая тебе разница?

— Заладил. Теперь никакой, — отозвался Андрей и сказал Прибылому: — Посторонись. И, в случае чего, отпустите его.

Семён кивнул, встал в стороне, насколько это можно, и вдруг как сбесился:

— Это невозможно, сейчас обоих положу!

— Заткнись, шенок, поддержи мой автомат и выйди, — рявкнул Андрей. Потом подошёл к столу, где лежал автомат украинца, дёрнул затвор, осмотрел магазин — всё «сухое». — Начинаем?

— Чего тянуть.

Андрей выдернул нож из разгрузки, покрутил его, разогревая пальцы.

— Готов?

Украинец тоже взял нож, крепко сжал.

— Готов! — ответил он и приосанился, перекинул нож из руки в руку.

— Судья, давай команду!

Прибылой, хочешь не хочешь, дрожащим голосом произнёс:

— Начали!

Он думал, что предстоит долгое, изматывающее действие, когда сердцу не уцелеть, а началось и закончилось всё опустошительно быстро, почти мгновенно. Когда бойцы встали в стойки, видимо, желая отвлечь, Андрей топнул, резко крутнулся на месте и с разворота всадил нож противнику в треугольник кадыка. Тот только успел глянуть на противника и, падая навзничь, захрипел, залился кровью. Прибылого трясло. Он и сам не раз видел смерть, участвовал в ней, но от

произошедшего у него отнялся язык. Хотел что-то сказать Андрею, но не смог и единого слова вымолвить. Смотрел на него и не понимал, как человек, знакомый человек, способен на такое?! Это какое надо иметь самообладание, мужество, ну и, конечно, мастерство, чтобы не сробеть, принять вызов и выйти победителем.

Андрей нагнулся к поверженному, вытащил нож. Вытер его о куртку украинца и сказал виновато, взглядевшись в его побледневшее лицо:

— Дурачок ты дурачок. Сдался бы, и никто тебя не тронул.

— Эй, что там у вас? — окликнули снизу.

— Идём, идём, — отозвался Андрей и взглянул на Прибылого: — Верни автомат. Пошли.

Когда возвращались в пункт временной дислокации, Прибылой задался вопросом: «Сколько же дней мы воевали? Пять, шесть, неделю?» Выходило, что примерно столько и воевали, и теперь хотелось одного: добраться до «распологи» и отоспаться, чтобы завтра хотя бы один день ничего не делать. Может, даже устроят баню или душ на худой конец, но как и где его устроить — не понять, да и нет здесь такого места, чтобы заняться этим и организовать. Вот когда вывезут на полигон для пополнения, тогда — да, вполне возможно, а пока обходись тем, что есть. Из бутылки умоешься — и то за счастье, как сегодня умылся, вернувшись от девятиэтажек.

Подняв взвод задолго до рассвета, им объявили новую задачу: выбить противника из цехов консервного завода. Завод небольшой, всего три одноэтажных корпуса и двухэтажное здание конторы. Большинство украинцев вырвались из намечавшегося окружения, а на заводе окопались упёртые укронацисты. По ним несколько дней долбили артой, но они перебрались в подвалы и огрызались огнём, когда им предлагали сдать. Ну а если враг не сдаётся, его уничтожают. Хотя это и не просто, но это доверили сделать им — первому взводу, пусть и поредевшему, вкуче со второй взводом, и главной задачей здесь было опасение «дружеского» огня. Чтобы этого не произошло, решили послать бойцов с одной, с вытянутой южной стороны. Легко говорить, но трудно сделать.

После предварительной артподготовки, выслав вперёд группу огневой поддержки, действовали по привычной схеме: на двух БМП в два приёма их доставили в зону прямой видимости. Оглядевшись, Прибылой увидел вдалеке девятиэтажки, где они несколько дней геройствовали, а метров за двести — развалины то ли цехов, то ли складов. «И это

всё? — подумал он. — Негусто, по сравнению с девятиэтажками. Как кроты, что ли, зарылись». Первая партия рассредоточилась в завалах частной застройки, когда подвезли вторую, то, где по-пластунски, где на полусогнутых добрались до разбитого забора, которым можно более или менее безопасно заслониться от возможного огня противника, до поры до времени не подававшего признаков присутствия. И лишь когда зашли на территорию, то с одного и другого угла раздались длинные автоматнo-пулемётные очереди, которыми словно предупреждали: «Не суйтесь, москали! Никто вас сюда не звал, а незваных гостей встречают соответственно».

— Что будем делать? — спросил Сомов у командира второго взвода.

— Нам спешить некуда... — ответил лейтенант с едва заметными знаками различия. — Они обязательно начнут высовываться и попадут под наших снайперов, которые засели во вчерашних девятиэтажках. До них всего-то пятьсот метров. Самая дистанция для снайперов.

— Не нравится мне это. Своих могут подбить — поди, разберись, кто где при такой скученности.

— Не переживай, сержант, они только в самом начале будут работать, а потом наша забота. Главное, не спешить, а по-пластунски, как учили, метр за метром, присматриваясь и прислушиваясь, давить на противника, и он обязательно проявит себя, засветится, и тогда только не зевай. Так что твой фланг правый, а мой левый. Скажи своим, чтобы они красные повязки на видное место нацепили.

— Это само собой.

Прибылой слышал их разговор, и уверенный тон прыщавого, с жидкой рыжеватой бородкой лейтенанта убедил, а вид затёртой куртки и штанов, будто он сам не один километр прополз на брюхе, добавил уверенности. «Наш человек, — подумал Семён, — с Алексашиным, царствия ему Небесного, не сравнить».

Пластуны подобрались к развалинам на бросок гранаты, до поры не выдавая себя, дожидаясь, когда укры сами откроются. Ведь им же интересно: кто наступает, сколько их. И пока стороны присматривались друг к другу и прислушивались, со стороны высоток донёсся звук одиночного выстрела, и почти сразу, где-то совсем рядом в развалинах раздался предсмертный стон: «А-а-а...» Семён подумал: «Одним меньше стало». Раненому или убитому пришли на помощь, и этим воспользовался снайпер, и новый вскрик, и кто-то грязно выругался матом по-русски, и в ответ на этот отчаянный возглас кто-то из наших метнул гранату, его поддержали. После

нескольких разрывов шевеление в развалинах прекратилось, зато в ответ заработали автоматы, а со второго этажа полуразваленного административного здания прожгла очередь гранат из АГС, взрывающихся вдоль всей линии столкновения. И сразу несколько выстрелов из гранатомётов ударили с нашей стороны по нише, откуда «плевался» вражеский гранатомёт. После короткого перерыва, он вновь заработал, но тут же заткнулся, когда одна за другой две гранаты взорвались в нише. Что ж, наши гранатомётчики сделали своё дело, и вот уже несколько бойцов короткими перебежками заскочили в развалины завода. Не сразу, но слышались короткие очереди, взрывы гранат; видимо, гранаты летели в ответку, и не понять, где кто находится, потому что укров из-за развалин почти не было видно. Лишь мелькнёт чья-то каска, и сразу пропадёт, и не сразу определишь, где она появится в следующий момент.

Сомов был рядом со своим взводом, а где Сомов — там и Прибылой, рядом с Прибылым Григорий пыхтит. Укрылись за бетонными глыбами, посматривают друг на друга и, чувствуется, не знают, что делать. Да и как определишь, где, в какой норе затаился враг, если он перестал подавать признаки жизни, и самое обидное в таком случае — нарваться на кинжальный огонь и погибнуть за понюшку табака. Хоть бы стрельнули пару раз или гранаткой обозначились — засветили бы себя. «И чего им не хватает, чего ждут? — думал Прибылой. — Давно бы слиняли, следом за остальными — тем и спасли бы себя. АГСу их, видимо, разбили, а более и воевать нечем. Или ждут, когда мы всем скопом навалимся? Так и в таком случае неизвестно, кто кого одолеет, хотя им-то, конечно, надёжнее палить по нам из-за укрытий. Только этого и ждут. Ну что же, дождутся — где наша не пропадала. Мы идём!»

Семён посмотрел на Григория, молча, кивком указал направление, мол, за мной ползи, и пополз сам, локтями чувствуя битый бетон. Семён примерно знал, где находится вход в подвал, в него вёл широкий спуск, по которому, видимо, заезжали на склад машины. Спуск весь на свету, хотя и небо пасмурное, а далее чернота — в неё и предстояло то ли заползти, то ли коротким броском нырнуть. В другой бы раз Прибылой сказал: «Будь, что будет!», но сейчас ему совсем не хотелось получить либо короткую очередь, либо увидеть перед собой прыгающую гранату. Попробовал сам запустить гранату — взорвалась где-то в темноте, в ответ тишина. Тогда жажнул из подствольника. Взрыв сильнее получился — в глубине отозвался эхом. «Да чтоб вас!» — матюгнулся Прибы-

лой и резанул длинной очередью — весь магазин с досады сжёг. Пока менял его, посмотрел на Григория:

— А ты чего ждёшь?!

— Чего БК зря тратить. Нет там никого.

— Где же они, испарились?

И словно в ответ на его слова на левом фланге раздалась автоматнo-пулемётная трескотня. Приподнялся Семён, а человек восемь-десять бегут по заросшему полю к близкому овражку, отстреливаются на ходу, ну и второй взвод не дремлет: гранатомёты, автоматы, пулемёт — всё слилось. Человека два или три успели скатиться в овраг, да и то последний бежал прихрамывая. За ними никто не погнался — глупо бежать по полю и напороться на кинжальный огонь. Через короткое время из оврага донеслась короткая очередь... «Вот и ещё один отбегался!» — подумал Прибылой и толкнул Григория:

— Слыхал?

— Слыхал. Свои доби́ли.

— Вот дурачьё!

— Ты о ком? — спросил Григорий.

— О них же. Это какими дубами надо быть, чтобы сидеть в развалинах и ждать, когда вышибут из них. Ушли бы вместе со всеми — живыми остались. Пока бы остались.

— Ладно, пошли к своим, — приподнялся Григорий, посмотрел на появившегося Сомова. — Дело сделано.

И в этот момент Семён услышал сзади короткую очередь и глухой шелест падающего тела... Оглянулся, а это Григорий с разинутым ртом и расширенными от боли глазами лежит, хочет что-то сказать, но не может, лишь указал на нишу, откуда недавно стреляли из АГС. Семён пригнулся, потянул Григория за выступающую плиту, ошетилившуюся голой арматурой, осмотрел товарища. Вроде нет ранений, Григорий что-то промычал и указал пальцем себе за спину. Перевернул Семён Григория на живот, расстегнул броник, а под ним успевшая пропитаться кровью куртка, футболка. Крикнул: «Мужики, сюда!» Достал из аптечки марлевый тампон, прижал к ране на крестце и растерялся, не зная, что далее делать. В моменте словно очнулся, крикнул подбежавшему Сомову:

— Обезболивающий ему. И перебинтовать надо.

— Как его перебинтуешь-то. Пластырем надо тампон приклеить.

— Пошли кого-нибудь проверить агээсника.

— Уже послал.

Пока они суетились, Григорий перестал стонать, побледнел и поник головой. Пощупал Сомов пульс на шее и вздохнул:

— Скончался.

У обоих не нашлось слов, чтобы сказать что-то ещё, да и что скажешь, когда человека не стало, и ничто ему уже не поможет.

Подшли двое бойцов, которых Сомов посылал в нишу, один доложил:

— Товарищ сержант, в развалине разбитый АГС и «двухсотый» укр.

— Сам, падла, ушёл и Григория с собой забрал... — вздохнул Сомов. — Ну почему ни один штурм у нас не обходится без потерь?..

Никто ему не ответил. Подошёл лейтенант из второго взвода. Посмотрел на Григория, спросил:

— Взяли стрелявшего?

— Сам подох.

Помолчали. Потом лейтенант сказал Сомову:

— Докладывай ротному.

— Вы уж первыми, товарищ лейтенант, по старшинству.

Чего уж наговорил лейтенанту капитан Нестеров, по невозмутимому виду лейтенанта не понять, но что-то колючее, потому что сразу после доклада розоватое его лицо вспыхнуло окончательно, и чем дольше он слушал, тем оно сильнее разогревалось — хоть прикуривай. Наконец, лейтенант сказал: «Есть» — и посмотрел на Сомова:

— Свяжись с капитаном.

С Сомовым повторилась та же история. С той лишь разницей, что Сомов не менял цвета лица, слушал внешне спокойно, лишь переступал на месте.

— Почему проспали гибель бойца? Почему вовремя не зачистили гнездо АГС? — Сомов молчал. — Почему отмалчиваетесь? — Продолжал допытываться ротный. — Или по всегдашней своей привычке хотите в норке отсидеться. Что я комбригу доложу? Что в роте у меня одни раздолбаи собрались, только и мечтающие как бы добраться до располги?! Пока я жив, не будет вам покоя. Перекурите и вдогонку за беглецами. В семистах метрах у них опорник. Чтобы сегодня взяли!

Как ни обидно было Сомову выслушивать капитана, но он не возражал, зная его вспыльчивый характер. Через полчаса остынет, сам свяжется, спросит: «Чем занимаетесь?» Он и у лейтенанта не стал ничего узнавать, зная, что без дела и его взвод не останется. «У нашего капитана не забалуешь!» — про себя усмехнулся Сомов. Минут через десять с ним действительно связался ротный

— Вы где?

-
- Выдвигаемся.
 - Молодцы! Остаёмся на связи!

Их поредевший взвод ещё дважды бросали на штурмы, оба раза они выполняли приказы, несли потери. Вскоре, учитывая все обстоятельства, их подразделение переместили на двух грузовиках в тыл, на тот самый полигон, где у Прибылого начиналась нынешняя эпопея. Выезжали с передовой они ночью, шли с соблюдением дистанции и светомаскирующими накладками на фарах, но на большой скорости, и было непонятно, как они могли мчаться почти вслепую. Примерно через час гонки, двигались медленнее, объезжая рытвины, но всё равно бойцов иногда подбрасывало под самый тент.

Незадолго до рассвета машины прибыли на полигон. При приезде их сразу загнали в баню, одежду забрали волонтеры для стирки, а сами они, вволю намывшись, до конца еще не сознавали, какое это счастье — плескаться под горячими струями, вдыхать распаренный воздух и чувствовать, как с тела смываются пуды пота и грязи. После бани оделись кто во что: в треники, в клетчатые байковые рубахи, в шерстяные носки ручной вязки — подарки равнодушных бабушек с гражданки. А как позавтракали, так все дружно вспомнили о телефонах. Но звонить всем скопом не разрешили, только по одному, по двое с отделения.

— Успеете — наговоритесь, день большой! — успокаивал старшина, прибывший вместе с ними с передовой. — Говорить по две-три минуты, и только на один номер.

Во взводе Сомова первыми говорили «старики», те, кто не впервые возвращался на полигон, а такие, как Прибылой, побывавшие там по первому разу, после них. И никто не обижался, понимая, что, да, они заслужили, им положено. Прибылой был не против такого порядка, когда молодёжь уважала старших, и здесь имелся в виду не возраст по паспорту, а количество дней пребывания на передовой в составе роты «V».

Семён, дожидаясь очереди, лежал на свежей простыне и, закрыв глаза, представлял, о чём поговорит сегодня с родителями, с Олей, с Виолкой, когда она придёт из школы, с Маргаритой. Уж той вынь да выложь, а как на духу расскажи, почему так долго не звонил, почему забыл о них... Найдёт что сказать, чем заморочить голову. От мыслей он не заметил, как заснул, а проснулся от толчка Андрея:

- А ты почему не звонишь? Или некому?

— Есть. Надеюсь, ждут весточку от меня, — спросонья продирая глаза, посмотрел на часы Семён: — Это хорошо я пару часов даванул.

— Да всё правильно ты сделал. Чего ранним утром трезвонить, только родных пугать. А сейчас в самую пору.

Семён сел на матрасе, протёр глаза:

— Вот теперь можно и позвонить!

Маме он позвонил первой. Активировал её номер, но она долго не откликнулась. Пришлось перезвонить.

— Вера Алексеевна, — попытался сказать строго, когда она откликнулась: — Что такое? Сын звонит-звонит, а к его звонкам ноль внимания!

— Ой, ой, сыно-ок! Неужели ты? Как же мы все истосковались по тебе. Сколько дней и ночей не спим. Уж собирались идти в военкомат. Запрос делать. Ну, рассказывай, мой дорогой! С тобой всё в порядке?

— У меня всё нормально. Как у вас? Как отец?

— Всё вздыхает. Сейчас на работе. Вспоминаем с ним тебя, а как я всплакну, он ругается на меня...

— Правильно делает!

— Оле не звонил, а то она ждёт не дожждётся весточки от тебя? Как белка в колесе крутится.

— Сейчас позвоню, а что такое?

— Маргарита ногу сломала, на костылях по квартире прыгает и не имеет возможности провожать и встречать Виолку. Так Оля всё на себя взвалила, а у самой маленькая Анечка на руках — на секунду одну не оставишь. А Оля провожает и встречает Виолку, ходит за продуктами, обеды готовит.

— Мам, это нормально. Ну как бросить Маргариту без поддержки, если у неё моя дочка под присмотром. Нельзя даже думать об этом. Ладно, скажи, как у отца дела?

— Работает. Тоже, не хуже меня, на поясницу жалуется. Ждёт, когда на пенсию выйдет.

— Скажи ему, что вечером позвоню, чтобы спокойно поговорить. А Оле не сообщай о моём звонке. Сейчас сам ей сюрприз сделаю.

— Она — молодец. Ничего плохого не могу сказать.

— Мамуль, хорошо поговорили. Рад, что у вас всё хорошо. Буду ещё звонить.

— Звони-звони своей ненаглядной, — всё поняла Вера Алексеевна.

Радостно и тревожно сделалось Семёну, когда он представил, как вспыхнет Ольга, услышав его. Как засветятся её зелёные глаза и потемнеют от радости. Он даже на миг представил себя на её месте, но не смог до конца почувствовать,

что бы он испытал, позвони она, находясь в тех же самых условиях, в каких находился он всё недавнее время. Что бы он испытывал в полном неведении, зная, что она каждую минуту подвергает себя смертельной опасности, видит гибель людей, их страдания. Ничего, понятно, она не знает об этом, и не надо этого ей знать. Так лучше ей и лучше ему.

Оля откликнулась сразу, как будто находилась у телефона и ждала его звонка.

— Семён! Сёмушка! Неужели ты вспомнил о нас? Какое счастье!

Семён чуть не задохнулся от знакомого и любимого голоса, от её восторга, от которого мурашки побежали по спине.

— Да, Оля, это я! Наконец-то появилась возможность услышать твой голос. Как вы поживаете? Как Женька, как Анечка?

— Что им сделается. Сын учится, Аня всё у двери стоит, ждёт, когда ты вернёшься. Заберу её, обложу игрушками, а она разбросает их — и опять к двери. И ничего не поделаешь с девчонкой. А как у тебя дела?

— Слава Богу, всё хорошо: воюем... Бьём врага и будем бить до победы.

Она вздохнула:

— Значит, долго не увижу тебя?!

— Ну, почему же. Думаю, этот день не за горами, как говорится. Главное, верить... А кто верит, тому и ожидание не страшно! Ты где?

— У Маргариты Леонидовны. Обед на всех готовлю. Она ведь ногу в голени сломала. Третью неделю в гипсе ходит на костылях. Вот передаю ей трубку.

«Ну, началось, — подумал Семён. — Теперь только успевай слушать».

Он не ошибся. Как может Маргарита Леонидовна обойтись двумя-тремя словами?.. Это невозможно. Говорить она настроилась долго, но Семён сразу предупредил её:

— Маргарита Леонидовна, здравствуйте, рад слышать. Вот узнал о вашей беде и сразу вспомнил о своей дочке: как вы с ней обходитесь? Тяжело, наверное?

— Здравствуй, дорогой зять! Рада слышать здоровым и невредимым. А о Виолке не беспокойся. О ней Оля печётся: провожает из школы, встречает — в общем, она у нас под приглядом. Учится хорошо, о тебе часто спрашивает, иногда плачет. Зайду к ней в спальню, а она в слезах. «Что случилось?» — спрошу, а она совсем разревётся: «Когда папа придет?» А я и что сказать ей не знаю. Посидим, поплачем, по-

вздыхаем — слёзы ей утру, сама утрусь. Так и идёт день за днём. Ты там долго-то не задерживайся. Мы ждём тебя.

— Виолка сейчас в школе?

— Да, через два часа Оля пойдёт за ней.

— Тогда я попозже позвоню, поговорю с ней. Передайте телефон Ольге.

Она взяла и молчит.

— Ты чего? — удивился Семён.

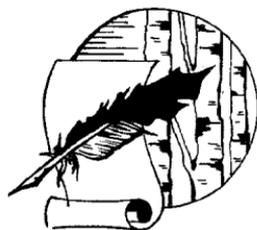
— Жду, чего скажешь. Когда мне позвонишь?

— Сегодня ждите звонка. Да, Виолке ведь буду звонить, тогда и поговорим ещё.

Сразу после обеда Семён поговорил с Виолкой, конечно же, расплакавшейся, и он долго не мог успокоить её, обещая, что обязательно приедет, обязательно они встретятся, что он её очень любит и просит слушаться бабушку и Олю. А что ещё он мог сказать дочке-второкласснице, какие такие особенные слова придумать, чтобы она сказала в ответ: «Папочка, я люблю тебя и буду жать возвращения. Буду слушаться бабушку и Олю и не буду плакать...» Она так и сказала и, конечно же, расплакалась. Трубку взяла Оля.

— С нами не соскучишься, — со вздохом сказал она. — Понимаю, как тебе хочется к нам, а нам к тебе, но понимаю, что счастье пока несбыточно. Ладно, давай скажем друг другу «До свидания». Я целую тебя очень-очень крепко и жду!

Она сама отключила телефон, а Прибылому впопугу было заплакать, потому что в этом расставании виделось что-то непередаваемо обидное, насильственное, будто кто-то их тянул за руки, пытаясь навсегда разъединить...

Александр НЕСТРУГИН

«ЖИЗНЬ СЛУЧИЛАСЬ!»

СНОВА О НАЗВАНИИ

Пусть называется так, как назвали.
Нужно уже эту правду нам знать:
Это закончится завтра едва ли,
Если яснее, точнее назвать.

Это уже не удержишь в секрете,
Зубы пытаюсь заговорить...
Грузит сосед камуфляжные сети —
Не карасей разжиревших дурить.

Рады такой вот не первой «попутке»,
В той материнской заботе близки,
Ташат соседки блинцы и закрутки —
И шерстяные, хоть лето, носки...

Если взглядеться в страну не спросонок,
Не через наволочь, не через муть,
Видно, что каждый убитый просёлок
Греет под рваной рубахою
Путь.

А в том пути, по глазам ли пороша,
Пот ли солёный, как щёлочь, их ест,
Честного путника всякая ноша
Знает одно лишь название — крест.

* * *

Когда-то АК ты умел собирать в темноте,
А нынче встаёшь — и от шага палату шатает.
В ковидном отсеке запишут тебя на КТ,
И то ведь не первым — с лихвой добровольцев хватает.

А наших в Москве вон опять набирают в десант,
Пусть творческий, да и ещё не окончена запись...
И тянешь шиповника мутные сто пятьдесят;
И восемь таблеток в бумажной закрутке — на закуску.

А в зеркало глянешь — в десант не возьмёт и Харон,
В Аиде и призраки (помнишь пословицу?) краше.
И хоть обложила непруха со всех, сколько есть их, сторон! —
Как жар очи склеит, к своим пробиваешься... К нашим...

ТЕНЬ

Это просто скопа — не бандеровский дрон,
Не нашедший добычи в степи.
Но кровит красноталом вдоль отмели Дон,
Резким креном задетый скопы!

Эта тень — от паренья орлиного, но
Мне кровящее время не врёт.
И заходит дежурное «МИГов» звено
Из-под солнца — и тень эту рвёт...

МУЗЕ

Чтоб ни случилось — не печалься!
Пусть о своём базар галдит,
Хлопочет зависть, и начальство
При встрече в сторону глядит...

Горячим ветром сушит губы
То, что забыть нам не дано,
И крутит юность в сельском клубе
Неотменимое кино.

Пусть сбился звук, и рвётся лента,
И сердце рвётся от тоски —

Товарищ Сухов из Педжента
Идёт домой через пески.

И он дойдёт, не сгинет где-то —
Ведь столько сделать предстоит!
...И там, в песках, найдёт Джавдета
Неразговорчивый Саид...

* * *

Правую руку держу своей левой
Строгой, задумчивой, непримиримой рукою:
«Это прочтётся детьми — и Романом, и Леной,
Это прочтётся детьми — и Анютой, и Колей...»

Левой рукою держу свою правую руку
С оберегающей тихую силой:
«Это ведь пишется внучкам и внуку,
Лизой прочтётся, Маришей, Максимом!»

Правую, мерить решившую мерой
Неотменимую — левой сжимаю до боли:
«Это прочтётся — ты помнишь об этом? — и Верой;
Верой, любовью, надеждой — что случилось с тобою...»

Темень торгуется, тающий свет дорожится...
Да не себя, не себя, не себя я жалею!
Непоправимо, когда на живое ложится
Строчка, что тяжкой могильной плиты тяжелее.

* * *

Мои друзья, они в глуши не кисли,
На них в парнасских чайных музы висли, —
И, воздымая чай, звенели чарки!
А я, как ночь, с рекой играл в молчанку..

Порой, от скуки, и в мои чертоги
Друзья мои с небес спускались — боги!
Богам богини юные внимали,
Пыля толпой с Олимпа до Лимана.

Да, набивались и ко мне в подружки —
А рыбу чистить, ложки драить, кружки?!
А им, бедовым, подавай забавы,
Богиням тем с горячими губами...

Мелели кружки, ложек гасла тяга,
И котелок пустел, но прежде — фляга;
Последним, пыхнув, уголёк сдавался...
И я опять с рекою оставался.

ТАЙНА ТВОРЧЕСТВА

Да не жалея себя, не охай:
Ведь гвозди, как там ни крути,
Куёт из нас, смурных, эпоха
Лишь днём, с восьми и до пяти.

Потом бухтит, что карта бита,
Угрюмый быт, но это ложь!
А в полночь и бухого быта
Стихают склоки и скулёж.

Ты только сам во тьму не рухни,
Чтоб сквозь похмельный бред скулить.
Осталось только стол на кухне
Газетой старой застелить.

* * *

Мамины да божьи, а ведь верим
Пыль в глаза пустившим торгашам,
Пустоглазым их весам и мерам,
Их аршинам, ломаным грошам.

То мошне поклоны бьём, то чину —
Годы, годы, годы, не часы...
А вот эта гирька: «Жизнь случилась!» —
Видно, закатилась за весы.

* * *

Сколько в русских исканьях ни шарь я,
Выйдет: попусту тратится дар.
Восклицания все, вопрошанья —
Лишь гречанке Риторике дань.
Всё терзаний разводим цветочки,
Всё нудим про тюрьму да суму...
А над і приколачивать точки —
Без замаха, по шляпку! — кому?

* * *

Громыхнёт — я помяну не Дарвина,
Хоть со школы знаю назубок...
Щука ли небесная ударила,
Звук ломает с треском «ястребок» —
«Господи!..»
Пусть Дарвин усмехается,
Самолётный след ведёт мелком...
Сердце ненаучно трепыхается
Под ребро забившимся мальком.

* * *

Затихло всё, что торопилось.
И луг отяжелел, и слог.
Как неразгаданный папирус,
Луны на заводь отсвет лёг.

И рядом всё, что прежде было —
Мгновение, остановись!
И жёлтою водою Нила
На треть разбавлен Танаис.

* * *

Ещё душа в земном не отметалась,
Но в мыслях, как на снег в суставах, резь.
И ты, привив себе, как оспу, старость,
Описываешь, как идёт болезнь.

Металл смягчает в голосе усталом.
Всё пристальнее зеркало глядит.
И женщина, в руках твоих истаяв,
Растерянные руки холодит.

ПОЕЗД НА КАЛАЧ

Эти строки и во сне всё болят..
Время в чеховском пенсне прячет взгляд.
Пуст воронежский вокзал, первый путь.
Хоть бы слово мне сказал кто-нибудь!
Поздно, ветрено, темно... Время-врач
Знает: он ушёл давно на Калач —

Тот, что вёз простой народ, смех, багаж,
Неторопкий поезд тот, общий, наш...
В Лисках, что ли? — тормозил; на руках
Нянчил всё — носил, грузил — хлеб в лотках.
Жизнь верстала тот маршрут, ей с руки:
Все разъезды хлеба ждут, тупики.
Никого не забывал поезд тот,
Даже стрелке хлеб совал: «Тёплый, вот!»
Даже стрелке хлеб совал впопыхах:
Тёплый, он не остывал, домом пах!

...Путь глухой, перрон немой... Молодость сквозит...
Поезд, я хочу домой — увези!
Сломан век, наложен жгут — жгучие слова.
... Там отец и мама ждут, бабушка жива...

* * *

Меркнет холст, но дорожит деталями,
В дымке различимыми едва...
Острова зимой необитаемы —
И потянет вдруг на острова.

Серый свет ночной — и «скорой» вызовы,
Синева венозная руки...
Но насквозь в глазах плеснулись сизо вы,
Островной закваски лозняки!

Закружилась, заполошно вспоймилась
Стёжка:

— Далеко ли до беды?!

... В гнутых лозах сизых

сердцу вспомнилась

Сила, что слепые дыбит льды.

г. Воронеж

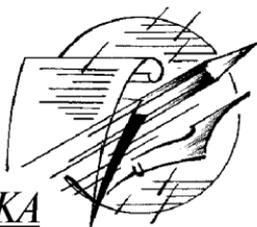
НАДЕЖДА ЕЩЕ НЕ ПРОПАЛА

Ветер истории

Это событие как-то затерялось среди новостей. А ведь оно, можно сказать, знаковое. 8 августа, в канун праздника Преображения, вблизи села Курейка Туруханского района Красноярского края, на берегу Енисея, был в скромной обстановке открыт первый в современной России официальный памятник Иосифу Виссарионовичу Сталину. Автор памятника — уроженец тамошних мест Михаил Красильников. А они, эти места, — поистине исторические. Здесь отбывал ссылку Иосиф Джугашвили (Сталин).

Немного истории. В середине 30-х годов изба, в которой проживал ссыльный Иосиф Виссарионович, превратилась в музей. Со временем, в начале 50-х, был возведен каменный павильон, а перед ним установлен памятник Сталину (уменьшенная копия известной работы Меркулова). При нахождении на посту Генсека ЦК КПСС разоблачителя «культы личности Сталина» Н.С. Хрущева музей был ликвидирован, а памятник вождю цинично утоплен в Енисее.

Примечательно, что в наши дни памятник Иосифу Сталину появился в Курейке на государственной земле и при государственной поддержке. В отличие, скажем,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

от Великих Лук (Псковская область), где памятник был поставлен на территории частного предприятия и на частные средства. Помнится, какой звериный вой это вызвало в либеральном стане. Даже молодой мэр Великих Лук дрогнул. Но при поддержке патриотических актеров и писателей, а также при содействии органов правосудия, памятник удалось отстоять.

Общественность сыграла свою роль и в этот раз. Событие в Курейке произошло во многом благодаря усилиям и пожертвованиям воронежских подвижников — историка Николая Сапелкина и предпринимателя Геннадия Чернушкина. Однако главное тут в том, что с началом специальной военной операции меняется политический климат в стране. Пришло осознание, что против буржуазной России в принципе воюют те же антисоветские, антисталинские силы, что были в Великую Отечественную войну разгромлены социалистическим Советским Союзом под руководством Сталина.

Эту историческую правду не обойдешь стороной. Впрочем, как и то, что сталинское наследие — например, реализация «ядерного проекта» и ускоренное развитие ракетостроения служит основой оборонной мощи современной России. Где бы мы были, если бы Владимир Путин не принял некоторые меры для обуздания либеральных шкурников, не так уж трудно представить. Имя Иосифа Сталина, при всей трагичности и противоречивости этой, вне сомнения, выдающейся личности, теперь воспринимается, нравится это кому-то или нет, как символ грядущей Победы над «новым фашизмом». Не случайно, в блиндажах участников специальной военной операции портреты вождя соседствуют с иконками.

Волна установки памятников Сталину (на 2023 год их в России было более сотни) коснулась и Тверской области. Уже есть бюст Сталина у Дома-музея вождя в деревне Хорошево Ржевского района. Второй бюст на гранитном основании установлен по инициативе ветеранов на Аллее двенадцати маршалов Победы в Нелидове. На мемориальной табличке обозначены годы жизни Иосифа Виссарионовича и приведены строки из стихотворения Михаила Исаковского:

*Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.*

Слышал голоса: «Нужно поставить памятник Сталину и в Твери». На мой взгляд, в этом процессе не должно быть волюнтаризма, кампанейщины, поспешания.

Но вот забытого первого секретаря Калининского обкома ВКП(б) с 1938-го по 1946-й год, члена Военного совета Калининского фронта Ивана Павловича Бойцова справедливо было бы увековечить. На его плечи легла огромная работа по организации партизанского движения и подполья и восстановлению народного хозяйства области. Имя Бойцова вполне могла бы носить одна из улиц Твери в новом микрорайоне.

Следует также вернуть память о выдающемся государственном деятеле сталинской эпохи, руководившем в годы войны блокадным Ленинградом Андрее Александровиче Жданове. В нашем городе выросло поколение, которое не знает, что с 1910 по 1915 год Жданов учился в Тверском реальном училище. С июля 1919 года он работал в Твери заведующим Подотделом, Отделом по работе среди профсоюзов и кооперации Тверского губернского комитета РКП(б), преподавал на 1-х Тверских командных курсах РККА, был ответственным редактором газеты «Тверская правда», председателем Тверского губисполкома. Но ведь даже памятную табличку со зданья, где прежде находилось реальное училище, тверские «переписывальщики истории» умудрились убрать.

Другая знаковая, но замалчиваемая тверскими «историками», фигура — Александр Васильевич Александров — художественный руководитель, главный дирижер Ансамбля красноармейской песни Центрального дома Красной Армии (ныне Ансамбль песни и пляски Российской армии). Александром Васильевичем был гениальным композитором. Им написана музыка Гимна СССР (ставшая музыкой современного Гимна России), он — автор музыки бессмертной песни «Священная война», других известных песен. Часть биографии Александра Васильевича тоже связана с Тверью.

На мой взгляд, назрело преодоление последствий безудержного «одементывания» центра Твери. На месте, где находится сейчас памятник Андрею Дементьеву, логично было бы открыть памятник тверским добровольцам СВО. При этом, конечно, с памятником Андрею Дмитриевичу не нужно поступать так же, как Никита Хрущев поступил с памятником Сталину. Будучи произведением искусства (а это достойная скульптурная работа), он мог бы найти в городе иное место.

С «подарком» поэту (за счет бюджета) от губернатора Дмитрия Зеленина тоже необходимо что-то делать. Разумно было бы перепрофилировать его в Дом тверских литераторов, воздав тем самым должное памяти многих подвергшихся забвению значительных тверских прозаиков и поэтов. На Дементьеве свет клином не сошелся, он, прямо скажем, не лучший

среди них. Увековечивание возле зеленинского «подарка» поэтов-шестидесятников, к которым почему-то отнесен и Дементьев, вообще воспринимается как казус, случившийся либо из-за бесхребетности, либо из-за невежества тверских чиновников. Кто из поэтов-шестидесятников жил и творил в Твери? Никто.

Думается, настает пора государству принципиально изменить свое отношение к жертвам антиконституционного переворота в России осенью 1993 года. Создан и действует общественный комитет по сбору средств на увековечивание их памяти. Но почему бы московским властям не присоединиться к решению этого вопроса?

Проблема здесь, видимо, в том, что, начиная с горбачевских времен, в стране внедрялась либерально-сатанинская матрица в культуре, образовании, СМИ, исторической науке. Антисоветизм, антисталинизм, опорочивание подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, долгие годы были пропуском во власть, и хамелеонствующим, ступившим на стезю антисоветчины писателям, режиссерам, актерам воздавались всевозможные почести.

Вспомним сколько было наштамповано фильмов, в которых Сталин представлялся слабоумным злодеем, сотрудники НКВД — тупыми негодьями, политруки — трусами и т.д. Где сегодня, когда страна снова воюет с фашизмом, создатели, распространители примитивной лжи и «обеспечиватели» проамериканского колониального курса? Они либо «переобулись» в патриотов и государственников, либо сбежали из России. В числе сбежавших один бывший премьер, 11 бывших вице-премьеров, 28 бывших губернаторов, плюс масса орденосных, увенчанных званиями и премиями представителей творческой интеллигенции.

В Госдуме прошел круглый стол «О противодействии распространению сатанизма и другим деструктивным явлениям в медиакультурном пространстве России». Актуальная тема. Были приглашены для участия в дискуссии не только парламентарии, но и религиозные деятели, эксперты. Им должно быть хорошо известно, что главное оружие сатаны — ложь. Поэтому бороться с нею можно и нужно именно правдой, от которой народ зачастую был отлучен.

Предлагаю от слов перейти к делу. Вместо глобалистских «валентинок», которыми «откомфортизированы» большие и малые города страны (напомню, в день святого Валентина устраивают развратные шабаши сатанисты всего мира), посадить «Аллеи памяти» из русских берез. В них должны стоять красивые памятники в честь священного подвига земля-

ков, погибших в специальной военной операции за Родину и против того самого фашиствующего глобализма, на поводке у которого до недавнего времени продолжала оставаться часть российских управленцев.

Наверное, мои предложения покажутся кому-то неосуществимыми, несвоевременными и, не исключено, даже вызовут кое у кого отторжение. Ведь огромные суммы были угроханы на те же штампованные символы глобализма — «валентинки», на создание других атрибутов подмены русского национального сознания и размывания национальных традиций. Это — сегодня. А завтра? СВО продолжает менять настроение народа в сторону социализма, побуждая власть отказываться от вчерашних предпочтений.

Нужна новая экономическая концепция развития страны, новая социальная, культурная, образовательная политика. И, конечно, нужно другое отношение к советскому прошлому, из которого можно почерпнуть немало полезного для настоящего и будущего России. Для этого требуются новые кадры, и они, слава Богу, появляются. Десять лет назад нельзя было представить, что 34-летний губернатор Вологодской области Георгий Филимонов самолично предложит установить в областном центре памятник Сталину. Как бы то ни было, но оклеветанный либералами генералиссимус, Верховный Главнокомандующий Красной Армии, создатель могучей «красной империи» возвращается в сознание русского народа.

Говорят, Иосифу Виссарионовичу принадлежит фраза: «После моей смерти на мою могилу нанесут горы мусора, но ветер истории безжалостно развеет его...» Слова эти оказались пророческими.

Сквозь паутину

По некоторым признакам можно судить об активизации российского глубинного государства. Ранее оно руководствовалось собственными «понятиями» и устремлениями. Поступало, как правило, открыто, напролом, не считаясь с мнением граждан. Похоже, теперь времена для «глубинщиков» изменились. Действовать приходится тоньше, в том числе используя законы, которые в свое время были приняты под диктовку либеральной «элиты». Она, «элитка», надо думать, в меру своих западнических пристрастий, неплохо усвоила английскую поговорку: «Закон — это паутина. Шмель прорвется, а муха запутается». Впрочем, у русского народа имеется собственная: «Закон, что дышло, куда повернул —

туда и вышло». А в среде юристов бытует фраза: «Два юриста — три правды».

Законов, как на федеральном, так и на региональном уровне, у нас теперь, при демократии-то, принято уйма. Десятки, может быть, даже сотни тысяч. Ежедневно идет в кабинетах кропотливая работа над ними. То «заботники» о народе тщательно определяли, какого размера должна быть шляпка у подберезовика, дозволенного к собирательству народом. То, наморщив мудрые лбы, рассчитывали, на каком расстоянии от речки или озера рыбак из народа обязан останавливать свое транспортное средство. На днях кто-то из думских изобретателей предложил обсудить, можно ли курить народу на ходу. Кажется, так будет до скончания века.

А порядка-то, единого для всех, в стране нет. Точнее, чем больше всяческих законов, циркуляров, тем его меньше, что и требуется глобалистам и их пятой колонне в России. В хаосе они — словно рыба в воде. Доминирует клановая солидарность. А тех, кто «выбивается» из курса, критикует либеральные порядки, можно, в случае необходимости, прямо или косвенно, прижать нужной статейкой в законе.

Не единожды испытал это на себе глава Калязинского района (округа) Константин Геннадьевич Ильин, о чем рассказано в многочисленных публикациях в СМИ, на портале «Русская линия», в очерке «Столкновение» в моей публицистической книге «Национальное или глобальное?» Каких только приемов ни использовали против Ильина его, мягко говоря, «оппоненты». Клеветнические листовки, лживые публикации в СМИ, подбрасывание муляжей взрывных устройств, посылка из столицы людей в масках и с дубинками, возбуждение с треском провалившихся уголовных дел. Предположительно, за этим стоял человек, имеющий калязинские корни, бывший руководитель одной из региональных силовых структур, занимавший крупный торговый бизнес и виллу в Лондоне. Удалось установить: сайт, через который осуществлялся вброс информации, порочащей К.Г. Ильина, был зарегистрирован в Лос-Анджелесе. Эва куда протянулся след-то!

Чем же «провинился» перед «игроками глобального тренда» Константин Геннадьевич? Думаю, прежде всего, своим искренним патриотизмом, компетентностью. Ставка-то, признаемся, многие годы делалась на иные качества: бездумную покорность, космополитизм. Для чего? Чтобы сдерживать развитие России, точнее — направить его по сырьевому, нужному Западу, пути.

В отличие от многих теперешних выдвиженцев во власть К.Г. Ильин — из крестьян. За плечами, после сельхозинсти-

туда и службы в Советской армии, многолетнее руководство крупным сельхозпредприятием (значит, и опыт работы с людьми), депутатство в Законодательном Собрании Тверской области, кандидатская диссертация (Константин Геннадьевич — кандидат исторических наук) по опыту самоуправления в СССР в начале 50-х годов.

Вот уже двадцать лет К.Г. Ильин руководит Калязинским районом. Руководит инициативно, деятельно. Благодаря ему и его команде, Калязин превратился в один из духовных центров не только области, но и России. Проводятся важные мероприятия федерального уровня — конференции «Русского Собрания» (Константин Геннадьевич — руководитель регионального отделения этой общественной организации), Крестные ходы, православные фестивали, круглые столы.

Живет глава округа одной жизнью с народом, в деревне Семендяево — недалеко от Калязина, в своем председательском еще доме. Времени свободного у него не густо. Но все равно вместе с супругой Маргаритой Германовной они обихаживают огород, держат живность. Частенько сам доит коз. А еще регулярно ходит в Храм, где служит алтарником. Он, наверное, — единственный среди глав российских муниципалитетов, кто, помимо светского образования, имеет еще и церковное. Окончил Ярославскую духовную семинарию. Это помогает Константину Геннадьевичу видеть коварство сатанинских замыслов внешних врагов России и пятой колонны, что нашло отражение в его книге «Выстоять и победить».

Далеко не каждый наш чиновник знает (его этому распознаванию не обучают), что такое «ментальная война», «организационная война» и прочие современные войны, ведущиеся против России. Ильину это ведомо. Он рассказывает об этом в своих выступлениях, интервью, статьях, что, надо думать, вызывает раздражение у определенной части «элиты».

С чего началась новая атака на православного, уважаемого в среде патриотической общественности России главу, твердого сторонника президента Путина, защитника традиционных ценностей? Пожалуй, отправной точкой явилось выступление К.Г. Ильина 18 октября 2023 года в Государственной думе на тему «Вопросы развития сельских территорий».

— Я долго думал, как лучше построить выступление. Мелькнула мысль особо не выпячивать острые углы. А потом решил: скажу, как всё вижу и понимаю, — рассказывал он мне. — Ну и выдал правду-матку. Что Центр неправильно строит политику по отношению к малым городам и русской деревне. О критической изношенности социальной и коммунальной инфраструктуры. О произволе со стороны энер-

гетиков. Предложил эту сферу национализировать и преодолеть ее раздробленность... После этого ко мне подошёл один важный человек, неопределенно промолвив: «Ну ты, братец, и врзал». Спрашиваю: «Не то, сказал, что ли?» «Да нет — то. Но все-таки...», — пожимает плечами...

Вскоре, 7 ноября того же года, К.Г. Ильин, будучи членом Правления Ассоциации малых и средних городов России, выступил с докладом на заседании Совета по местному самоуправлению в Совете Федерации. Тема — «Актуальные вопросы совершенствования контроля (надзора) за деятельностью органов местного самоуправления и муниципальных учреждений».

Опять говорил о насущном. Подчеркнул, что «продвигается позиция по упразднению местного самоуправления как один из пунктов губительной глобальной повестки». Отметил, что «контрольно-надзорные органы и суды, обявывая органы местного самоуправления осуществлять те или иные конкретные мероприятия, вторгаются в компетенцию органов местного самоуправления. Нарушают их самостоятельность. Более того, подменяют их в определении направлений и очередности решения вопросов местного значения, объемов расходования бюджетных средств. Это является нарушением и Конституции России, и федерального законодательства».

Предложил изменить подходы к работе контрольно-надзорных органов, перенацелить их деятельность с, преимущественно, поиска нарушений на более конструктивные отношения с органами местного самоуправления (предупреждение, предотвращение нарушений, методическая поддержка).

— Интуитивно почувствовал: моя правда воспринята кое-кем или холодно, или равнодушно. И что-то в отношении ко мне после этого изменилось, — рассказывал Ильин. — Докатилась молва: один из высоких тверских чиновников — кстати, прошедший стажировку в зарубежном фонде, в Лондоне, якобы бросил фразу: «Ильин слишком много себе позволяет». А чего я позволяю? Говорить правду о бедах русской провинции? О том, что местное самоуправление у нас низводится, а на смену ему приходит управление клановое? Так именно она, правда, помноженная на компетентность, нужна сегодня для оздоровления внутренней жизни России. За нее сражаются наши ребята на передовой, а мы должны сражаться в тылу. За правду, а значит — за будущее Отечества...

А в канун учебного 2024 года проявила себя группка «общественных активистов», добивающихся прекращения за-

нятий учащихся в Нерльской средней школе. Будто бы из-за ее аварийного состояния. То, что «активистам» предоставил слово общероссийский телеканал, не заинтересовавшись мнением главы округа, наводило на версию о заказном характере сюжета. Как бы то ни было, суд принял решение — школа не может приступать к занятиям и обязал уволить за халатность заместителя главы — по словам Константина Геннадьевича, — опытного, добросовестного специалиста. При этом никого не интересовало, есть ли у муниципалитета средства для капитального ремонта здания или строительства нового (это, как минимум, областной уровень финансирования), и где будут заниматься свыше сотни ребятишек.

Константин Геннадьевич добился судебной экспертизы состояния здания Нерльской школы. Оно не было признано аварийным. Буквально за день до начала учебного года суд разрешил проводить в этой школе занятия. Но судебная тяжба продолжается. Несложно представить, сколько нервов это стоило и родителям, и Ильину, и тем работникам округа, что отвечают за образование. Когда Константин Геннадьевич, с которым мы знакомы два десятка лет, рассказал мне об этом, я предположил: «Ждите следующего хода против вас».

И такой ход последовал! Не напрямую против главы, а против его сына Дмитрия, предпринимателя, занимавшегося поставками продовольствия в школы. Заказ ли это сильных мира сего или нет, утверждать не берусь. Но на подобную мысль наводит хотя бы то, что объектом был избран именно сын Ильина. Приведу краткий комментарий (есть и более развернутый) Константина Геннадьевича к возникшей ситуации:

— На основании проверки в связи с непроведением торгов по закупкам (якобы за нарушения образовательными учреждениями, допущенными при заключении договоров) были вынесены иски прокуратуры о признании всех сделок по поставке продуктов в 2023 году недействительными и о полном возврате денежных средств за поставленную продукцию предпринимателем в бюджет муниципального образования. Если все двенадцать судов присудили бы вернуть полученные средства, то это было бы в совокупности более чем 20 миллионов рублей за уже поставленные и употребленные качественные продукты. Абсурд! Он ставит под сомнение репутацию добросовестного поставщика и практически губит предпринимательскую деятельность Дмитрия, разоряя его. При этом закон позволяет заключать такие договоры. Ранее прокуратура Калязинского района неоднократно проверяла работу по организации питания в школах и не усматривала в

этой работе никаких нарушений. Аналогичным образом такая работа ведется в других муниципалитетах Тверской области.

И что в итоге на сегодняшний день? Уже более полугодом проходят изматывающие судебные тяжбы по двенадцати идентичным арбитражным делам разными судьями. За этот период проведено уже более пятидесяти судов. Решением Тверского арбитражного суда по первому иску только по одной из школ предприниматель обязан вернуть полную сумму за уже израсходованные по назначению, качественно и в срок поставленные продукты (полная односторонняя реституция). Что, повторяю, с точки зрения здравого смысла, является абсурдом.

Даже если признать, что школа нарушила закон и заключенный договор является недействительным, почему тогда прокуратура требует взыскать полную сумму по нему с поставщика в пользу организации-нарушителя? Объясняют это тем, что продукты использованы и вернуть их нельзя. Но и предприниматель не получил от договоров всей этой суммы. 95 процентов пошло на закупку самих продуктов, их транспортировку, хранение, на налоги, банковские услуги и т.д. Из каких же средств он должен вернуть полную сумму? И почему так настойчиво желает наказать предпринимателя прокуратура? Ведь услуги оказаны и оказаны качественно. На них нареканий не было! Никто не пострадал, никому ущерба не причинено. Складывается впечатление, что цель такого преследования заказная: разорить, уничтожить предпринимателя. Видимо, потому, что он является моим сыном. На мой взгляд, иски прокуратуры надуманные, доводы прокурора на судебных заседаниях сводятся к формулировкам: «нам кажется», «мы предполагаем», «по нашему мнению...»

Аргументированно защищая своего сына, в чем не видится ничего предосудительного, Константин Геннадьевич тем самым защищает и свое имя, и всё то, что он делает во благо своего района и государства. Но не только. Он выносит на повестку дня то, что должно быть принято во внимание теми, кто запутывает народ хитросплетениями (паутиной) принимаемых законов и распоряжений, создавая условия для ситуаций, которые можно рассматривать как «правовой абсурд».

Однако дело не только в огрехах, нестыковках в законодательстве. Общество наше разделено не только социально, но и духовно. Разница в философии мегаполисного центра и русской провинции очевидна. Верхи ее, эту разницу, ощущают. Для этого проводятся закрытые мониторинги, и пото-

му, наверное, приглашают в Москву выступить руководителей из глубинки, что ощущение этой разницы доставляет верхам дискомфорт. Вот, мол, мы стремимся услышать глас народный. Слушать-то слушают. Но слышат ли?

Пороки современной власти, ее внутреннее состояние передают в какой-то мере слова, обращенные в 1855 году К.С. Аксаковым к Царю Александру II: «Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнения народа, но всякий частный человек опасается говорить свое мнение. Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу... Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их не дружественны. И на этом внутреннем разладе, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лесть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь».

Да, народ наш, устойчиво сохраняет доверие к первому в государстве лицу — президенту Владимиру Путину, особенно в столь сложный для России период. Это свидетельство мудрости, ответственности нашего народа за судьбу государства. Однако в целом народ крайне настороженно, недоверчиво относится к «верхним классам».

Провинция, источник и оплот наших духовных традиций, желает жить в созидании, коллективизме, социальной справедливости. Ее, многострадальную, периодически успокаивают речами о защите традиционных ценностей. Тем временем информационно навязываются ценности так называемого «гражданского общества». Даже некий орган по его «развитию» создан и действует. Основными «ценностями» этого, заимствованного у Запада, «общества» являются информационная манипуляция человеческим сознанием, чуждые традиционному русскому мироощущению потребительство, индивидуализм, отсутствие социальной справедливости. Люди, в большинстве своём, не читали научных трудов о принципиальной разнице между традиционным и гражданским обществами. Но душой они ощущают, сколь велика эта разница.

Власть периодически повторяет мантру о «развитии местного самоуправления». Но «развитие» привело к тому, что самоуправление истончилось и ныне существует лишь формально, не имея достаточных административных полномо-

чий и финансовых ресурсов. На деле установлена жесткая властная вертикаль. Она привела к распространению кланово-криминальной феодальщины, имеющей высокопоставленных крышевателей.

Власть рассуждает о создании «комфортных условий» (потребительство в действии), насаждая, в частности, «комфортные зоны» с чуждыми русскому духу *валентинками*, англосаксонскими газончиками и карликовыми кипарисиками. Однако народ продолжает жить в состоянии внутреннего дискомфорта и вымирать. С точки зрения нормального, обычного человека, настоящий комфорт — это создание современного производства, что дает квалифицированную работу. Это соответствие власти народному нравственному цензу, что позволяет народу считать власть своей.

Та лукавая матрица российского жизнеустройства и кадровой политики, что была внедрена либералами, пока не претерпела существенных изменений. Да, роль Академии государственной службы в подготовке кадров важна. Но еще более важно готовить не просто управленцев-начальников в «школах губернаторов», «школах мэров», «школах лидеров», но — управленцев-созидателей с высокими духовными качествами. Их в состоянии воспитать только практика созидания в «школе народной жизни». При советской власти существовал принцип: показал человек себя на производстве — его берут в низовое звено исполнительной власти, допустим, заведующим отделом райисполкома. Показал в этой должности — переводят в заместители председателя райисполкома. Следующие ступеньки — председатель райисполкома, первый секретарь райкома партии, за нею — зав. отделом обкома и т.д. Это было разумно, оправданно. Подчеркну, советские и партийные чиновники не отгораживались от народа турникетами, прекрасно знали положение дел на местах.

Современный же клановый подход привел к тому, что в структурах власти образовалось засилье невежд, карьеристов, разного рода проходимцев. Они, эти люди, используя свое влияние, стремятся подавить, дискредитировать то здоровое, что противоречит их корыстолюбию и интеллектуальному убожеству. В условиях фактического отсутствия местного самоуправления народ не в состоянии этому ничего противопоставить. Кроме как помечтать: «Был бы Сталин, всё было бы по-другому». Он не о Сталине мечтает, а о грандиозном созидательном, одухотворяющем, отвечающем чаяниям народа проекте, который давал бы уверенность в будущем.

По-другому может быть и при Владимире Путине. Следует отказаться от «проектирования», перейдя к стратегическому,

комплексному государственному планированию, и перевернуть кадровую пирамиду. Мне близка мысль Михаила Делягина, высказанная им на «Русской народной линии»: «...не только профессиональные политические наблюдатели, но и самые обычные люди всё более интенсивно ищут в управляющем классе фигуры, потенциально способные обеспечить возврат к нормальности и переход от системного разрушения России в стиле ухудшенных кровавых 90-х к ее созиданию».

Президентская программа «Время героев» с одобрением воспринята в народе. Люди, проявившие себя не на словах, а на деле, в защите Родины, крайне нужны во власти в целях ее оздоровления. Но чтобы массово сформировалась новая управленческая элита, этого недостаточно. Для возвращения к нормальности кадровое движение должно быть снизу вверх, а не сверху вниз. Ставка должна быть на руководителей, видящих вблизи «болячки» провинциальной жизни, понимающих, как с ними справиться. Таких руководителей, как глава Калязинского округа К.Г. Ильин, у нас немного, но, слава Богу, они есть. Именно они, выходцы из народа, душой болеющие за дело, не боящиеся произнести слово сермяжной правды в защиту народа и государства, внести дельное предложение, способны обеспечить эффективное развитие России. Их, как «золотой фонд», должно, обязано защищать от кланового произвола государство! И именно они должны занимать кресла губернаторов, депутатов Госдумы, членов Совета Федерации, федеральных министров.

Займут ли? Признаюсь, немалые сомнения на этот счет. Однако и надежда не пропала. Жизнь заставит, если мы искренне желаем, чтобы Родина наша выстояла и победила.

г. Андреаполь Тверской обл.

Виктория ЕВСЕЕВА
(1972 — 2024)

Эту рукопись (так теперь называют компьютерные тексты) переслал мне хороший писатель Геннадий Карпунин. Я знал, что его жена сценаристка и писательница, но понятия не имел, что она писатель большого таланта, причём очень мужественного. Вся её жизнь проходит перед нами — с детства до исхода. Скончалась она совсем недавно, ушла из земной жизни совсем молодой.

Мы с женой были на её отпевании, и я был поражён её красотой. В белизне лёгкого платка, в обрамлении белыми цветами светилось её уже не земное, какое-то прямо подвенечное лицо.

Вскоре Геннадий собрал её рассказы, выстроил их и послал мне. И вот они пред вами. И я так жалею, что они не появились в нашей жизни раньше, что она не дожидка до их публикации.

Это мужественная проза. От неё невозможно оторваться, она вся из жизни — от встреч с десятками людей, их судьбами, иногда невероятными событиями из их биографий, в основном трагическими, это дети и старики, это милосердные и жестокие взрослые, это, наконец, личная жизнь самой писательницы, которая кажется мне образцом для подражания, для обретения мужества в посылаемых на нашу долю бедах и переживаниях. Это какой-то необъяснимо христианский талант: обязательно находить страдающих людей, проникаться их болями, несчастными судьбами и писать о них с состраданием и часто даже с юмором. Да, с юмором и обязательно с любовью: к бабушкам-дедушкам, папе-маме, деточкам, мужу, соседям по дому и соседкам по палате, нянечкам — да ко всем нам. И особенно к облачкам, кошкам, птичкам, к своему сыночку — талантливо-му выдумщику.

Проза Виктории Евсеевой стоит в одном ряду с классической русской прозой, главное в которой — обязательно быть на стороне несчастных, униженных, писать о них, но писать так, что читатель, сострадав героям книги, становится лучше: да, тьма вокруг, но свет Божественного спасения есть, и он коснётся каждого.

Владимир КРУПИН

ПРОЗА

ЖИВЫЕ РАССКАЗЫ

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

В моём детстве писали бумажные письма и по праздникам слали друг другу открытки. Открытки были моим сокровищем. Они лежали вперемешку с семейными фотографиями и снимками актёров советского кино. Любимым занятием было сортировать всё это богатство. Вот новогодние открытки. Они делились на две кучки: «С Новым годом!» и «З новим роком!» — эти от родни из Донецка. Отдельно — открытки с 7 ноября, с 23 февраля (мы жили вдвоём с мамой, но и таких открыток было много), с 8 марта.

Фотоальбом у нас был один — со снимками Цемзавода, где мой дед сделал карьеру от простого рабочего до директора. Остальные фотографии альбома не удостоились. Их я тоже сортировала. Отдельной стопкой — я. Отдельно — все красивые тётки (без разницы — актриса это, мама или мамина подруга Галя). Отдельно — все родственники в гробах. Фотографии с похорон прадеда, умершего на поселениях, были самого маленького формата и загибались, их тоже приходилось класть отдельной стопкой.

Рассортируешь всё, разложишь на полке, рядом ещё баночки с диафильмами — порядок! Через неделюмотришь — всё перемешалось. И ещё новые открытки поступили от родственников и друзей. «Желаем счастья, здоровья и успехов в труде». Опять сортируешь.

И вот вырастаешь, покупаешь фотоальбомы и опять тасуешь колоду семейных снимков. Мама — к маме, мама с папой в загсе — отдельно, а вот просто папы — нет. Была фотография (тоже из загса), где мама целуется с папой в присутствии свидетелей. Но мама ту фотографию порвала у меня на глазах, когда я спросила:

— Почему вы здесь целовались, а потом развелись?

Так... гробы и памятники — отдельно, одинаковые гробы — проредить и сжечь, куда их столько? Красивые дяди и тётки — отдельно.

Вот тут загвоздочка. Например, берём все фотографии дяди Юры из Донецка. Понятно, что это — раздел «Дядя Юра». Но

вот на этой фотографии он необыкновенно хорош! Ему бы в кино сниматься. Значит, этот снимок — к киноактёрам.

Ещё был дядя Слава. Про него Геннадий Белов в рабочий полдень пел по радио песню: «Хлеба налево, хлеба направо, хлеба на счастье, хлеба — на славу». Мне представлялся дядя Слава со своей гагаринской улыбкой, обнимающий благоухающие буханки, «нарезные» батоны, рогалики. Поэтому фотографии с дядей Славой отсортировывались к снимкам с едой.

Спустя много лет я показала всё это богатство мальчику, в которого была влюблена. Он сказал:

— Ты, кажется, некоторых актёров принимаешь за членов своей семьи.

— Они и есть члены семьи. Они со мной с детства! Куда я их выгоню?

У меня есть друг. Я его никогда не видела, мы познакомились в интернете на поэтическом сайте, потом продолжили общение в соцсети. Он никогда не публикует свою фотографию. Мне это не мешает. Я могу придумать ему лицо. С годами получается всё симпатичней. Он рассказал такую историю:

— У нас дома несколько лет стояло в рамочке фото каких-то подростков. Жена купила красивую рамочку, а там был этот снимок. Планировалось, что фото незнакомцев мы заменим на что-то из нашей жизни. Но так и не заменили. Стояли себе незнакомцы вплоть до ремонта. После ремонта многое оказалось в коробках. Так где-то и лежит. Надо найти, мы без них скучаем. Привыкли мы к ним, сроднились.

Жизнь — это всё то, что мы помним. И то, что плохо помним. И что придумали. Или услышали от других. И постоянно что-то новое добавляется, становится частью нас. Можно бесконечно перебирать и сортировать эти воспоминания и фантазии. Но они опять перемешаются, как открытки, фотографии и письма. Но так ведь даже ещё интересней, правда?

ДВА ДЯДИ И ВАСЯ

Однажды мы с мужем Олегом поехали в Орловскую область, в деревню его детства. Бабушки Ульяны уже не было в живых, за иконами хранились наши свадебные фотографии. Они пахли ладаном и немного закоптились: отопление было печное.

Муж бабушки Ульяны погиб в первые дни войны, дочка ещё маленькой сгорела в деревенском пожаре, сын (отец Оле-

га) тоже давно умер. Бабушка жила одна и умерла от сердечного приступа зимой, на улице, когда пошла покормить кур. Судя по перепаханному снегу, умерла она не сразу, ползала кругами во дворе в попытке удержать жизнь, а дом смотрел на хозяйку и не мог позвать на помощь. Соседи нашли в доме огромное количество домашней лапши, которую бабушка наделала за несколько часов до смерти и разложила сушиться. Этой лапши хватило и на поминки, и на гостинцы родне, приехавшей на похороны.

В осиротевшем бабушкином доме поселилась крёстная Олега с дочкой-подростком Машей. Крёстная работала проводницей в поездах дальнего следования, и мы её не застали, она была в рейсе. Маша, которая не помнила Олега и вовсе не знала меня, обрадовалась, когда мы попросились пожить несколько дней у неё. Ей было скучно и страшно. Последнее было преувеличением — чтобы мы не сбежали к другим многочисленным знакомым и родственникам.

Из-за маминой работы Маша часто оставалась одна. Войдя в пору, выражаясь языком поэтическим, цветения, она для защиты от потенциальных «мужиков» завела бойцовскую собаку. Это была помесь дворни и бойцовской породы с торчащим кривым зубом. Дни собака проводила в будке на толстой цепи, похожей на якорную. Ночью Маша отпускала её, собака по деревне не бегала, но двор с курами, утками и индюшками прочёсывала исправно. Нашу машину собака обнюхала и тоже взяла под охрану. А вот нас с Олегом не признала.

В первый же вечер мы пошли на пруд. Надели одинаковые камуфляжные куртки, взяли удочки. В детстве Олег ловил в этом пруду во-о-от таких карасей. Сейчас нам подалось что-то микроскопическое. Но мы решили просто сидеть на деревянном мосточке, любоваться закатом и слушать тишину.

За нашими спинами разлеглась пустая пыльная дорога. По этой дороге к нам притопал рыжий кот, сел рядом и тоже уставился на воду. Наша рыбалка обрела не только экзистенциальный, но и вполне практический смысл: кормить кота.

За нами, слышно было, шли какие-то селяне. Мы сидели к ним спинами в одинаковых камуфляжах. Детский голос сказал:

— Мам, смотри, там два дяди и Вася!

Так я узнала, что кота зовут Васей, а я — дядя. В Васю уже не лезли даже эти недокараси. Излишки мы решили отнести Машиным котам. Пора было сматывать удочки — скоро Маша выпустит свою адскую собаку.

Мы стали прощаться с икающим котом, как вдруг — пыль, шум, рычание: на мотоцикле с коляской подъехал Генка, дальний родственник Олега. Генка тоже увидел двух дядь и Васю и решил проверить, кто это мутит воду в их пруду. А это мы! Олег с женой! Радости-то! Нас пригласили на следующий день на «нормальных карасей и копчёную селёдку».

КОЛДУНЯ И КОЛДУНИХА

Нельзя сказать, что деревенская жизнь была для меня чем-то невиданным. Большую часть жизни я прожила в частном секторе. Туалет на улице; ключ от дома в «тайнике» под ведром; яблоки, жаренные вечером над костром; крыжовник, съеденный ещё зелёным, — это моё детство.

На соседней улице жила баба Лена с мирной фамилией Панова. Не знаю, почему мы считали её колдуньей. И боялись. Она всегда ходила с грохочущей тележкой, которую тянула за собой на верёвке, как санки. В этой тележке она возила траву, которую нарвала за дорогой для своих кур. За дорогой (то есть за Симферопольским шоссе) были бескрайние по детским масштабам поля и кондитерская фабрика.

Услышав грохот тележки, мы прятались и ждали, когда колдунья пройдёт к себе. Но однажды самая старшая из нас, Светка, посмотрела фильм «Тимур и его команда» и решила стать тимуровцем. Она стала ходить босиком и думать, какой бы подвиг совершить. И придумала: мы должны помогать бабе Лене, которая отныне не колдунья, а одинокая старая женщина.

Теперь, заслышав грохот тележки, мы не прятались, а наоборот — бежали навстречу. Мы — в сандалиях, самая радикальная тимуровка Светка — босиком. Баба Лена в первый наш набег напугалась до полусмерти. Наверное, решила, что мы отберем у неё куриную крапиву. Но постепенно смирилась с нашей помощью и даже полюбила нас. Мы всё лето помогали бабе Лене. А однажды она не вышла со своей тележкой. Её соседка, баба Рая, сказала, что баба Лена умерла. Тележку баба Рая забрала себе.

У бабы Раи была замечательная фамилия — Колдунова. Звали её, конечно, Колдунихой, но вот парадокс — колдуньей не считали. Её взрослый сын Витя пил. Он таскал с овощебазы подгнившие помидоры и другие забракованные овощи. С обретением тележки умершей соседки овощей в семье стало больше.

Баба Рая обрезала эти овощи и закатывала в банки. Выглядело всё красиво. Она эти закатки продавала на пятачке

у киоска «Союзпечать». Покупали те, кто не видел, из чего это сделано. На вырученные деньги Витя похмелялся. Колдуниха с нежностью рассказывала, какой он хороший был маленький.

— Я ему говорю: покажи язык! Он показывает. Я ему сказала, что врунов по языку видно, и он верил, никогда не врал.

Когда Витя совсем спился и умер, ходить на овощебазу стало некому. Колдуниха теперь выращивала на своём огороде огромные тыквы и продавала их целиком и кусками на том же пятачке.

Однажды я шла мимо её дома, она окликнула:

— Вика, иди, тыкву подарю!

Я отказалась. Она увидела у меня в руках мусорные пакеты — я шла к контейнерам их выбрасывать.

— Ты что, мусор выносишь? — спросила баба Рая.

— Конечно. А как же?

— А я в огороде закапываю. Всё гниёт, всё! Смотри, какие тыквы на нём растут! И ты закапывай, урожай будет.

— И банки, и стекло, и жестянки?

— Всё закапывай!

— Не, я лучше выброшу.

— Ленивая ты! И муж у тебя ленивый! Вот Витя у меня был...

И она заплакала.

Колдунихи давно нет. Её дом долго был заброшен, несколько раз горел, потому что там собирались продолжатели Витиных традиций. Осенью обугленные руины живописно обрамляли красные листья девичьего винограда. Несознательные граждане выбрасывали на участок пакеты с мусором, не донося до помойки. Тогда сознательные граждане писали в инстанции и требовали принять меры.

Приезжали коммунальщики родом из бывших союзных республик и, дружно ругаясь на русском языке, собирали пакеты и забрасывали их в грузовик. Колдуниха, наверное, смотрела на них из своего тонкого мира и не одобряла такое разбазаривание питательного мусора. Потом дом снесли, площадку выровняли и всех окрестных жителей призвали голосовать, что там сделать: детскую площадку или автостоянку? В итоге не сделали ничего.

ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

К нашему с Олегом приезду в деревню его детства там провели газ. Жёлтыми змеями трубы оплели каждый дом. Сарай, где раньше хранились дрова, теперь заполнялись хламом. Цивилизация!

Ещё до знакомства со мной и до газификации Олег купил в этой деревне дом с участком. Он тогда решил перебраться жить в деревню. Прожил здесь лето и осень, заготовил дров на зиму. И однажды заболел. Свалился с температурой, и не было сил встать и растопить печь. Так и лежал в температурном бреду, и пар шёл изо рта. И вдруг — спасение! Зашёл в дом Генка, да не один, а с женщиной. Генка огляделся, поёжился и сказал:

— Холодно у тебя! Не, нам это не подходит. Да, Люсь?

И ушёл, обнимая подругу.

Олегу показалось, что теперь уж он точно не выживет. Но он выжил. Ему ещё предстояло встретиться со мной.

После той зимы Олег вернулся в город и много лет не появлялся в деревне. Его дом стал нашей семейной легендой.

И вот мы ехали по большой и наполовину необитаемой деревне на машине, и Олег в очередной раз рассказывал о доме, деликатно обходя молчанием историю про Генку, бросившего его там замерзать. Потому что Генка сидел рядом и был помилован.

Вот сейчас... нет, вот сейчас мы увидим этот дом! Генка на заднем сиденье принялся отвлекать нас рассказом о том, как один опытный пасечник тоже купил в их деревне дом, перевёз свою семью и ульи. Купил новых пчёл, а рой улетел. Пасечник кинулся за ним, и одна пчела его укусила как-то особенно коварно, в губу. Моментальный отёк — и всё, даже пожить в новом доме не успел, семья осиротела.

— Здесь где-то должен быть! — уверенно сказал Олег и остановил машину.

Мы вышли. Трава была выше пояса. Дома не было вообще. Олег строго посмотрел на Генку. И тот сказал:

— Деревянный же был. Растащили его весь на дрова, тогда ещё, до Газпрома. Ты ж не появлялся, а за домом следить надо.

И сделалось у моего мужа такое лицо, что мелькнуло у меня подозрение: сейчас он Генке всё припомнит. Но нет, обошлось.

Приехали мы к Генкиной маме, тёте Кате. Сам-то Генка теперь в Орле обретался, где работал на стройке и пытался создать семью.

— Невенчаные живём, значит — в блуде, — грустил он.

Проходя через хозблок к дому, Олег остановился перед сараем.

— Дверь! — сказал он.

Дверь сарая была явно новее и крепче основного сооружения.

— Мать корову купить хочет, — заторопился Генка, — сено тут будем хранить. За сеном со мной пойдёшь к фермерам?

Тут вмешалась я:

— Вы у фермеров сено покупаете? А зачем? Вокруг столько травы! Почему не накосить?

Генка мне не ответил, с тревогой глядя на Олега.

— Это моя дверь, — сказал Олег, — с моего дома! Значит и ты его на дрова дербанил?!

Генка попятился:

— Да я только дверь и взял! И ты не спалил! Если бы не я, у тебя бы вообще ничего не осталось! Хочешь — забирай! Вот прям сейчас сниму! — ринулся он к двери.

Но тут вышла тётя Катя, и мы все стали здороваться и обниматься. Потом пошли в дом и сходу чуть не провалились в распахнутый подпол, откуда тётя Катя только что извлекла банки с соленьями, домашним вином и самогоном.

Дом Генкиной мамы был большой. Когда-то и семья была большая. Но хозяин умер, оба сына уехали в город. Тётя Катя содержала в чистоте кухню с ненужной теперь печкой и две маленьких комнаты — в одной спала сама, другая всегда была готова для редких наездов сыновей. На остальные комнаты сил не хватало, да и не нужны они были никому.

На огромной чугунной сковороде Генка принялся жарить карасей. Их там штук шесть поместилось. Он посыпал их крупной солью, которую брал невероятно грязными пальцами из закопчённой банки. Простота и антисанитария народной жизни не столько очаровала, сколько напугала меня.

Большая гостиная была запущена и захламлена. В серванте было столько пыли, что почти не видно зеркал. Такими же пыльными были бокалы и рюмки, из которых предстояло пить. Самая большая комната вместе со стеной немного даже отделилась от всего дома, зимой сюда наверняка наметало снега. Посреди комнаты стоял огромный стол, покрытый старой скатертью и пылью. Я подумала, что за этим столом мы и будем есть карасей, и теперь нам предстоит сделать генеральную уборку.

Но Генка сдёрнул скатерть — и стол оказался бильярдом! Генка спас от полного уничтожения не только дверь от Олега дома, но и бильярд из местного Дома культуры.

— Все ж ташили! А я хоть не спалил!

Олег и Генка немного поиграли в бильярд. Играть оба не умели, поэтому им быстро надоело. И мы переместились на кухню, к карасям. Тётя Катя накромсала ещё салата и сделала чудовищных размеров яичницу из яиц, наверное, всех кур деревни. Генка сказал, что в коптильне у него селёдка, но ждать её не будем, начнём. Начали!

Караси были зажарены до хруста. Тётя Катя и мужчины пили самогон, а мне наливали домашнего вина. Вино оказалось кстати, с ним не так страшна была грязь.

И я всё пила вино и ела карасей, хвалила и то, и другое, снова пила и ела. Сделали перерыв и сходили посмотреть огород. Меня поразили огромные зонтики травы.

— Борщевик? — со знанием дела спросила я.

Тётя Катя разъяснила:

— Вот здесь, здесь и здесь — борщевик, осторожнее, а там, там и там — сныть, можете ходить.

Но всё было такое жирное и буйное на этой плодородной земле, что я их не различала.

Потом мы зачем-то попарились в бане. Именно только попарились, потому что воды никто не натаскал и смывать выпаренное оказалось нечем. Волосы повисли сосульками. Мы снова пошли есть и пить. Это было совершенно не в моем духе, но я поняла, что без этой постоянной веселящей подкочки я в деревне просто не выживу. Даже три дня.

И вот мы ели и пили, пили, пили, а потом Олег сказал:

— А расписку-то я у неё не взял.

Генка и тётя Катя уставились на него. Я продолжала есть карасей, потому что ничего не поняла.

— Не взял?! — ужаснулась тётя Катя.

— Да ты чё! — заорал Генка. — Такой дом! Земли столько! У тебя вон жена какая! Приезжайте, живите! Детей нарожаете!

Олег мрачно кивал. Я ничего не понимала, кроме того, что мы сейчас за этой распиской поедem в соседнюю деревню.

Едем. Олег за рулём. Выписываем размашистую синусоиду на бесконечных заброшенных полях. Мне объясняют, что хозяйка купленного Олегом дома жила в соседней деревне. Деньги Олег ей отдал всё до копеечки. В сельсовете всё было оформлено чики-поки. Но наиглавнейший-то документ — расписка о получении хозяйкой денег за дом — осталась у неё. Уж как это произошло, история умалчивает. И вот теперь настало время восстановить историческую справедливость — отобрать расписку.

— Но дома-то всё равно уже нет, зачем нам расписка? — спросила я.

— А участок?! — подивился моей глупости Генка. — Дом построить — не проблема! Дверь уже есть! Остальное — по-моему!

И я вдруг тоже подумала, что расписку надо отобрать.

Мы подъехали к нужному дому в соседней деревне. На крыльцо вышла баба.

— Это она! — опознал Олег.

— Фигасе... — присмирел Генка, — я её сыновей знаю. Ваше отморозки.

— И что? — спросил Олег.

— Их трое, — уточнил Генка.

— И что?

— Ничего.

Олег велел мне не покидать машину ни при каких обстоятельствах. Генка же показал мне дом местного участкового и сказал:

— Если будем драться, беги к нему.

Трое сыновей бабы оказались огромными, как борщевики с тёти Катиного огорода. Олег и Генка стали орать на них, а те отбрёхивались через забор. Их мать ушла в дом. Тогда Олег и Генка стали штурмовать забор, и борщевики ринулись навстречу. Я решила, что пора бежать за участковым. Но тут снова вышла мать-хозяйка и завизжала так, что все участники дискуссии обратились в соляные столпы. Она протянула Олегу бумажку и послала его в далёкое и увлекательное путешествие. На том всё и кончилось.

Олег и Генка сели в машину. Мне отдали расписку о покупке давно не существующего дома. Мы вернулись к тёте Кате, чтобы отпраздновать обретение документа. Выяснилось, что карасей не осталось. Всех шестерых съела я. Оказывается, я с таким аппетитом их ела, что никто не рискнул отобрать у меня хоть плавничок... Мне стало стыдно. Я попросила ещё налить.

Генка сказал:

— Кстати! У Антона внук родился, сейчас там ножки обмывают.

— Вот это поворот! Там ножки обмывают, а мы почему-то здесь! — возмутились мы все. Даже я возмутилась — вот какое забористое вино у тёти Кати. И мы отправились к Антону. На этот раз хоть пешком.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Как вернулась с дискотеки Маша, мы не слышали. Утром проснулись в жесточайшем похмелье. Болело всё. Мутило и крутило. Хотелось поскорее в туалет, а туалет — на улице.

И тут мы вспомнили про собаку. Выпускала её Маша или нет? Стали мы рассматривать будку в окно. Якорная цепь тянулась в будку, но уверенности в том, что собака в будке, не было. Выйти было страшно. Решили разбудить Машу и спросить про собаку.

Будить пошёл Олег, но быстро выскочил из комнаты:

— Иди ты, она там в одних трусах и раскрыта.

Пошла я. Машин диванчик оказался очень низким. При попытке наклониться я почувствовала неудержимое желание вывалить выпитое накануне на Машу. Поэтому наклоняться не стала, а воззвала к потолку:

— Маша!

Маша спала крепко. Чтобы не наклоняться, я кричала во всю глотку:

— Маша, проснись!

Из коридора вторил мне Олег. Пришёл Машин кот и тоже заорал.

Маша проснулась, когда уже не было никаких сил терпеть. Она не смогла вспомнить, выпускала собаку или нет. Пошла проверить. Оказалось — да, выпускала, так что не зря мы боялись. Маша искала и загоняла собаку, а мы с Олегом прыгали у дверей, стараясь отвлечь этими прыжками и подрыгиваниями свои организмы. В коридоре у дверей издевательски булькало водяным затвором домашнее вино. Домашнее вино... Вино... Маша, быстрее!

Маша загнала и привязала собаку. Мы с Олегом вырвались на улицу. Олег как джентльмен уступил мне первую очередь в туалет. Я побежала через огород к деревянному строению. За мной неслись куры, утки и индюки — Маша их выпустила, а сама пошла отсыпаться, не накормив.

Как же хорошо в туалете! Счастье-то какое! В щёлочку заглядывает индюк и сердито подгоняет меня: «Балды-балда! Балды-балда!»

Бегу обратно — птичье стадо за мной. Олег бежит в заведение — птичье стадо за ним.

Потом я ещё отлёживалась, совершенно не в силах пошевелиться. А Олег вспомнил, что ему обещали накопать картошки, и отправился к Антону. Пешком ли, на машине — мне было всё равно. Меня опять мутило. Я опять бежала в заведение. Балды-балда!

Вернулся от Антона Олег. Без картошки. Копать было некому — все спали непробудным сном, включая новорождённого внука. На крыльце сидели два кота — вчерашний космонавт и Вася. Они позавтракали тем, что осталось на столе.

Днём пришёл Генка. Он принёс нам копчёной селёдки. Рассказал, что ездил к фермерам за сеном. Я опять поразились странной идее покупать сено, когда вокруг столько травы: коси — не хочу. Олег и Генка подивились моей наивности и объяснили, что никто ничего у фермеров не покупает, а воруют.

Стало грустно. Что же это происходит с деревней? Местные до того обленились, что не хотят обкосить траву вокруг дома. А фермеры эти, приехавшие из города, вкальвают, а местные их обворовывают. В деревне никто корову не держит, свиней нет. Птицу держат ещё. Сколько мы видели на огородах высохшей на кустах смородины! Никто не собирал. Сколько переросших огурцов и кабачков! Посеяли же весной эти огурцы, земля вырастила — а собирать не стали.

Нам пора было уезжать. Копчёная селёдка благоухала на всю машину. Мы попали в дачные пробки, и ароматы эти сводили с ума. Но в пробке, надеялись мы, нас не остановят гаишники и не спросят, почему у нас так запотевают стёкла. Я сказала, что дома надо будет купить хлеба к селёдке. Олег вспомнил, что в Серпухове, при монастыре, пекут вкуснейший хлеб. Заедем? Я засомневалась: и так рискуем, едем с похмелья, дай нам сейчас трубку подышать — взорвётся. Но Олег убеждал меня:

— Да это прям на окраине города!

И мы свернули за хлебом. Едем и едем через славный город Серпухов, едем и едем.

— Ты же говорил, что монастырь на окраине города.

— Ну да, — сказал Олег, — на противоположной.

Никто нас не остановил, благополучно доехали до хлебной лавки при монастыре, и к ароматам копчёной селёдки примешались ароматы свежиспечённого хлеба.

Из дома позвонили тётке Кате. Она рассказала, что купила корову в одной из соседних деревень, за несколько километров от дома, и привела её. Корову непременно должна привести домой сама хозяйка. «Никаких машин и помощников, — сказала тётка Катя. — Тогда и толк от неё будет». Первая корова в деревне за долгие годы! В сарае с дверью от Олега дома ждало корову заготовленное на зиму фермерское сено.

НЕ ЗНАТЬ

Величайшее благо — не знать, что тебя ждёт впереди.

Мы шли к Антону, у которого родился внук, и не знали, будут ли у нас дети. Очень хотели, но не получалось. Как страшно было бы узнать в тот безмятежный августовский вечер, что наш единственный сын родится на девятый день после смерти Олега в онкоцентре.

Я всегда очень боялась физической боли, каждая царапина казалась мне огромной раной. Как страшно было бы узнать, что через несколько лет боль поселится во мне вместе с опухолью и останется навсегда.

Когда сын только учился стоять с опорой и есть самостоятельно, я ставила тарелочку с детским печеньем на подходящую по высоте табуретку. Он долго не хотел ходить, зато ползал по дому с огромной скоростью (чем радовал педиатров: «Позже пойдёт — позвоночник будет крепче»).

— Глебушка, иди печеньице есть!

Кот Батон считал, что он тоже теперь заодно с «Глебушкой» — и они наперегонки неслись на четвереньках к табуретке. Кот разочарованно отходил, понюхав печенье, а Глеб вставал. Держась одной рукой за табуретку, другой брал печенье и ел. Он был предельно сосредоточен, его умненькое лицо было таким серьёзным, что мне хотелось плакать. Эта наша зависимость от еды! От умения брать её крошечными пальчиками и класть в ротик! Маленькое, бесконечно любимое тельце учится стоять и есть. Всего лишь стоять и есть. Учится жить в нашем материальном мире. А есть ли другой?.. Я не знаю. Вообще-то никто не знает. Есть счастливые люди, которым не надо знать — они верят. Мне надо знать. И я не знаю.

У моей мамы были больные ноги. Под конец жизни она уже не выходила из дома. Когда я училась в техникуме, она ходила, но уже очень трудно. Я ездила в Москву на электричке, возвращалась поздно. В районе появилась стая собак, кого-то, по слухам, покусали, и мама узнала об этом. Она выходила меня встречать, опираясь на палку. Проходила, сколько могла. Она верила, что если собаки и нападут на меня, то вот именно в этой точке, дальше-то она просто не дойдёт. И она легко отобьёт меня этой палкой. А может, она в это не верила, а просто делала, что могла.

Когда Олег в больнице уже полностью отказался от еды, я всё-таки готовила и готовила его любимое, привозила, ставила в холодильник. Потом выбрасывала. Однажды принесла ему мороженое. И он вдруг согласился поесть! Я так обрадовалась. Измученное тело попросило еды — может быть, всё ещё образуется? Он не мог держать ложку, я кормила его. Он ел серьёзно и сосредоточенно. Я знала, что он уже не различает вкус еды, но тут была готова поверить в чудо.

— Вкусно?

Он ответил совершенно серьёзно:

— Почему-то это приносит радость.

И я разревелась при нём, хотя старалась не делать этого.

Последний раз живым я видела Олега в реанимации. Я знала, что счёт идёт на часы. Несколько часов просидела в коридоре, ожидая, когда меня пустят к нему. Ребёнок в животе притих, ему тут не нравилось, но я сказала, что нам надо

попрощаться с его папой. Когда я вошла, Олег мне заулыбался, но кого он во мне узнал?.. Весь в трубках, ноги и руки привязаны бинтами к кровати, потому что тело уже неподконтрольно угасающему разуму. Муж постоянно произносил какое-то трёхсложное слово. Говорил часто и отчётливо, но я никак не могла уловить не то что смысл — звуки. Они были не отсюда. Я не могла их осознать и воспроизвести, и это было страшно. Я спросила врача, что он говорит. Она ответила:

— Я тоже не могу понять.

Я тогда подумала, что однажды вспомню, пойму и смогу произнести это слово. И пойду туда, где говорят на этом языке.

Мне очень хотелось поговорить с моим прежним Олегом — самым лучшим в мире мужчиной, настоящим мужиком, сильным и нежным. Я наклонилась и стала говорить ему «наши» слова. Самые простые, но имеющие особое значение в нашей семье. В любой счастливой семье есть такие «свои» слова. И он услышал! Господи, это было так страшно: он вынырнул из своего спасительного небытия — и в его глазах я увидела ужас. Или мне так показалось. Но я испугалась и замолчала. Он сразу вернулся в то полубытие, в котором не страшно и не больно.

ЖЕНСКОЕ

Однажды я очнулась после операции в реанимации.

Рот почему-то не закрывался. Я вспомнила, что меня предупреждали: это трубка для интубации, надо с ней полежать, пока врачи не убедятся, что лёгкие запустились.

Подошёл врач-реаниматолог. Симпатичный (что важно!). Спросил:

— Как зовут?

И я подумала: «Наверное, даже с трубкой я потрясающе выгляжу, раз он познакомиться хочет». Вот честное слово, ничего другого в голову не пришло.

А с трубкой говорить трудно, губы не смыкаются, язык вообще непонятно где приютился.

— Выка, — ответила, как смогла.

— Ну, отдохай, Вика, — сказал врач и пошёл к соседней кровати. — А вы вспомнили своё имя?

До меня стало доходить, что он не знакомиться подходил, а просто проверял, заработали у меня мозги после наркоза или не заработали. Видимо, ещё не очень. Или это такое неистребимое женское.

СЫН

Сыну четыре года. У него температура.

— Мамочка, знаешь, почему я не накрываюсь одеялом?

— Потому что тебе и так жарко?

— Нет, потому что оно от меня может заразиться.

Если бы, взрослея, мы сохраняли хотя бы сотую долю способности к такой безоглядной эмпатии, мир был бы совершенен.

— Мам, смотри, какие страшные инопланетянины!

Произносится именно так, как фамилия: Инопланетянины.

— Правда, страшные.

— Ты не бойся, я же с тобой.

И я не боюсь.

О беременности и рецидиве опухоли я узнала одновременно. Онкологи предупредили, что гормональный фон быстро вырастит опухоль. Мы с мужем решили, что если выбирать между мной и ребёнком, то пусть будет ребёнок. Я ведь уже прожила сорок лет на этой Земле, и это было здорово! Иногда больно, иногда страшно, иногда хотелось зажмуриться и не быть. Но чем дольше живёшь, тем больше ценишь жизнь. Самоубийства совершают молодые. Они ещё не доросли до понимания, что смерть — это навсегда. Что на следующий день после жизни ничего не будет. Старики цепляются за жизнь, потому что умение ценить её уникальность — это, пожалуй, главная мудрость, которая приходит с годами.

Я не могла сказать этой маленькой вселенной, растущей во мне: «Знаешь, я прожила сорок лет и хочу ещё. Потому что тут здорово. А ты не жил, так и нечего начинать». Мы сделали выбор — и наступило спокойствие. Будто ранеными ногами вошёл в прохладную реку. Я знала, что Олег сможет вырастить ребёнка без меня. Он сильный и умный, он справится. Нам не дано было знать, что у Олега тоже рак. Симптомов не было, обнаружили на четвертой стадии. Шёл шестой месяц моей беременности. Мы стали бороться за его жизнь. Потом — за то, чтобы отец успел увидеть сына до смерти. Но смерть опередила рождение. Сын родился через девять дней после смерти отца.

Кесарили меня с эпидуралкой — мне хотелось быть в сознании и сразу увидеть малыша. У врачей моего роддома была интересная традиция: во время операции включить музыкальную радиостанцию и обратить внимание, под какую

песню появится ребёнок. Я волновалась и забыла об этом, включённое радио не замечала, только смотрела на ширмочку, стоящую на моём животе. Сын заплакал за ширмочкой, и акушерка сказала:

— Вика, ты слышишь?

Глеб появился на свет под песню из фильма «Привидение» с Патриком Суэйзи. Там главный герой погибает, но его душа не уходит с Земли, потому что он должен защитить любимую женщину.

Сыну четыре года: в самом разгаре период «Я сам». Одеваться — раздеваться: «Я сам!» Зима, одёжки много. Пока добрался до майки — устал. Стал стягивать майку, запутался. Предлагаю помочь.

— Нет, я сам!

В борьбе с майкой окончательно выдохся. Разревелся от обиды и усталости.

— Я никогда, никогда не смогу сам снимать майку!

Это ещё и период масштабных обобщений.

По дороге из детского сада сын рассказывает, что Катюша помогла ему вывернуть колготки.

— И что, хорошая Катюша?

Улыбается. Во мне просыпается внутренняя свекровь, я уже хочу познакомиться с Катюшей.

— Mam, ты сегодня была у врача?

— Да.

Я теперь периодически лечу рецидивы.

— Тебя вылечили?

— Пока нет, я была на консультации. Мне нужна операция. Буду долго лежать в больнице. С тобой будут Гена, Вера, тётя Надя, баба Рита. Нам всем будет трудно. Я очень рассчитываю на твою помощь.

Сын кивает, проглотив слёзы, и уточняет:

— А кому помогать? Врачам?

Чудесный возраст. Майка — непреодолимое препятствие. Колготки выворачивает Катюша. Зато врачам помочь — легко!

И ведь помог — вот что удивительно! С тех пор прошло ещё четыре года. Я всё ещё тут. Разбираю перепутанные открытки своих воспоминаний.

Глебу купили грушу.

— Какая многосочная груша! — похвалил он.

Мне слышится в этом что-то гомеровское. Это могло быть строкой из «Илиады»: «В сад, о богиня, войди, где растёт мно-

госочная груша». Или из «Одиссеи»: «Прибыл в страну Одиссей, где растут многосочные груши».

— Мам, знаешь, почему я иногда ночью плачу?

— Почему?

— Мне снится что-нибудь страшное или непонятное. Но когда я сплю, все мысли в голове перемешиваются и становятся прошлым.

По-моему, вполне научное объяснение природы и назначения сновидений. Переработать и отправить в прошлое всё страшное и непонятное. И жить дальше.

Глеб рисует.

— Это боганетка.

Вагонетка, если что, а не неверующая женщина.

— Мама, ты так вкусно готовишь! Особенно сельдерей.

Глеб намусорил. Сам взял щётку и совок, стал деловито подметать. Я чуть не со слезами умиления смотрю на него.

— Мам, а правда, я молодец, что подметаю за тебя?

ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, КИРКОРОВ

Чтобы не изводить себя в больнице постоянной тревогой за сына, я придумала развлечение: записывать истории, которыми щедро делятся соседки по палате.

Одной из них 66 лет, она приехала из Орла. Там у неё двое сыновей и внуки. Старший сын — плохой, потому что пьёт. Но он в разводе, живёт один, поэтому ему она дала восемь тысяч, чтобы кормил семерых её кошек, двух собак и поливал цветы. Предполагалось, что из больницы тоже он её заберёт.

Младший сын — хороший. Потому что не пьёт. Но он — примерный семьянин, занят детьми. Поэтому его она не просит забрать её.

Она звонит хорошему сыну и жалуется на плохого. Плохой выставил кошек на улицу: сами мышей наловят. Собак кормит, но грозитя отравить. Сказал, что забирать её не собирается: сама доедет. Ей предстоит операция на позвоночнике, сидеть нельзя ещё долго после операции. Только стоять и лежать. Как она доедет без помощи? Хороший сын сочувствует, а помощь не предлагает. Но он не пьёт и восемь тысяч не брал — значит, хороший.

Стала она думать, как доехать до дома. И придумала: на такси. Но такой суммы, чтоб доехать из Москвы до Орла, у

неё нет. И тогда она позвонила сыну одного человека, однажды спасённого ею.

Человек тот упал на стройке и переломал ноги. Чтобы не оформлять несчастный случай и не платить, начальник усадил его в машину под предлогом «едем в больницу». На окраине города просто вытряхнул сломанного работника из машины и уехал. Там, в луже, его и нашла моя героиня. Она шла с автобуса домой. Позвонила соседям, они помогли дотащить чужого человека до её дома.

Он прожил у неё три месяца. Она буквально поставила его на ноги. Наконец, за ним приехал очень занятой сын. Без денег. Женщина дала им в дорогу еды и денег. Сын благодарил, обещал долг вернуть и вообще дружить семьями. Денег она не видела, семьями не дружили. Наверное, он просто забыл, очень уж занятой человек. Но она набирает и набирает его номер, уверенная, что он перезвонит.

Она ждёт операцию и планирует, как, оклемавшись, заберёт к себе 30-летнего шизофреника. Где она его подцепила, я не уловила, потому что не успевала записывать.

История его такая. У парня умерла мама, отцу под восемьдесят, он огородник и кулинар. Каждый год шизофреник гостит у неё по два месяца. Кулинар привозит его с запасами еды. Парень знает наизусть все стихи на свете и очень много ест. Он съедает все привезённые папой запасы и заедает угощениями хозяйки. Если к отъезду в холодильнике остаётся папин кусок сыра, парень говорит об этом — и папа забирает.

История гласит, что мальчик всегда был странным. В основном это выражалось в феноменальной памяти. Мама опекала его. Водила в институт и ждала его с лекций на лавочке. Он просил её не позорить его: девчонки-однокурсницы смеются. Однажды мама сдалась: отпустила его на вечеринку. Оттуда его принесли мычащего и с пеной изо рта. Девчонки изнасиловали его. В институт не вернулся, а мама до конца дней корила себя за то, что отпустила его одного.

Моя соседка верит, что сможет ему помочь. Но для этого ей надо прочитать книгу про сумерки сознания. Не знаю ли я, где ее купить? Я нахожу книгу в интернет-магазине.

Моя соседка любит читать. С ее помощью я уже обновила в памяти многое из Джека Лондона и Мопассана. Из странствий по коридорам больницы она принесла оставленного кем-то Гайдара и вслух читает «Голубую чашку».

Ещё она успевает смотреть телевизор в коридоре. Теперь я знаю, что одна женщина забеременела от Киркорова. Но её убили. Киркоров пришёл на её могилу с цветами, но факт

беременности отрицает. То ли Малахов, то ли другой телевизионный деятель искусств установил в своём шоу истину: Киркоров ни при чём, убиенная забеременела в колонии от своей подруги.

До этой истории я думала, что моя соседка немного сумасшедшая. Теперь я думаю, что сумасшедшая не она.

РЫНДА

В Протонном центре висит корабельный колокол. Когда кто-то из детишек заканчивает лечение, возле колокола собираются врачи и родители. И ребёнок звонит. И все хлопают и поздравляют его с началом новой жизни. Некоторые дети такие слабенькие после лечения, что родители держат их на руках. Или даже звонят за них.

И это всегда до слёз трогательно и страшно.

Взрослые тоже могут позвонить. Но я ни разу не видела этого. И сама не пошла. Я знала, что никакой новой жизни не будет. Этот «чужой», который поселился во мне, сейчас ранен протонами и зализывает раны. Но он очень живучий. Его можно убить только вместе со мной. Но я хочу жить, и он этим пользуется.

Жаль, что я не могу, как ребёнок, поверить, что всё можно изменить. «Будьте как дети». Не получается, Господи.

И я вспоминаю другую рынду. У нас в частном доме плита была подсоединена к газовой трубе гибким шлангом. Он был великоват и висел петлёй. Наш кот Батон приглядел этот шланг и шарахал по нему лапой, когда случался кризис в его кошачьей жизни. Шланг после удара долго трясся, ударяясь о вагонку. Металлическая дрожь проходила по старому дому. Кот сидел и укоризненно смотрел на нас. Мы с мужем называли этот шланг рындой. Когда Батоша шёл к нему, мы знали: коту хреново.

Заболел Олег. Он был очень терпеливым. Не жаловался. Молча переносил побочки лечения. Но однажды подошёл к нашей «рынде» и ка-а-ак шарахнет...

Это было страшнее слов и слёз.

Он садился на диван и долго искал то положение, при котором можно отдохнуть от боли. Долго переставлял подушки, упираясь в них спиной. Наконец, успокаивался, найдя то неуловимое, что даёт покой измученному телу. Я садилась рядом. Мне невыносимо хотелось, чтобы он погладил мой большой живот, наклонился, послушал, как плещется в своём Солярисе наш сын, поговорил с ним. Я хотела, чтобы у нас было так, как должно быть в счастливой семье, ждущей

ребёнка. Но я смотрела на мужа, который, наконец, нашёл положение «не больно» — и не просила ни о чём. Иногда счастье выглядит очень странно. Например, это отсутствие боли или возможность двигаться самому. Когда жизнь идёт к концу, счастье порой скукоживается до каких-то элементарных частиц.

«МАТРИЦА»

Нашим первым фильмом, просмотренным вместе с Олегом в кинотеатре, был «Матрица» братьев Вачовски. Мы смотрели его в «...ушкинском» (буква «П» то ли отвалилась, то ли не светила тогда). Это был ещё дружеский поход в кино, никакого романа у нас ещё не было. И я даже не подозревала, что он назревает. А вот Олег уже волновался и несколько раз выходил покурить, замучив и меня, и соседей-зрителей.

Спустя полгода, подав заявку в загс, мы поехали знакомиться с его мамой и братом в Новомосковск Тульской области. Брату мы привезли в подарок китайскую кружку «Налей погорячее». На ней была изображена женщина в платье. Наливаешь кипяток — платье исчезает, при остывании женщина «одевалась». И вот братья — Олег и Серёжка — то раздевали, то одевали даму, а я мыла посуду после семейного ужина. И в какой-то момент Олег выплеснул кипяток из кружки мне на руки. Не глядя, в азарте. Вся семья перепугалась, меня попытались добить подсолнечным маслом, вылитым на ожог, но я не далась.

Сергей, переволновавшись, убежал на улицу курить. «Это у братьев семейное», — поняла я. А Олег решил меня чем-то порадовать и показал мне наручники.

Дело вот в чём. Единственное градообразующее предприятие Новомосковска (химкомбинат) тогда почти не дышал, так что люди устраивались кто куда. Сергей работал охранником в школе. И у него были штатные наручники на случай нападения на учеников каких-нибудь узурпаторов. Олег, знающий все тайники брата, нашёл их и принёс мне. Естественно, я захотела их примерить. Серёжка вошёл в тот момент, когда Олег защёлкнул их на моих запястьях.

Серёжка заорал от ужаса. Оказалось, что ключи от наручников им не выдают. Они находятся у начальника ВОХРа, в его кабинете. А за окном поздний вечер холодного февральского воскресенья.

Серёжка сказал, что придётся звонить начальнику. Ключ он добудет, а его самого уволят. Но начальник же не повезёт

нам этот ключ. Мы должны ехать сами. Машины у нас ещё не было, автобусы уже не ходили. Итак, нужно вызывать такси. Мы попытались одеть меня так, чтобы наручники не были видны. Застегнули наглухо куртку, рукава её повисли, выглядела я по-идиотски, а Серёжка и мама причитали о том, что другой работы в городе нет.

И тогда Олег взял проволоку и стал ковырять замок. Он хватал меня за обожжённые полчаса назад руки, наручники до красноты натирали запястья, но в итоге они открылись, Серёжке больше не грозило увольнение. Мне приключение даже понравилось, но братья решили, что их весёлая семья напугала меня и надо исправлять положение.

Серёжка сказал: «У нас открылся крутой кинотеатр. Поехали завтра в кино!» И мы поехали. Смотрели мы тот единственный фильм, который тогда шёл в единственном кинотеатре Новомосковска, — «Матрицу» братьев Вачовски. Да, спустя полгода он, наконец, добрался до Тулы. Вскоре, 4 марта, мы с Олегом поженились.

Несколько лет назад братья Вачовски стали сёстрами. Как-то я пропустила этот момент. А теперь хочу поздравить этих удивительных женщин с праздником 8 Марта. Как ни крути, их фильм сыграл огромную роль в создании моей с Олегом семьи. 15 лет счастья! Да оно и сейчас продолжается — у меня есть Глеб, очень похожий на папу. Сегодня он подарил мне цветы. Он их сам нарисовал.

ДВА ЗАБОРА

Сорок пять лет я прожила в частном секторе города Подольска, в доме, построенном моим дедом. Потом переехала в квартиру, совсем недалеко, буквально через две улицы. С моего нынешнего девятого этажа видна улица с моим бывшим домом. По левую руку находится мясокомбинат. Не то чтобы вплотную, но недалеко.

Про мясокомбинат знаю одну историю, рассказанную бывшей секретаршей директора. Работники предприятия были традиционно недовольны зарплатой и решали свою проблему тоже традиционно — воровали продукцию. Вынесут с чёрного хода, но через проходную не пойдут — не дураки. Есть же проверенный способ: надо кинуть сумку с колбасой или вырезкой через забор, пройти через проходную честным человеком, а потом за забором сумку поднять. Но вот беда: за забором, в старом здании бывшего детсада, располагается «четвёрка» — 4-е отделение полиции. К директору мясокомбината пришли сотрудники полиции с жалобой: «Твои

колбасу тырят. Пусть хоть кидают в другую сторону, что ж к нам-то, совсем обнаглели».

По правую руку — кондитерская фабрика. Это совсем рядом, через дорогу, а дорога — Симферопольское шоссе. Когда ветер дует со стороны фабрики, чувствуется запах шоколада и карамели. В моём детстве там тоже воровали и кидали сумки через забор. А ещё раскидывали пачками конфетные фантики. Уж не знаю, кто и зачем выносил фантики и разбрасывал по улицам на радость детям. Фантики предназначались для каких-то невиданных конфет, которых мы никогда не покупали в магазине. Со временем я узнала, что фабрика у нас экспериментальная. Есть, так сказать, базовая продукция, а есть вот такие эксперименты, которые мы никогда не пробовали, они уходили в Москву.

Есть на фабрике конфета с историей — «Подольчанка». На одном из дипломатических приёмов в Америке председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина и его жену угостили конфетами «Холодная помада». Супруге очень понравилась конфета. Косыгин привёз образцы конфет и передал в Институт кондитерской промышленности, чтобы там расшифровали рецептуру и начали выпуск в СССР. В 1972 году на базе Подольской кондитерской фабрики выпустили первую партию конфет «Подольчанка», близкую к прототипу. Конфета выпускается до сих пор.

Историю этой конфеты я использовала в сценарии двухсерийки «Не говорите мне о нём». Главная героиня работает на кондитерской фабрике, а конфета называется «Романс». А родилась эта история так.

2015 год. Я приехала из роддома в опустевший после смерти мужа дом. С одной стороны — мясокомбинат, с другой — фабрика, а у меня нет денег. Я — индивидуальный предприниматель (как все сценаристы), поэтому детские деньги мне не положены. Надо работать. Бабушек-дедушек тоже нет, нанимаю няню для Глеба. И строчу заявку. Всё мимо. Ничего не берут. Ответы такие: «Здорово, супер! Это кино, это фестивальное кино! Но это не наш формат».

Последние деньги плачу няне. От отчаяния пишу заявку в формате «история Золушки». Пишу нарочито форматно. Думаю, мне сейчас ответят: «Ты что, издеваешься?» А я скажу: «Нет, я написала так, как вы хотите!» Поругаемся с редактором канала «Россия 1», я навсегда останусь без работы. Но я хотя бы выпущу пар, потому что я так больше не могу. НЕ МОГУ!!! Вот просто крайняя степень отчаяния.

Отправляю заявку. Ответ: «Супер! Берём, передаём в производство в компанию “Русское”!» Мне бы радоваться, а я в

шоке. Ощущение, что я своровала колбасу и бросила через забор в отделение полиции. Потому что я не знаю, как писать ЭТО. Мне пишет редактор компании: мол, здравствуйте, с вами буду работать я, Татьяна. А я в ответ извиняюсь за свою заявку, оправдываюсь. Объясняю, что это был практически вызов на дуэль от безысходности. Татьяна отвечает: «Заявка-то принята, надо работать».

Татьяна мне очень помогла вытянуть этот сценарий. Вскоре она мне написала: «Нам повезло с режиссёром!» Ох, нам и правда повезло. Очень люблю этот фильм — «Не говорите мне о нём». Зрители тоже его любят, судя по количеству просмотров и отзывов.

ИЗМЕНЫ

Есть такой парадокс: армия в жизни мужчины занимает год-два, а рассказов о службе в армии набирается запас на всю жизнь. Вот так и с моими «открытками»-воспоминаниями. Заболела я в 38 лет. Но именно «открыток», связанных с больницами, больше всего.

В палате онкологического отделения лежали четыре женщины. У двоих доброкачественные опухоли, у двух других — зло. Этих бедолаг звали Тamarочка и Галя.

К маленькой Тamarочке приходили три богатыря: сыновья и муж. Все красивые, огромные, похожие друг на друга. Муж её на руках сюда принёс. Ухаживал, медсестёр подкармливал, чтоб лучше относились. Вот только он уже десять лет чужим мужем был. Десять лет назад изменил он Тamarочке. Родился сын на стороне. Тamarочка узнала и сказала: «Наши дети большие, иди маленького поднимай». Так и отдала мужа другой женщине.

Тamarочку выписали. Он её и из больницы, слабую, на руках вынес.

К Гале тоже приходил муж. Цветы нёс, конфеты. А она выведет его из палаты на лестницу — и костерит. Потом плачет-жалуется: дома на её постели другая женщина спит. Она давно её мужа караулит. Как Галя отлучится — та сразу на её место. В отпуск ли к детям, в больницу ли удалять те органы, которые жизнь детям дали.

Тamarочка и Галя обе умерли в тот год.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Анестезиолог обещал, что я увижу сон. Ох, не люблю я наркоз со снами.

— Да что вы, у нас такой хороший гипнотик. Можно сны программировать. Что вы хотите увидеть?

— На море хочу махнуть.

— Я тоже хочу на море! — сказал анестезиолог. — Поехали! Ничего не видела. Уснула и проснулась. Только почему в реанимации? Здесь обычно сразу в палату возвращают.

Все-таки что-то с ногой, да?.. Нет, нога радостно шевелит пальцами и дрыгает коленкой. Тоже на море хочет.

— У вас пневмоторакс. Воздух в правом лёгком, оно не раскрывается.

Точно, глубоко вдохнуть не могу, кашель булькающий. Вжик — в ключицу справа сунули тонкую трубку, предварительно обколол меня лидокаином. Другой конец трубки уходит в систему банок с жидкостями. Похоже на водяной затвор для изготовления домашнего вина. Ну, желаю, чтобы всё!

Задыхала. Дренаж перекрыли. Через некоторое время опять трудно. Открыли. Трудно, кашель. Дренаж перестал работать. Стали его поправлять, подтягивать — совсем выскочил. Перевезли меня из общего зала реанимации в индивидуальный бокс и достали трубку потолще.

— Эх, — говорят, — заботились об эстетике.

— Ничего, я уже замужем.

— Ну, тогда...

Хук справа! Больно и с лидокаином.

— Отдало под лопатку.

— Так и есть, трубка до лопатки.

— Да?!! А что, у нас там такая дырка? А, ребра... Не, знала, просто забыла на минуточку.

И вот мне этот дренаж то открюют, то закрюют. Контроль — компьютерная томография, УЗИ, рентген. Узи и рентген мобильные, с доставкой. Под меня кладут кассету. Врач-рентгенолог кричит: «Рентген!» И все прячутся. Как в детской игре. Если врач в это время у пациента, он приседает, и рентген его не видит. Бокс — до половины стена, выше стекло. Пациенты ниже уровня стекла, они тоже хорошо спрятались. Туки-туки, Вика. И так каждый день.

Это здоровый человек ни за что не переделает даже флюорографию.

— Вы что, врачи-убийцы, облучить меня хотите?!!

Когда не насморк лечишь, шаблоны не работают. После 50 Гр на крестец я вдруг родила чудесного мальчишку. А тут лёгким досталось. Хм... Может, запою? Стану оперной дивой. Репетиции, гастроли, «Тоска», «Кармен», Большой, Ла Скала... опять сценарий задержу...

Из-за дренажа голова постоянно чуть свёрнута набок. Соседей не вижу, даже сидя. В боксе справа лежит Алексей Иванович. У него вижу руки, он их то и дело задирает, чтобы размахивать. Оркестром, что ли, дирижирует? Мне завидно: сама из оперных, но руки поднять не могу, слишком много проводов. Кроме дренажа, ещё электроды, напалочник, манжетка для измерения давления, которая включается периодически. Иваныч без проводов или приспособился? К нему бежит врач:

— Я вам руки привяжу, честное слово! Зачем опять всё сняли?

Так, ясно, он всё снимает перед репетицией.

Но оркестра не слышно. Приборы следят за нами. Чуть что — включается сирена, врач бежит проверять. У меня тоже включается, потому что меня доводит противоположный матрас. Он сам сдувает одни свои пыточные складочки и надувает другие — чтоб везде болело, без пропусков. Но, кроме меня, никто на него больше не жалуется. Может, я принцесса, раз так реагирую на эту высокотехнологичную горшину?

Слева — бокс с малышкой. Я вижу только маму. Девочку все время бинтуют, подключают, колят то сильные обезболивающие, то седативное. Она плачет, но совсем тихо, я не слышу. Груднички вообще много плачут. Это их способ общения с миром. Но как в этой ситуации бедной маме понять, почему плачет её маленький ангел? Мама видит только боль. И бежит к врачам. Врачи приходят к ребёнку:

— А кто у нас проснулся? Какая Машенька большая выросла! Какая девочка красивая!

Девочке обязательно надо говорить, что она красивая. Ей ведь с этой установкой жить. Ей ведь жить, Господи?

Мама поёт ей колыбельные. Красивый голос со слезами. В конце каждой строчки — почти срыв. Почти. Она держится. Я тоже засыпаю под эти колыбельные. Ничего страшнее я, наверное, не слышала.

Мне сняли дренаж, и я смогла увидеть девочку. Она не спала. Огромные голубые глазички смотрели на мир с любопытством. Никакие уколы не справились с этим доверчивым любопытством к миру, в который она пришла. Она красавица. Кто умеет и не умеет, помолитесь о здравии болящей Марии.

Санитарка Петровна уносит мою систему виноделия. Рассказывает:

— Когда мне первый раз велели эту штуку сдать, я думаю: «Чего с водой такую тяжесть поташу?» Хотела воду вылить. А там всё запаяно! Герметичная зараза, полезная.

Прощай, матрас! Прощай, оружие! (Правда же, «пневмоторакс» звучит как название вида вооружения?)

Я вернулась в палату. Мою разговорчивую соседку оперировали в один день со мной. Она уже ходит и даже сидит! Скоро выпишется. Звонит сыновьям, выясняет, который из них её таки повезёт домой? У плохого есть машина, но нет прав, отобрали за пьянку. У хорошего есть машина и права, но он зимой не ездит. Поэтому повезёт сосед.

Она рассказывает мне чернушные анекдоты. Например: «Врач после операции приходит к своей пациентке.

— У меня две новости — хорошая и плохая. Начну с плохой. Нога, которую мы вам отрезали, была здоровой. Но есть и хорошая: больная нога пошла на поправку!»

В разлуке со мной у соседки родилась идея. Вот есть у них под Орлом большой участок под гольф-клуб. У неё там тоже надел. Администрация что-то крутит-вертит, грядки копать не даёт. Так вот, не могла бы я тут, в Москве, найти покупателя на весь участок? Гольф-клуб — это ж какие деньги! Сама озолочусь и ей помогу. Товарищи, никому не нужно?

БЕСПОМОЩНОСТЬ

Я не люблю эту открытку и всё время пытаюсь выкинуть из моей коллекции. Но она возникает. Я её стираю, а потом возвращаю. Наверное, придётся оставить.

Глеб заболел. Кашель, насморк, приснилось привидение. Просит полежать с ним. А я не могу! Ноги в синяках от уколов, таблетки всякие съедены, а толку — ноль. Больно. Ложишься — и такое нестерпимое пламя в ноге, что вскакиваешь. Сын уснул, пока я пыталась пристроиться рядом.

Я боюсь операции. Это нормально — бояться. Но я это уже проходила и боюсь вдвойне. Бояться неизвестности — это один вид страха, а бояться того страшного, что уже знаешь, — совсем другое. Когда впервые «отдыхала» в онкоцентре, мы там лежачих больных называли «лежачими полицейскими». Не знаю, кто это придумал. И вот ходячие идут на перевязки или за обедом, а ты остаёшься. Твой обед (он же завтрак и ужин) — это мешочек на капельнице с неприятной на вид густой питательной массой. Эта масса весь день медленно капает в вену, потому что нельзя вставать. Это я — лежачий полицейский.

Ходячие уходят и палату не закрывают: «полицейский» же есть. Как будто ты что-то сможешь сделать, если что. А, собственно, что? Что может случиться, если на первом этаже охрана? О да, охрана, лишний родственник не прорвётся без

пропуска. Зато какие-то коробейники, цыганки ходили, как в электричке. Как они проходили?..

Так вот, эти пришлые — воровали. Вот прям при «лежачих полицейских». А что ты сделаешь? Есть пульт для вызова медсестры, он на проводке. Чуть он соскользнул за спинку кровати — всё, не дотянешься. Мобильник, по известному закону подлости, тоже упал на пол. Мне повезло, при мне не воровали. И на том спасибо.

Соседка по палате, Алёна, лежала второй раз. А первая её операция тут совпала со взрывами домов на Каширском шоссе. Взрывы были признаны терактами. Так вот, тогда был звонок в онкоцентр о заложенной бомбе. В таких случаях людей из здания эвакуируют. 24 этажа «лежачих полицейских»! Это я драматизирую, конечно, ходячих больше. У половины из них, правда, дренажи и катетеры из всех дырок торчат. Кстати, мешочек, в который из дренажной трубки капает, можно положить в обычный пакет-майку, а сам пакет через плечо бинтом привязать. Тогда руки свободны. Пакет лучше тёмный — так элегантней смотрится. А черные компрессионные колготки — вообще мечта! Ой, отвлеклась.

Итак, эвакуация. Лежачих со всеми их гаджетами (капельницами, кислородом, катетерами, дренажными трубками) на кроватях выстроили колонной вдоль Каширского шоссе. Дождик пошёл. Машины едут. Запах лекарств, боли и крови. На кровь собираются бездомные собаки, медсестры их отгоняют. Собаки огрызаются, отбегают, а потом опять собираются в стаи. Чем не фильм ужасов?

Другая соседка, Лара, тут тоже второй раз. Она из Бурятии. Постоянно звонила мужу:

— Ты бычка отвёл?

Это утром. Муж должен отвести бычка пастуху.

Вечером снова звонок в далёкую Бурятию:

— Ты бычка привёл?

А то ведь забудет без присмотра.

Ей удалили опухоль вместе с ногой. Этого она не ожидала. Как она будет на одной ноге с этим бычком? Муж уже устал, ждал, когда Лара вернётся. И вдруг такое. Лара отвернулась к стенке и не разговаривает с нами. При чём тут вообще мы? Она не понимает, ждёт ли её муж — такую. Такая она и бычку-то не нужна... Когда мы пытаемся с ней заговорить, Лара зло отмахивается и плачет от беспомощности.

Многих женщин мужья бросили. В радости вместе были, а в горе — не смогли. Некоторые бросали по телефону. Звонит и говорит, что съехал, ключ соседке оставил. А женщина ждала, когда он ей влажные салфетки привезёт. Или памперсы.

Кому нужна жена в памперсах? А вдруг она всегда такая будет? Что с ней делать?

А ей что делать? Вот даже не в глобальном смысле, а прямо сейчас. Она лежит после операции, ей надо руки вытереть. Не гонять же каждый раз медсестру с тазиком. Ладно, салфетку соседки дадут, которых не бросили и привезли запас всяких полезных штук. А потом? Будет же и «потом», жизнь не кончилась.

Но ведь и здоровых бросают. Конечно. Сколько угодно. Но здоровые могут сами ходить в туалет — вот в чём штука. И по морде дать. А тут — отчаяние и беспомощность.

Беспомощность.

У неё есть ещё другая сторона. Ты не можешь помочь человеку, который от тебя зависит. Я выбралась, и теперь Олег лежал в онкоцентре, а я каждый день ездила к нему. Вставала рано, чтобы проскочить до утренних пробок. Ехать же из Подмосковья. Охранники уже не спрашивали пропуск, узнавали по большому беременному животу. Олегу становилось всё хуже. Стало понятно, что о ремиссии и выписке речь не идёт. Врачи хотели дотянуть его до моих родов. Такое человеческое представление о последней радости: он должен успеть увидеть сына. Вот только моему мужу — сильному, надёжному, настоящему мужчине — была невыносима беспомощность.

Это он заставил меня сесть за руль и намуштровал водить в любых погодных условиях:

— Вдруг меня рядом не будет? Ты сама должна уметь!

— Как это — не будет? — не понимала я. Бросить, что ли, хочет?

Оказалось — вот так. Зима, снегопады. Кто меня повезёт? Некому. Живот на коленки («Глебушка, терпи, к папе едем») — и вперёд. И в какой-то момент я поняла, что Олег перестал знать, что я беременна. Именно так: перестал знать. Мозг включил защиту от самой невыносимой боли, от которой ни морфин, ни обезболивающий пластырь не спасают. В его глазах я стала сильной, здоровой и свободной, а не больной, беременной, напуганной, уставшей и беспомощной, которую нельзя бросить.

Здоровую бросить можно. Он не хотел бросать, но от его желаний и нежеланий уже ничего не зависело.

Он обманул себя и ушёл. Сына так и не увидел. Не дотянул. Потому что внушил себе, что я не беременна.

ПЕПЕЛ

Прекрасный город Неаполь располагается у подножия Везувия. Когда Везувий просыпается, он собирает дань в духе

античных мифов — жизнями неаполитанцев. Они убегают от гнева своих древних богов, а когда вулкан засыпает, возвращаются. Почему они возвращаются на пепелище, зная, что Везувий уснул не навсегда? Потому что вулкан вместе со смертью принёс питательный пепел, на котором вырастет самый лучший в мире виноград — основа жизни неаполитанцев.

Так ведь и вся наша жизнь. Болеем, страдаем, мучаемся — и снова рожаем и растим детей. Не для болезни и мучений — для радости и счастья. Знаем, что в жизни каждого из них может случиться Везувий, но надеемся, что именно нашему ребёнку повезёт прожить свою жизнь при спящем вулкане среди прекрасных виноградников.

Маму обряжала к похоронам работница морга жуткой внешности. Очень полная, в каких-то пятнах и язвах вся. Будто сбегала недавно с кладбища домашних животных Стивена Кинга. Злая была. Но она выхаживала такого же жуткого, измождённого, в язвах и лишаях кота. Вот прям как будто вместе откопались... Мы с Ритой (двоюродной сестрой) привезли в морг огромный пакет сухого корма для кота, она шикнула: «Он такое не ест». Но корм взяла и подобрела к нам. И, видимо, в благодарность, маму накрашила своей яркой помадой. Я не решилась сказать, что мама получилась не похожа на себя.

В «ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА»

У сына сейчас интересный разговорно-мыслительный период. Любое явление переосмысливается и помещается в «древние времена». Там с этим явлением происходит всё что угодно. Выглядит это так. Едем, например, в электричке.

— В древние времена, мама, железная дорога была пластмассовой.

Или:

— В древние времена трансформеры жили на другой планете и все были синими, но роботы-тачки жили на Земле.

Или:

— В древние времена, когда я был маленьким, мой папа катал меня в коляске и рассказывал про деревья.

— Глебушка, твой папа не видел тебя и не катал в коляске.

— Я знаю, знаю, мам, но в древние времена он меня катал.

И вот такое:

— В древние времена люди подумали, что ночь — это плохая идея. Положили в стиральную машинку, она крутила, крутила — и получился день.

ГРАНИЦА

Забираю Глеба из сада. Воспитательница Елена Александровна рассказывает:

— Глеб начертил на песке полосу и говорит: «Это граница».

— Какая граница?

— Между хорошим и плохим.

Иду озадаченная. Что сия философия означает? Спрашиваю у Глеба, что он имел в виду. Он останавливается и ногой проводит на асфальте воображаемую черту.

— Смотри, мам, это граница.

— Ага. Тут плохое, а тут хорошее?

— Нет. Тут страна Россия, а тут другая страна.

— Как она называется?

Задумывается.

— Ну... Она тоже называется Россия.

И идёт дальше. Вроде как всё объяснил.

Ну а что непонятного?

Я живу в ближнем Подмосковье, поэтому, когда ругают москвичей, принимаю это и на свой счёт. Но вот читаю заголовок статьи: «Москвичи съели весь годовой запас авокадо и теперь не знают, где его взять». И думаю: «Ну и как их (нас) любить после этого? Звучит же просто издевательски!» Мне даже начинает казаться, что это какая-то спланированная акция, создающая отрицательный образ сытого москвича, раскалывающая страну на два лагеря: Россия и Россия, Москва и не-Москва. Читаю комментарии. Да ну, какая акция? Серьёзное обсуждение, в каких сетях есть авокадо и какого качества. Но это же хорошо, что есть люди, у которых иных проблем нет? Хорошо. Я совсем не за равенство в нищете. Но всё же, всё же, всё же... Граница-то существует.

РОДНОЕ

Моя мама была наполовину русская (мой дед из Тульской губернии, деревня Красный Конь), наполовину литовка (моя бабушка — единственная дочь супружеской пары из Литвы, говорившей на польском и русском, служившей в поместье Плещеево).

У нас есть семейная легенда: прабабка Ева, подавая на барский стол селёдку, почистила её и отделила от костей. Это почему-то было не принято там, селёдку просто резали кусками. Барыня отругала служанку за самоуправство, а гости оценили: руки-то пачкать не надо!

В свидетельстве о рождении у мамы указано место рожде-

ния: цемзавод. Не заморачивались тогда: «В Подольске на Цемянке живёт? Отец — директор цемзавода? Так и запишем».

Мою бабушку звали Викой. Она это имя не любила и требовала называть её Валею. Дочку, мою маму, назвала Валею. А внучку, то есть меня, назвали в честь бабушки.

Мама хотела большую семью и чтоб дети — непременно мальчишки. Но родила в 38 девчонку. Одна меня растила: родители умерли, с мужем развелась. У неё были больные ноги — осложнение после гриппа.

Я думала, глядя на неё, что у меня всё будет по-другому. Что я всегда буду здорова, с мужем буду жить до старости, и родим мы троих детей в самом расцвете сил. Ох уж эти семейные сценарии... Я родила в 42 единственного ребёнка, его папа умер, ноги болят из-за опухоли позвоночника. Зато у меня сын!

Мама была красавица. Как все наши мамы, правда же?

Из-за больных ног мама работала на ближайшем заводе кладовщицей. В числе прочего на складе хранился технический спирт. Склады иногда обворовывали, маме приходилось отвечать. И она стала самое ценное прятать у нас дома, в подполе. Там, в окружении банок с соленьями и вареньями, стояли огромные ёмкости со спиртом. А привозили их к нам работяги — все в той или иной степени алкаши. Но нас никто никогда не грабил, хотя ключ от дома хранился в классическом тайнике — на крыльце под ведром.

А перед майскими праздниками склад наполнялся флагами, цветами и зелёными берёзовыми ветками. Тогда к майским ещё не распускались листья, как сейчас. Ветки специально заранее держали в тепле, чтобы раздать рабочим на демонстрацию. Я всегда приходила в эти дни на склад, чтобы поиграть с праздничными сокровищами.

Ещё на склад привозили обрезки вязаных свитеров. Это была ветошь для рук и станков. Мы с мамой выбирали самые лучшие обрезки и распускали на нитки. Получались такие весёлые цветные клубки, что невозможно было не научиться вязать.

Как бы ни было трудно, задолго до Нового года под моей ёлкой каждый день обнаруживались подарки от Деда Мороза. Хоть мандаринчик, хоть конфетка.

Мамино военное детство было голодным, без подарков. Кроме неё в семье было ещё трое мальчишек. Тогда они переехали на Урал — моего деда отправили туда директором на цемзавод, в посёлок Пашия. Бухгалтер их был родом из Москвы, жил один. Под новый год он съездил к родным и привёз

в подарок торт! Мама и братья Лёва, Витя и Юра ждали, когда их накормят этим кремовым чудом. Но моя бабушка (их мама) не могла просто так взять и отдать такую роскошь. И торт стоял нетронутым до тех пор, пока не прокис. Так и выбросили. Мама всю жизнь вспоминала этот не съеденный торт своего голодного детства.

Надеюсь, она простила мне продажу дома, построенного её отцом. Ведь теперь там живёт дружная семья, в которой четверо детей. Девочка и три мальчика. Наш дом тоже любит крепко сбитые семейные сценарии.

ВСЁ ОТНОСИТЕЛЬНО

Сижу себе тихо, правку делаю.

Вдруг из комнаты, где ребёнок рисует, горестный плач. Навзрыд! С таким заходом, что аж до мурашек.

За несколько секунд все прошлые и грядущие мировые катастрофы пронеслись у меня перед глазами.

— Мама! Я не могу нарисовать вертолёт!!!

И я не могу. Нашли книжку с вертолётom. Нарисовали по картинке. Заодно наточили кучу карандашей.

У каждого своё горе. И свой выход из него. И одна катастрофа не больше другой.

В моём окружении очень много женщин разных возрастов, которые не смогли родить ребёнка. Так много, что выглядит эпидемией. Я знаю невероятно много людей, которые сами перенесли онко или их ближайшие родственники столкнулись с этим. Вот точно эпидемия.

Я знаю катастрофически мало людей, которые умеют рисовать вертолёты. И это уж совсем ни в какие ворота.

ТОНКИЕ МИРЫ

Ещё одна «открытка» из детства.

Через дом от нас жила Надька-пьяница. Для нас это было удивительно: пьющая тётя. Пьющие дяди — это понятно и привычно. У кого в семье не было пьющего папы? Только у тех, у кого папы не было вообще.

У меня папы не было. Мама с ним развелась как раз по причине злоупотребления. Я видела папу на фотографиях. Даже мне, маленькой, было понятно, что я похожа и на маму, и на него.

И когда он однажды появился на нашей улице, я его сразу узнала. Никогда никакой тоски по нему я не испытывала, но в тот момент радость прям захлестнула. Я поняла, что он при-

шёл посмотреть на меня. Я была не одна, с подружкой Гулей. Мы сидели на корточках возле моей калитки и рисовали мелками на асфальте. Гуля, симпатичная девочка-татарка, с недоверием смотрела на незнакомого дядю. А мой папа внимательно рассматривал нас.

— Дочка! Вика! — с чувством сказал он, глядя на Гулю.

— Пап, это я, — тихо мяукнула я.

Он посмотрел на меня удивлённо.

— Я что, свою дочь не узнаю? Вика! Я твой папа!

И он протянул руки к Гуле. Хотел обнять и плакать, наверное. Но раньше заплакала я. А Гуля сказала:

— Мы сейчас бабе Зине всё расскажем!

И мы пошли жаловаться на моего папу Гулиной бабушке. А вечером я рассказала об этой встрече маме. Мама сказала, чтобы я у него ничего не брала и с ним не разговаривала. Но он больше и не приходил.

Я его отсутствия в своей жизни не ощущала. Я просто не знала, как это — жить с папой. По другим семьям видела, что преимущества, конечно, есть. И главное — газировка. «Буратино» пили только те дети, у которых в семье был пьющий папа. Потому что газировку у нас продавали в винно-водочном отделе «собачьего» магазина (он же — «сотый», потому что номер сто, а с появлением сотовой связи — «сотовый»).

Ещё про этот магазин. Сначала он располагался на улице Трубной и назывался «Собачий». Вроде бы в честь нашего посёлка Силикатный, он же Ново-Сырово, но в моём детстве — однозначно «Собачий». Мама говорила, это оттого, что собак бездомных много. Потом этот магазин переехал в новое здание на улицу Сыровский тупик, а в этом завелась закусовая «Надежда». На столбе даже висел указатель — намалёванная на фанере женщина Надежда с пивной кружкой, такая трогательная в своей простодушной вульгарности, что дух захватывало. Теперь того здания нет, на его месте за глухим забором — что-то двухэтажное.

Я дружила с соседской девочкой Аней. Аня была старшей в многодетной семье, у неё было ещё две сестры и брат Вова, названный в честь папы. Папа Володя получал зарплату и отправлялся в «собачий». Вовка радостно орал:

— Пап, принеси ровки!

Если мы с Аней не были в ссоре, то на «ровку» звали и меня.

Во дворе у Ани мы пили «Буратино» и смотрели на «таинственный» дом Надьки-пьяницы. Он был перекошенный, с полуразрушенной стеной. Заросший огород казался огром-

ным, хотя участок был, как у всех. Нам очень хотелось побыть и в этом огороде, и в доме, но родители строго запрещали общаться с Надькой. Я её даже не помню совсем. Только дом и имя. А она была какой-то невидимой.

Когда Надька умерла, её дом много-много лет стоял без хозяина. Он совсем покосился, но окончательно так и не рухнул. Будто встал на одно больное колено, а здоровой ногой ещё упирался. Упирался он до тех пор, пока не пришли новые хозяева.

Они разрушили всё до основания, а затем построили коттедж. И поселили в нём своего взрослого сына-наркомана Юру. Юра поразил нас невзрачным видом, крутой машиной и наполеоновскими планами: он собирался всем нам провести интернет (мы в частном секторе никак не могли добиться проводного интернета). Но вскоре Юра отправился на добровольно-принудительное лечение от своего недуга.

С лечения Юра вернулся с женой Юлей. Из них двоих Юра продержался дольше. Он грустил, когда Юля, вмазавшись, не реагировала на него. Тогда он тоже вернулся к своему увлечению.

Употребив, он переставал видеть Юлю, выходил за калитку и бродил по улице в поисках жены.

— Юля! Юля! — тосковал он, заглядывая на наши участки.

И мы стали звать его Юлей.

— Ты там аккуратней на улице, Юля опять жену потерял, — говорил мне муж, собираясь на работу.

А невидимая Юля в это время была дома. И может быть, даже разговаривала с такой же невидимой Надькой-пьяницей. Всё-таки, в одном доме жили, если говорить о тонких мирах.

АКЫНСКОЕ

Отдыхаем с Глебом в «Этномире».

Вечером услышали бубен и пошли на звук. У костра пел шаман Андрей. Ну, не шаман, конечно, артист. Но родился он на Камчатке и, когда впервые попробовал варёного кита, ему не понравилось. А потом мама сварила его по-другому — оказалось, вкуснейшая вещь. Очень капризное в готовке мясо, так и знайте.

Андрей показал нам, что такое акынское пение. И что такое акынский танец. Принцип тот же, что и в пении: что вижу, то и танцую. Он рассказывал простую историю о рыбаках и показывал: вот бытовое движение, вот оно же в танце.

Рыбак поймал и теперь разделявал рыбу, а в небе летел самолёт, в ресторане пили пиво, зрители танцевали у костра: рассказ-танец можно продолжать бесконечно, если знать язык.

Закончив танец, Андрей снова берет бубен, чтобы петь. Прогревает его над костром, чтобы кожа натянулась. Бубен этот плохо прокопчён и быстро впитывает влагу, кожа провисает. Лучшие бубны — те, что хорошенько прокоптились.

Около костра Глеб увидел высохший прутик, который мог бы стать деревом, но постоянные костры не дали ему вырасти. Я объяснила Глебу, что это из-за огня. Глеб вполне мог поплакать, чего я и опасалась. Но он с неожиданной лёгкостью сказал:

— Ничего, он всё-таки успел узнать, что такое жизнь.

БАРСИК

Сыну шесть лет. У него есть котёнок Барсик. Игрушечный. Но Глеб ему нарисовал кухню, спальню, ванну, игрушки, книги, еду, одеяла. В общем, живёт Барсик получше многих. Каждый вечер Глеб кормит Барсика и укладывает спать. По выходным они занимаются чтением и счётом. Читать Глеб научился сам, когда учил Барсика.

По утрам Глеб часто забывает разбудить Барсика, потому что сам в полусонном состоянии идёт в детский сад. Вечером он сокрушается: Барсик опять весь день спал!

И однажды я отвела Глеба в сад, пришла домой и подняла Барсика. Ну как подняла? Он лежал, а я его посадила.

Глеб пришёл домой и говорит:

— Мама, Барсик встал!

— Это, — говорю, — я его подняла.

— Спасибо, мам! А ты его покормила?

Упс... Нет, конечно. Но соврать я почему-то не смогла. Честно сказала:

— Извини, нет.

— В следующий раз покорми.

Отвела Глеба в сад, пришла домой. Барсик! Лежит. Я его посадила. Ну, не кормить же. А что я сыну вечером скажу?

И я его покормила. У него корм нарисованный, надо его в этот корм мордой ткнуть и подержать.

Теперь, приходя из сада, я первым делом поднимаю и кормлю Барсика. Чувствую себя глупейшим образом, но начинаю привыкать.

Как в анекдоте: «Сеня, ты счастлив? — А шо делать?»

ПОЛОЧКА

Глеб рассказал мне, как устроена его память. Она у всех так устроена, считает он, только не все об этом знают.

В голове нашей есть две полочки. На одной, бесконечно большой, стоят пустые книги с обложками разных цветов. Заведует этой библиотекой маленький человечек. У Глеба это — мальчик в красной кепке.

Всё происходящее этот мальчик записывает. Он берет пустую книгу подходящего цвета, пишет, обязательно перечитывает и ставит на другую полочку. Эта другая полочка сначала очень короткая. Как только на ней появляется новая книга, полочка удлиняется.

Когда Глебу надо что-то вспомнить, он просит мальчика найти нужную книгу. Мальчик и сам любит перечитывать свои книги, тогда в голове появляются воспоминания, которые мы и не думали вызывать.

Этот наш разговор в машине (мы ехали на занятия по робототехнике) мальчик записывал в фиолетовую книгу. Занятия по робототехнике он всегда записывает в оранжевые книги.

А начался наш разговор с фиалок. Глеб нарисовал цветы, как ему казалось, выдуманные. Я сказала, что они похожи на садовые фиалки. Они начинают цвести очень рано, вместе с крокусами, а заканчивают — позже всех. Фиалок было много в нашем саду, когда мы жили в своём доме. Но Глебу было три года, когда мы переехали в квартиру, и дом он плохо помнил. Я объяснила, что он мог подсознательно «достать» эти цветы из памяти. Глеб задумался и сказал: «Точно, они в жёлтой книге!»

И рассказал мне про полочку.

И у вас она есть, посмотрите внимательно. И подружитесь со своим человечком. Он столько для вас делает!

ПЕТЬКА

Петька вырос в детдоме. Всяко его по жизни помотало, а к тридцати годам прибился он к Серёге. Серёга этот в конце девяностых набрал «дикую» бригаду из жителей Тульской области и привёз их ремонтировать Москву и область. Учились мужики прямо на объектах, некоторые до бригады вообще ничего по строительству не умели.

Петька оказался способным. Плитку аккуратно клал, электрику мог сделать, канализацию проложить, всегда прибирался за собой. И был честным, даром что детдомовский.

Деньги на столе забудь — ни копейки чужого не возьмёт.

Иногда Петька вёл себя, как ребёнок. Красит дом, вдруг видит — лягушка в траве скачет. Поймает её и тоже покрасит.

— Петь, она же погибнет теперь, она кожей дышит.

— Да?

Побежит её догонять, да уж поздно.

Или разбирает старую крышу, а в складках шифера — воробьиное гнездо. Возьмёт крошечное яйцо и выпьет.

— А что? Куриные пьём, а это почему нельзя?

Серёга своих рабочих разносолами не баловал. Купит прогорклого ржавого сала, «взрывпакетов» (лапшу быстрого приготовления) — не подохнут. А зарплату перед самым отпуском каждому отдавал, чтоб сразу не тратили, так что приходилось есть, что купил. Одна надежда была на нежадных хозяев, у которых работали: обед соберут или хоть чаю дадут с печеньем.

Петька был на особом счету, правая рука Серёги. У него, бывало, кое-какие деньги водились. Петька не жадничал. Купитпельменей развесных, укропу с петрушкой у хозяев с огорода попросит — и сварит на всю голодную бригаду змеиный супчик. Это когдапельменный бульон не сливаешь, а маслицем заправишь или сметанкой да зелени огородной туда, перчику, можно ещё специи из «взрывпакетов» добавить, они там отдельно. Вкусно!

До того хорош был Петька, хоть и маленького роста, и рыжеватый, что хозяйки принимались подбирать ему невест из соседок. Вот Лиза, например, которой канализацию прямо в болото за забором выводили, — хороша? Ну, с чудиной. Ну, постарше. А чего тебе, детдомовскому, копать? Бери, что дают. Но Лиза была раза в четыре крупнее Петьки, задавила бы его во сне. «Ну её», — не рискнул Петька.

И вообще, ему другая наша соседка, Оля, нравилась. Губа, как говорится, не дура. Оля, и правда, была красавицей. Я помню, в детстве аж замирала, на неё глядя. Думала, за ней капитан Грей на алых парусах прилетит. А она стала встречаться с каким-то лысым колобком. Мы, девчонки, всё ждали, когда она с ним поссорится, но не дождалась — Оля за него замуж вышла.

Так что Петька на Олю (тоже старше его, но всё такую же красивую) только издалека смотрел. Разве что укропчику попросит для змеиного супчика — просто чтоб рядом постоять.

В отпуск Петька не ездил — некуда. Говорил, что был женат, что есть у него сын, но растит его отчим. Вздыхая по Оле,

Петька всё же был не против приглядеться к другим невестам. Наличие детей его не пугало.

— Моего же кто-то растит, и я чужого растить буду.

Но что-то не складывалось с семьёй. Тогда он завёл собаку. Ну как — завёл? Подобрал на улице. Она была тощая, невзрачная и не переносила неволю, всё пыталась сбежать. Привяжет он её к забору — она поводок перегрызёт и ещё подкоп сделает. Тогда Петька приковал её цепью к двадцаткилограммовой гире у нас в старом гараже. Откуда и зачем там была эта гиря, я не помню. А пол в гараже был бетонный. Собака попыталась грызть цепь, потом копать бетон. Безуспешно. Тогда она дошла с гирей до ворот, доволокла на цепи двадцать килограммов, для чего пересекла весь двор, и там уже свалилась без сил, высунув нос на волю.

Серёга велел Петьке отпустить собаку, но не здесь — как бы хозяев не покусала на прощанье. Петька ушёл с ней, вернулся один и рассказал: сел с ней в электричку, хотел через пару станций на платформу её вытолкать. Но в тамбуре собаку увидела красивая девушка, и собака ей понравилась. И девушка собаке понравилась. И Петька отдал собаку той красавице.

Может, правда, так было, а может, сочинил Петька, выдумал, что собака эта — он сам, а девушка — Оля...

Прошло несколько лет. Повстречав одного из рабочих Серёгиной бригады, мы спросили у него о Петьке. Рабочий рассказал, что Петька так и служил Серёге верой и правдой, даже стал вхож к нему в дом, ему там комнату отвели. Серёга полностью доверял Петьке, за один стол со своей семьёй сажал. Казалось бы, чего ещё надо? Живи, как барин.

Но однажды Петька с другими рабочими перекрывал у кого-то крышу. Сделали перекур. Петька не курил. Он смотрел вокруг, на вольную волю, и увидел внизу идущих куда-то не то бродяг, не то пьяниц.

— Хорошо бомжам! Идут, куда хотят! — сказал Петька.

Спрыгнул с крыши, как был — в трениках да кедах — и догнал бомжей. И ушёл с ними. Больше мы о нём не слышали.

КАК Я НЕ СТАЛА БИБЛИОТЕКАРЕМ

После школы я подала документы на режиссёрский факультет ВГИКа. Но не прошла даже отборочный творческий конкурс. Больше мне никуда не хотелось, и я загрустила. Мама достала припрятанную ею на такой случай вырезку из «Московского комсомольца»: «Библиотечный тех-

никум приглашает!» Если аттестат был без троек, то техникум приглашал без экзаменов. Это мне подходило, потому что от огорчения я вполне могла провалить экзамены даже в школу дураков.

Я, отличница, надежда школы, стала единственным выпускником нашего класса, кто в первый же год не поступил в вуз. Своеобразный рекорд.

Два года я осваивала профессию библиотекаря и думала: только бы не работать в библиотеке!

1992 год. «Распределение» как явление доживало последние дни. Выпускников техникума с московской пропиской ещё распределяли. А без оной — нет. И вот я прохожу финальную практику в одной московской библиотеке, и меня зовут туда работать безо всякого распределения. Я в ужасе, но выбора нет. И вдруг звонят из деканата техникума и просят приехать. Приезжаю. Мне там говорят:

— К нам поступила заявка из редакции «АиФ». Знаешь такую газету?

Кто ж её не знал тогда? Она была занесена в Книгу Рекордов Гиннеса за самый большой тираж периодического издания.

— Москвичей мы распределили, нет свободных. А ты учи-лась хорошо. Пойдешь?

Я ещё и задумалась. Просто не понимала, зачем в газете библиотекарь. Мне декан библиотечного техникума и говорит:

— Ты что, ещё думаешь? В библиотеке хочешь работать? Беги!!!

И я побежала на Мясницкую.

Оказалось, что в «АиФ» хотят сделать свою библиотеку. Но под неё ещё не освободили помещение (комнату, унаследованную от психоневрологического диспансера). И меня временно взяли в отдел писем.

В мои обязанности входило ездить на Главпочтамт за письмами читателей. Хотя от редакции до почтамта было метров пятьсот, приходилось ездить с редакционным водителем. Каждый день мы привозили по два огромных мешка писем. Соцсетей тогда ещё не было, и народ писал в газеты.

Потом мы эти письма сортировали. Адекватные и интересные — по отделам согласно тематике. Больше всего писали в социальный отдел с просьбой сделать перерасчёт пенсии. Немало писем было от пациентов недавно съехавшего отсюда психдиспансера. Я помню «Новую библию». Один дядя написал Библию, в которой Бог общался с Человеком цитатами из газет. «Ибо сказано в газете «Красная Звезда» от

14 апреля 1993 года...» Эта рукописная «книга» долго лежала у меня в ящике стола на работе.

Рассортированные письма и газеты я разносила по отделам. Подписку на всякую периодику тоже оформляла я. Самым таинственным в редакции был отдел, который назывался «За железной дверью». Дверь там и правда была железная, а за ней на «яблоках» верстали газету. Руководил отделом Алексей Микулин. Сейчас он лепит из пластилина старую Москву.

Однажды Алексей пригласил меня работать в свой отдел. А я компьютер и близко не видела. Но научили. Высшим пилотажем считалось сверстать рекламный разворот — уж очень много разных элементов там было. Нам присылали не готовые макеты, а рекламные тексты. Мы знали только размер оплаченного модуля, а дизайн придумывали сами. Настал день, когда и я сверстала такой разворот. Рамочки, разные шрифты, штучки и виньетки — вот-вот! Рамочки брала из стандартного набора. Как раз когда я работала над полосой, в наборе появилась новая ажурная рамка. Я её использовала для маленького рекламного объявления.

Перед выпуском плёнок для типографии Лёша лично проверял все полосы. Во всяком случае, мои как новенькой. Вызывает он меня к себе. Перед ним — рекламная полоса.

— Ты верстала?

— Я! — с гордостью говорю я.

— Молодец! Только вот эту рамку больше не используй.

И показывает ту самую новенькую ажурную рамочку.

— Почему?

Он даёт мне лупу. Я вглядываюсь. Рамочка состоит из многократно набранного без пробелов матерного русского слова из трёх букв.

— Это я учился шаблоны для рамок делать, — говорит Лёша, — не успел предупредить, шустрая ты очень...

Кстати, библиотека в «АиФ» так при мне и не появилась. У нас даже своя парикмахерская была, а библиотеки не случилось. Но я не виновата: освобождённую комнату занял отдел проверки.

Через некоторое время появились разные тематические приложения к основному номеру, и уже я сама набирала сотрудников в новый отдел для вёрстки приложений и сама начала их. Путь в библиотеку был перекрыт окончательно.

САНДАЛИИ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Забираю Глеба из сада.

— Мам, я хочу тебе сказать... Они были такие одинокие, никому не нравились, их все пинали. Можно, мы возьмём их домой?

— Кого?!

Глеб достаёт из кармана два камня. Даже не камни это, а бетонные сколы. Не удивляюсь, что они никому не нравились. А у Глеба слёзы в глазах. Он же видит, что я их тоже не готова полюбить.

— Хорошо, возьмём. Только искупаем их.

Отмыли мы дома эти недоразумения и поселили на балконе. Они, небось, и не мечтали о такой житухе.

А потом у Глеба порвались сандалии, в которых он ходит в группе в детсаду. Я давно подозревала, что они ему малы, но Глеб категорически отказывался их менять. И вот они порвались, наконец. Беру их и несу к урне, чтоб домой не тащить. Оглядываюсь на сына. О, эти глаза!..

— Глебушка, а что же с ними делать? Только выбросить.

— Я понимаю. Но давай не здесь. Они плакать будут.

Принесли сандалии домой. Упаковали в красивый паке-тик и выбросили в родную урну.

Едем в машине, слушаем по радио историю о том, как одна мама шла по супермаркету и складывала в тележку продукты. А её дочка тоже складывала — те товары, которые другие покупатели передумали брать и выложили не на свои полки. «Их бросили, они никому не нужны. Давай возьмём их себе», — сказала дочка.

Я засмеялась.

— Mam, а что смешного? — спросил с заднего сиденья Глеб. — Представляешь, как им грустно, что их бросили!

Как будущая свекровь я немного беспокоюсь, по какому принципу Глеб будет выбирать себе жену...

ПРИБЫТИЕ ПОЕЗДА

Я немного редактировала сценарий полного метра. Названия не скажу, да я и не знаю, какое в итоге выберут.

Съёмочной площадкой стало экспериментальное железнодорожное кольцо в Щербинке.

Поезда и кино — что может быть лучше? По приглашению режиссёра, мы поехали туда с Глебом.

Каждые пять минут по кольцу проезжает поезд с вагонами — это испытательный полигон. Не расслабишься.

— Поезд ушёл! — объявляет режиссёр.

Это значит: есть пять минут, чтобы поработать.

— Скоро вернётся, давайте снимать.

Исполнитель главной роли Мирон, почти ровесник Глеба, был в винтажных сандалиях, так как действие происходит в 1954 году. Мирон сказал, что ходить в них неудобно, бегать — тем более. Поэтому он особо не бегал.

А Глеб носился. Убежал вниз с высокого перрона и упал там, внизу, рассадив колени, локти, ладони. В общем, качественно упал, как и положено падать в шесть лет. Я в этот момент была наверху. Снимали сцену прибытия поезда. Паровоз был настоящий, но он долго стоял без действия как памятник. Для съёмок его раскочегарили, но полную нагрузку нельзя было давать — боялись, что взорвётся котёл. Решили толкать его сзади, и чтоб он пар пускал, насколько сможет.

Глеб упал как раз по команде: «Мотор! Начали!» И стоял внизу с кровавыми коленками и сжатыми губами, чтобы не войти в кадр и не пикнуть — знал, что съёмкам мешать нельзя.

И только после команды «Стоп! Снято!», Глеб заплакал и рванул ко мне. Паровоз больше не завёлся. Это оказался единственный дубль.

Мирон принёс сухую веточку, отломил половину и подарил Глебу. Сказал, что это талисман, и больше Глеб падать не будет.

Я спросила, как это работает, но Мирон сказал, что это секрет. Лет через двадцать обещал рассказать. Надеюсь, хоть фильм выйдет раньше.

ЭКСКУРСИЯ

— Мам, у нас экскурсия.

— Да? Только что была. Ещё? Куда поедете?

— Никуда. Она называется «Внутренний мир человека».

— О! Душа, что ли?

— Нет. Кишки, желудок и всякие другие органы. Я сам проведу. Записались щи (только немного, ладно?), две сосиски, кукурузная лапша (как ты вчера варила), чай и бутер с шоколадно-фундучной пастой.

Это был заказ на обед. Глеб говорит, что участникам экскурсия понравилась. Но они об этом уже никому не расскажут.

МОЛОЧНАЯ ЛАПША

Из деревенского детства моего деда: Федя играет на улице с другими детьми. Мать зовёт его:

— Федька, иди лапшу есть!

— А он какой — водяной али молоканый?

Если «молоканый», то пойдёт. А лапшу на воде можно и прогулять.

Я, Федькина внучка, не очень люблю варёное тесто и терпеть не могу нагретое молоко. Вероятно, поэтому мимо вни-

мания всегда пролетали рассказы моего мужа Олега о том, что его деревенская бабушка варила вкуснейший молочный суп из домашней лапши.

Бабушка Олега умерла во дворе своего дома от инфаркта. В доме обнаружилось огромное количество лапши, которую она наделала перед смертью и разложила сушить. Лапши хватило на поминки, лапшу разобрали гости и родственники — вот сколько её было. Олег привёз из Орловской области в Подольск бабушкиной самодельной лапши. Вспомнил опять её молочный суп.

А мне даже в голову не пришло сварить ему этот суп.

Да что там варить? Вскипятил молока и бросил в него лапши. Олег и сам мог бы это сделать. Не делал же. Может, потому что знал: я ему компанию не составлю. Может, не очень хотел, воспоминания были важнее, они ведь не только про суп.

Но я должна была это сделать. Понимаете?

Когда Олег умирал в онкоцентре и отказывался от любой еды, мы с его лечащим врачом чего только ему ни предлагали. Она несла какое-то специальное питание в баночках. Я купила мороженого — и, о чудо, он съел несколько ложек. На Новый год мне разрешили остаться с ним в палате: мы были одни на этаже, всех отпустили на праздники, только муж был совсем тяжёлый, не вынес бы дороги, да и я беременная, того гляди рожать начну. Диеты ему уже отменили, не до них было, когда лечение не работало. Я наготовила всяких салатиков — мелкими порциями, но много.

А ещё, наконец, сварила молочную лапшу. Дошло! Я везла её как чудо, как исцеляющий эликсир, привет от любимой бабушки, от не ведающего смерти детства, как моё прозрение и надежду.

Олег смотрел, как я выставляю на столик маленькую ёлочку в горшочке, мисочку с оливье, мисочку с селёдкой под шубой, мисочку «Мимозы».

— Я тебе молочной лапши сварила! Погреть в микроволновке?

— Не хочу пока. Убери в холодильник.

— Он «молочаный», — пошутила я.

Олег не отреагировал. Забыл наши разговоры, не понял шутку.

Той новогодней ночью в холодильнике оказалось всё. Он не съел ни ложечки. Про лапшу и не вспомнил. Она перестала быть важной на пороге перехода, который он совершал тогда медленно, но неуклонно. Опоздала я с этой лапшой.

До сих пор думаю об этом. Не то что простить себе не могу...

Но было бы лучше, если бы я за пятнадцать лет нашей с ним жизни догадалась её сварить.

Олег тогда так и не выбрался из больницы, не побывал больше в ставшем ему родным доме, построенном моим дедом Фёдей. Через девять дней после ухода папы родился наш долгожданный сын. У меня уже тогда была четвертая стадия рака. Четвертая — это когда есть хотя бы один отдалённый метастаз. У меня их было два.

Я не чувствовала себя на свой диагноз. И уж тем более — не выглядела на него. Это же условность, способ дать название состоянию пациента.

Лечащий врач говорила мне про Олега:

— Вот есть четвертая стадия, а у него — сорок четвертая. Просто нет такого термина. Он весь в метастазах. Его жизнь теперь не в наших руках. В Его.

На протяжении следующих почти девяти лет у меня всякое бывало: периоды затишья болезни и моей активности, периоды обострения с отчаянием и страшной болью. Нашлись люди, которые мне помогали, врачи и методы лечения. Оптимизма и любви к жизни мне всегда хватало.

Тот самый дедушкин дом я продала, переехала в квартиру. И долго привыкала к такому способу жить. Всё-таки сорок пять лет прожить в почти деревенском доме на своей земле — и вдруг оказаться подвешенной на девятом этаже в комнате с кухней. Это ого-го какой переход! Но в этой квартире растёт самый главный человек моей жизни — сын. И она стала родной.

В феврале будет год, как я утратила способность ходить самостоятельно. Даже стоять без опоры не могу. Боль, мышечная слабость из-за зажатого опухоли нерва. Была надежда, что облучение большого метастаза, который зажал нерв, поможет, вернёт мне ноги и способность жить без обезболивающих таблеток. Я ещё и помпу поставила, чтобы обезбол капал сразу в позвоночник. Строила планы наших с Глебом путешествий.

Но мне всё хуже и хуже. Помпа не справляется. В облучённом метастазе «без отрицательной динамики». Справилась с ожогами — не впервой. Но последнее исследование показало, что стадия у меня не четвертая, а «сорок четвертая». Метастазы везде.

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочёл до середины.

Вот и я тоже прочла заключение до середины. В моём теле такой морской бой, что меня разве что в адронный коллайдер засунуть целиком.

Любимый ваш вопрос:

— Что говорят врачи?

Врачи — не астрологи, прогнозов не дают. Кости и мышцы становятся сеточкой — вот что происходит при этом типе опухоли. Вот и не держит позвоночник тело.

Считается, что дома стены помогают. Точно! Я за них хватаюсь, чтобы перемещаться самой. И отдыхаю, прислонившись к ним, во время великого путешествия «туда и обратно» — из комнаты в кухню.

Родные затарили меня гормонами и обезболом примерно на вечную жизнь.

Все равно больно. От гормонов стала такой страшной, что боюсь показаться даже курьерам. Жду, когда будут приходить андрюиды: мне прикольно, а им не такая психотравма.

Глеб считает, что я самая лучшая и самая красивая мама на свете. Это главное.

Ещё вы спросите:

— А ты была в Тибете? А паучьи лапки с мёдом и морской солью ела? А водку с содой и кровью игуаны пила?

Не ела и не пила. У меня ноги и спина болят, а с головой всё в порядке. Я даже работаю. Взяла, правда, половину проекта, скорость не та.

Ничего не имею против Тибета и других путешествий. Но теперь — в следующей жизни... или как там это устроено.

Дела в порядок привела. Документы, налоги, всякое такое.

Про Глеба говорить не буду, слишком больно. Всё обдумала и подстелила наилучшую, я верю, соломку. Молю Вселенную быть милосердной к мальчишке моему чудесному.

Пару недель назад я ещё могла выйти с палками для скандинавской ходьбы к подъезду и встретить Глеба из школы. Стояла, прислонившись к холодной стене, и с восторгом смотрела на оставленный мне для созерцания кусочек мира: вечно забитую машинами узкую дорогу, переход со светофором, пешеходов. Глеб машет мне рукой с той стороны дороги. Другие дети смотрят, кому он машет. Улыбаюсь до слёз. Ни один самый лучший фильм о путешествиях не покажет такую красоту — просто твоя улица и дети.

Теперь и так не могу. Смотрю на улицу с балкона. Господи, оставь мне хотя бы это. С балкона земля наша тоже невыносимо хороша.

Какая же у нас прекрасная, интересная, но короткая жизнь.

Если отбросить глобалку, то мне обидно, что я не надену несколько клёвых шмоточек, что лежат в шкафу до весны.

Дожить, думаю, доживу, но не надену. Некуда, незачем, да и не налезут — разнесло меня от гормонов, будто на «молоканой» лапше сижу.

Стадия принятия? Нет. Каждый вечер ложусь с мыслью: вот встану завтра — а болезни нет. Улетела. Испарилась. Истончилась до сеточки и рассыпалась.

— Есть те, кому ещё хуже. И много людей на земле уйдёт раньше тебя. И многие не имеют сил жить, даже будучи здоровыми.

Знаю. У каждого своя боль и свой срок, и своя пуповина, которая сильнее или слабее держит здесь. Я могу только о себе, да и то сложно. О других судить точно не возьмусь.

Мне так надоело видеть в зеркале монстра, слегка похожего на меня, что я полистала старые фотографии. Всегда была недовольна своей внешностью. Теперь смотрю и думаю: что не устраивало?

В общем так: в гости не зову, мечтаю о мире, готовлюсь к войне. Очень прошу не давать никаких советов — вот это реально неуместно сейчас. Я знаю, что вы из лучших побуждений, но...

Лучше вспомните, не задолжали ли вы кому-нибудь молочной лапши. Пока есть время сделать. Пока сами в силах и человек ещё ждёт.

Вот решила написать об этом — и оказалось, что сегодня День Святого Николая Чудотворца...

ПРО ЛЮБОВЬ

Я заканчивала школу и мечтала поступать на журфак МГУ. Для предварительного творческого конкурса нужно было набрать пять публикаций. Надо было подобраться к городским газетам «Подольский рабочий» и «Пахра» и к подольскому радио. Тогда я познакомилась со многими хорошими, интересными людьми города. Правда, пока набрала публикации, поняла, что журналистика — это не моё. Так что правильно придумали этот конкурс.

Тогда же я познакомилась с Геней. Он работал журналистом. Помог мне с публикациями. Он на 15 лет старше меня. То есть он взрослый мужчина, с разводом за плечами, с обожаемой красавицей-дочкой, со своей взрослой жизнью. И я — малолетка. Я влюбилась до обморока. Но мы шли, конечно, совершенно параллельными путями.

Я поступила в библиотечный техникум, потом — в Литературный институт, потом — во ВГИК. За всё это время я

случайно столкнулась с Геной на улице один раз. Он и не помнил-то меня, кажется.

Вот и я жила своей взрослой жизнью: расставание с любимым мальчиком, встреча с Олегом, который стал моей самой главной любовью. Болезнь, рождение Глеба, новая жизнь с болью и чудом моим — сыном, ради которого любую боль вытерпишь.

Я нашла Гену на литературном портале и написала ему. Конечно, всё уже давно сгорело и отболело, просто хотелось узнать, как живёт человек из той моей прошлой, не ведающей боли и страха жизни.

Мы встретились. С тех пор мы вместе. Два взрослых человека, которые не готовы уже уступать ни в чем, со своими правилами, своими представлениями о том, что, как, когда, зачем. Это не тот возраст, когда возможна притирка, переделка под себя. Это трудно. Трудно даже в радости. А в беде...

Сейчас я выживаю только благодаря Гене. Он вскакивает ночью, чтобы сделать мне уколы, когда я «отъезжаю» от боли. На нём — Глеб, он его водит-возит. Он не может сейчас писать, хотя его рассказы ждут в «толстых» журналах. Ему трудно со мной. Но он рядом. Меня бы уже просто не было без него.

БАЙКИ ИЗ СКЛЕПА

Я опять в больнице, опять операция. На этот раз страшное слово «гангрена». Привезли на «скорой», как меня туда впили, я даже рассказывать не буду, у меня чувство юмора на этом моменте отключается.

В приёмном отделении дежурный врач сразу сказал:

— Ногу ампутировать выше колена, она всё равно неживая.

Я говорю:

— Но вторая такая же, хоть и без гангрены.

Он пощупал её:

— Ну и эту ампутировать, зачем они вам?

Это можно было бы принять за чёрный юмор. Но, оказавшись в отделении, я увидела столько безногих... Видимо, они не отбились. Меня посмотрел другой врач, поспорил с первым, они оба дёргали мою ногу.

— Живая! — говорил один.

— Неживая! — говорил второй.

Меня забрал к себе тот, который считал её живой.

На следующий день сделали операцию. Ногу сохранили. Наркоза я такого давно не видела. Как-то обычно без глюков: уснул — проснулся.

В этот раз было страшно. Я думала о себе в третьем лице. Вот, думаю, Валентина (имя моей мамы), она под наркозом, интересно, узнает ли она голоса Гены и Глебушки? Тут заговорили Гена и Глеб, Валентина их голоса узнала. Молодец, думаю, Валентина, а где же я? А я, Господи Боже мой, потеряла себя, своё тело и сознание, вместо меня — какой-то фрагментированный кусок пластмассы, встроенный в небольшое помещение. И как-то надо собрать себя, а как собрать пластмассу? Это жутко. Я готова была увидеть своё пусть даже мёртвое тело, но быть разбитой пластмассовой штуковиной, шарить глазами по углам, которые качаются и кружатся — это уж слишком.

Видимо, такой забористый приход бывает от бюджетного наркоза. Но отошла быстро.

Два дня спала и спала. Мне сказали, что от местного наркоза все долго спят.

Две соседки сегодня выписались, они ходячие и бодрые. Бабушка Вера Васильевна осталась. Ей 88, она совершенно в памяти и с чувством юмора. Но уже «тяжёлая», её увезут отсюда не домой, а в паллиатив. Она много спит, иногда сонья выдаёт перлы.

— Сегодня какой день?

— Пятница.

— И вчера была пятница. Что это за больница такая?

Внучка наняла бабушке сиделку Зару. Зара чудесная, своё дело знает, с ней Вера Васильевна стала вставать, есть. Мы тоже быстро с ней подружились, стали болтать.

Зара из Киргизии, ей чуть за сорок, сын-студент учится в Москве.

Она рассказывает о себе: дома с 16 лет работала в магазине, понравилась хозяину. Однажды шла домой, её схватили трое мужчин, затолкали в машину. Думала, убьют. Нет, привезли в дом хозяина, там уже всё к свадьбе готово, столы накрыты, гости собрались. Традиция! Её за специальной занавеской посадили. Маме сообщили. Мама не имеет права на свадьбе быть. Зара могла уйти. Но это — позор для семьи, может быть истолковано так, что она не девочка, и боится, что это обнаружит жених. А ещё в ногах у неё лежит древняя бабушка. Переступишь — проклянёт. Страшно. Принесли записку от мамы:

«Милая моя доченька, я думала, ты у меня маленькая, а ты уже невеста. Как быть — решай сама».

Зара говорит: о себе не думала, только о чести семьи. Вышла замуж. Мужа не любила, была ему прислужгой. Повзрослела и ушла от него, уехала в Россию. Но спасибо ему за сына,

представить не могу, чтобы этого парня у меня не было.

Зара всё время что-то забывает и вечером несколько раз возвращается в палату, никак не может уехать домой.

Уже поздно вечером больничная няня моет полы в нашей палате, задевает железную тумбочку, та гремит. Вера Васильевна просыпается:

— Это что, убивают нас? Что-то долго, быстрее бы уж.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ С. КИНГУ, КОРОЛЮ УЖАСОВ

Многоуважаемый С. Кинг! Читатели наверняка частенько рассказывают вам всякую ерунду и думают, что из этой ерунды можно сварганить бестселлер. Понимаю, что вам это уже надоело.

Но то, что расскажу я, вам точно понравится. Все так говорят? Не торопитесь с выводами, дочитайте до конца.

Начну с небольшого предисловия.

Представьте: старый дом, ночь, в доме — только женщина и её маленький сын. В общем, всё, как вы любите, товарищ король.

Эта женщина — я, дом — мой дом, а сын — мой сын. Однажды ночью мне приспичило в одно прекрасное заведение. Не включая свет, я отправилась из пункта А в пункт Б через террасу. Вдруг в темноте суровый мужской голос пригвоздил меня к месту. Он сказал:

— Красный свет — стой!

Меня затрясло. Я в доме с ребёнком. К нам кто-то пробрался. Что ему надо? Лиходей помолчал и сказал:

— Зелёный свет — иди!

Это был какой-то особо изощрённый маньяк. С оччень чёрным юмором. Я постаралась не паниковать и определить, откуда идёт голос. Определила: с табуретки! А на табуретке, вспомнила я, лежит игрушка — светофор. Он был не новый, нам его отдали, и я все бэушные мягкие игрушки постирала в машинке, не подозревая, что внутри фетрового светофора скрыт говорящий механизм. Он просох и ночью его прорвало.

Тут читатель выдыхает, но понимает, что дальше будет страшнее.

Итак, товарищ Кинг, следующая глава. Мы живём в квартире, мальчику уже девять лет, а я болею, вся в лекарствах и рецептах. То есть опять всё, как вы любите. И однажды в нашей комнате раздаётся странный писк.

Вспоминаем первую историю и подозреваем какую-нибудь игрушку. Но ребёнку уже, повторюсь, девять лет и все

его игры — в телефоне, а всякие говорящие и неговорящие игрушки скучают в кладовке. И даже если они пищат там, орут и ругают нас по матушке, услышать это мы никак не можем.

Писк стал повторяться с периодичностью один раз в час. Как вам, а? Интригует?

Мы стали подозревать соседей. Даже хотели уже спросить: а что это у вас там подозрительно пищит? Но воздержались, прислушались... Опаньки! Это же пищит источник бесперебойного питания!

Я полезла в интернет и начиталась всяких ужасов о том, что неисправный трансформатор сначала пищит, потом нагревается, а потом — воспламеняется! А я его ещё из частного дома привезла. Ему много лет, а срок службы у этих приборов — напугал меня интернет — пять лет.

Я в панике потребовала купить новый прибор. Муж купил. Отключил старый, оставил, стал устанавливать новый. И тут... раздался писк!

То есть понимаете, что происходит? Старый трансформатор отключён. Новый ещё не подключён. Но ОНО пищит по расписанию!

Мне показалось, что звук шёл из платяного шкафа. Ну, не моль же мутант там завелась... Мы проверили эту версию. Она оказалась тупиковой.

В ходе обсуждения таинственного явления прозвучало слово «помпа». И тут я поняла, что близка к разгадке. Вы много повидали, мистер Кинг, ещё больше придумали. Но уверена, что до такого даже вы не додумались бы. Нужно было дожидаться следующего писка. И когда ОНО запищало, я склонила голову к своему животу.

Пищала обезболивающая помпа.

Видите ли, уважаемый товарищ писатель, у меня в животе установлена обезболивающая помпа. Лекарство на исходе, в начале июня я должна лечь в больницу на дозаправку. Практически на техобслуживание. Как киборг. Или андроид.

И я знала, что она запищит, сигналив о том, что лекарство на исходе. И я ждала этого. Но всё же оказалась не готова к такому. Мозг поместил источник звука в другой прибор — и не только я, но и муж с ребёнком вслед за мной чётко слышали, что пищит бесперебойник.

Но, как только я точно определила источник писка, то и все стали слышать, что пищит внутри меня. Так уж устроен человеческий мозг. Этой теме можно посвятить несколько абзацев, но не буду вас утомлять, вы лучше меня это напишете.

ОНО пищит у меня в животе один раз в час. В первую ночь я просыпалась. Потом привыкла. Написала своему врачу, он ответил, что звук отключить нельзя. То есть нам это всё слушать ещё две недели. Двадцать четыре раза в день внутри меня пищит помпа.

Ребёнок знает расписание и прикладывает ухо к моему животу, чтобы получше расслышать. Говорит, что там ещё и тикает что-то. К счастью, тиканье я не слышу. Но вы, мистер Кинг, можете использовать и развивать и эту тему.

Подсказываю, как ещё можно закрутить сюжет: героиня совсем чуть-чуть не доживает до заправки помпы и отправляется в морг родного города.

Работник морга, ясный перец, не из пугливых. Но часто ли у его клиентов что-то пищит в животе? Да ещё и тикает! Он звонит, куда следует. В новостях показывают, что морг города оцеплен, работают сапёры.

Ну, как вам сюжет, товарищ писатель? Пользуйтесь. Смело пишите: основано на реальных событиях. Можете даже посвятить эту книгу мне.

А я дотерплю до госпитализации. После заправки эта штука внутри меня должна заткнуться.

БАТОН И ЗОЛОТОЙ ОГОНЁК

Батоном звали нашего кота британской породы шоколадно-тигрового окраса. Маленьким он был похож на слегка передержанный в печи батон «нарезной».

Мы с Олегом купили котёнка после моей первой операции, когда нам казалось, что я теперь накрепко привязана к дому, мы никуда не сможем ездить, и нам не придётся пристраивать кота на время отъезда.

Но я оклемалась, мы стали уезжать, за котом присматривали соседи, сестра.

Хозяином Батон выбрал Олега. Если котёнок чего-то пугался, он с разбегу, как по дереву, взбирался на плечо Олега. Когда хозяина не стало, кот прятался под кроватью. Выходил только ко мне и к Вере, крёстной Глеба. Подолгу рассматривал новорождённого Глеба, отходил, шёл к любимому месту Олега на диване, вставал на задние лапы, опираясь передними на край дивана, и тоже долго смотрел на пустое место. Оглядывался на Глеба. Что там происходило в его кошачьей голове? То ли сравнивал, то ли пытался постичь смысл этой подмены.

Вскоре Батон понял, что прятаться не нужно. Однажды к нам приехала большая компания родственников, и кот вдруг

вышел из укрытия и развалился посреди комнаты: можете гладить меня все!

Глеб рос в обнимку с Батошей. Учился ползать, ставя себе цель — добраться до кота. Был наказан, когда из любопытства не давал коту поесть — упорно, с детской жестокостью. Одного раза хватило, чтобы понять, что нельзя отнимать еду, нельзя тянуть за хвост, что мы все очень ранимы и зависим друг от друга.

Однажды Батон потерялся. Я посадила Глеба в коляску, мы с ним ходили по улицам частного сектора, я звала Батошу, мы оба ревели. Не нашли. Вернулись домой. Была сухая тёплая осень. Я стояла под сиренью и выплакивала оставшиеся слезы. Глеб вдруг загукал, показывая рукой под сирень. А там, в сухой листве, сладко спал Батон, совершенно слившийся с ней благодаря своей шоколадно-тигровой масти.

А потом Батоша заболел. У меня был совсем безденежный период. Но я взяла все деньги, какие были, посадила кота в переноску, попросила соседку тётю Надю посидеть с Глебом. Они проводили меня, стоя посреди террасы и держась за руки.

Я привезла Батошу в ветеринарку. Обследование показало, что у него отказали почки. Мне честно сказали: мы можем пару недель продержать его на капельницах, для животного это будет мучение. И мне пришлось принимать решение: усыпить. Ему сделали укол на моих руках. Он уснул. Я попрощалась с ним, потом ещё укол — сердце остановилось. Батоша ушёл к любимому хозяину.

Я села в машину и проревелась, прооралась. Приехала домой. Часа два прошло или даже больше. Тётя Надя и Глеб так и стояли посреди террасы, держась за руки: Глеб не позволил сдвинуться с места до нашего возвращения. Он спросил меня:

— А где наш котик в корзиночке?

И я не смогла сказать правду. Я сказала, что Батоша остался подлечиться, а потом он будет в ветеринарке помогать доктору Айболиту.

Шли годы, Глеб не забывал Батошу. Забывал любимые игрушки, а Батошу — нет. У Глеба появилась аллергия на котов — думаю, это психосоматика. И я всё никак не могла решиться сказать, что ни у какого доктора Айболита он не остался... Глеб вопросов не задавал. Просто помнил, просил рассказать, как мы потеряли Батошу и нашли спящим под сиренью. Или как ездили с ним в деревню, его там обижали местные коты, и я ходила в поле кормить его ночью, а потом мы поймали его и увезли домой.

А вчера...

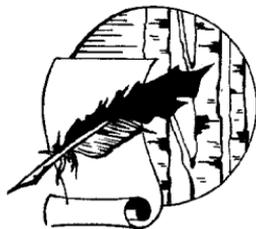
Вчера мы читали книгу «Корабль «Снежный». Там по Облачному Морю на кораблях плавают умершие животные и смотрят на карту, ждут, когда появится на ней золотой огонёк. Это значит, хозяин затосковал о своём коте или собаке, хочет, чтобы вернулся именно его питомец, а новый ему не нужен. И тогда кот или собака возвращаются к Своему Человеку, заново родившись на Земле.

Глеб сказал:

— Вот бы так было на самом деле! Тогда и Батоша к нам вернулся бы.

Оказывается, мальчик давно всё понял. Светится мой золотой огонёк...

Виктория Викторовна Евсеева родилась и жила в г. Подольске Московской области.

Алексей ПОЛУБОТА

СУМРАЧНЫЕ ТЕНИ

* * *

Как над городом Мариуполем
Затерялась моя звезда...
Я не знаю, смешно ли, глупо ли
Было рваться сквозь смерть сюда.

Знаю — стены домов обугленных
В память врежутся навсегда
Будут судьбы людей погубленных
С фотографий шептать: «Беда».

Не исправить беды тушёнкою
Что тяну я, как скудный дар...
Жутко воеет душа собачонкою
На сжигающий небо жар.

* * *

Здесь смертью дышит каждый пыльный куст,
Как часовой, застывший у дороги.
Здесь терпкий воздух нестерпимо густ,
И сбитые кресты кричат о Боге.

Меж небом и землёй осевший дом,
Здесь смотрит в вечность мёртвыми глазами...
Смерть не страшна, мы все в свой час умрём,
Страшнее, что останется за нами.

Бежим скорее в этот жуткий дом,
Где в бездну оборвалось чьё-то детство.
Не страшен грохот в небе голубом,
Страшнее крик, умолкший по соседству.

ТЕНИ

Пахнет сыростью могильной
В мёртвой тишине.
Позвонить живым мобильник
Не поможет мне.

Что за сумрачные тени?
Может, тех бойцов,
Что не стали на колени,
Смерть переборов?

Что взлетели, словно птицы,
«Смерчам» вопреки.
Там теперь дымок струится
У седой реки.

Почему они приходят
В этот смутный час?
С ними звёзды хороводят
Высоко без нас.

И с небесных терриконов
Дарит им Христос,
Вечно в Родину влюблённым,
Мёд донецких роз.

Так чего они забыли,
Что пророчат мне?!
Их тела давно остыли,
Души — на войне.

Может быть, предупреждают —
Близок грозный час,
Где закаты остывают
В мёртвых стёклах глаз...

* * *

Лето клонилось к итогу.
Плыл над Россией закат.
Ветер шептал: «Видишь, к Богу
Светлые души летят?»

Много их, павших безвестно
В южных горячих степях,
Долг свой исполнивших честно, —
В воинских алых венцах.

Завтра воскреснет Россия,
Будет Небесная Рать
Пяди её вековые
От упырей защищать».

ОБРЫВ

Ольге Блюминой

Мы стояли над обрывом,
а под ним плескалось море,
и сушил горячий ветер
наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море жёлто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко
в душном мареве ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладёт за нас.

* * *

На остывающие воды
Снежинки падают беззвучно.
И этот танец обречённый
Мне останавливает кровь.

Зачем они стремятся в бездну,
Чтоб белым в чёрном раствориться,
И даже гибелью бессильной
Усилить непроглядный мрак?!

Я вспоминаю лица юных,
В степи глухой безвестно павших...
И стали стылым чернозёмом
Их беззаветные сердца.

Но день придёт, и станет белым,
Что было чёрным безнадежно.
И будет славой непорочной
Равнина снежная сиять.

* * *

За что, за какие заслуги
Дарован нам месяц тепла?!
Сентябрь — отступившие выюги
И светом пронзённая мгла.

Листвы золотое круженье
Как чей-то прощающий вздох.
За каждой дрожащей тенью —
Людей утешающий Бог.

* * *

О Валаам, взыскующий и грозный,
Простёрший длань к горящим Небесам!
Так долго шёл я в темноте беззвёздной
К твоим, познавшим Вечность, островам.
Горят, горят Небесные Пределы,
И вспыхнул в облаках Нетленный Крест,
И я душой, от чуда онемелой,
Молюсь Тому, кто выше всех чудес.

* * *

Оранжево-рыжее золото
Родных заполярных берёз.
Эх, лето, ты как моя молодость
Бесшумно идёшь под откос!

Вновь дымка седая над сопками
И редок в той дымке просвет;
А солнце, как бабочка робкая:
Мелькнёт, и опять его нет.

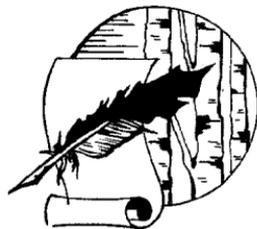
* * *

Эта белая ночь белой чайкой в глаза мне хохочет.
Над безумством ослепших от вечной зари фонарей.
Эта белая ночь на века мне разлуку пророчит,
Ту, в которой сто тысяч седых непроглядных дождей.

Эта белая ночь... Словно колокол безъязыкий,
Я пытаюсь ей, белой, о боли своей прокричать.
И сверкают, как молнии, прошлого жгучие лики,
Пред которыми трудно повинной душе отвечать.

* * *

Теперь уже поверить трудно:
В тринадцать одиноких лет
Я уходил рыбачить в тундру
Подальше от недетских бед.
Вели извилисто дорожки
Средь валунов и мхов — вперёд.
И солнцезлая морошка
Дарила скудный счастья мёд.
И пусть порой гудели ноги,
И с ними — тучи комарья;
Я знал, что ждёт в конце дороги,
Как голос друга, — шум ручья.
И каждый раз первопроходцем
Себя я в тайне ощущал.
И вровень с незакатным солнцем
На сопке делал я привал.
И каждой пойманной форели
До глубины души был рад,
И у заветных плёсов елям
Жал лапы, как счастливый брат.

Алесь БАДАК, г. Минск

ОТ ПЕЧАЛИ ДО МУКИ

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрьсови вълкомъ путь прерыскаше.

Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыеве звонъ слыша.

Аще и веща душа въ друзе теле, нъ часто беды страдаше.

Слово о полку Игореве

Столько погибло надежд и затей,
Рухнуло всё, жизнь по капельке тает...
Полоцкий княже Всеслав Чародей,
Год как в плену... И о смерти мечтает.

Вечно такое: коль ворог — родня,
То это самый безжалостный ворог.
Слышит и в Киеве полоцкий князь,
Чем и кому он на Родине дорог.

Трое дружинников княжеских мёд
Пьют за столом и его поминают.
День ли... Неделю... А может, и год...
Сколько сидят — даже сами не знают.

Молвит безусый один: «Почему
Соколом князь обернуться не может?
Что, кроме крыльев, на волю ему
Выбраться нынче из плена поможет?»

Молвит дружинник степенный: «Да вмиг
Князь бы швырнул себе небо под ноги —
С ним же, в плену, сыновья... А без них
Очи домой не увидят дороги».

Молвит дружинник седой, что всему
Время — и битвам, и родственным связям...
Лучше покинет он плен и тюрьму
Мёртвым, но только не птицей, а князем.

— Верно — ты князем вернуться сумеи,
Ворогам лютым назло и на звисть, —
Хмуро подумал Всеслав Чародей,
Крылья сложив, что в спине прорезались.

* * *

Нам роднее не стать никогда —
Понимаем мы это и сами.
Разведут нас шальные года
Прежде страсти, что вспыхнет меж нами.
Мы и видимся редко совсем,
А при встрече твердим о разлуке.
Наше счастье — оранжевый тлен,
Тихий путь от печали до муки.
А когда провожаю порой
Поутру тебя в замять шальную,
Как в церквушке икону святой,
Я тебя осторожно целую.

ТЫ ОТДАЛЯЕШЬСЯ...

Ты отдаляешься, ты отдаляешься,
От моей нежности освобождаешься,
Частых обманов, что нам суждены,
Собственной — в нашем разрыве — вины.
Кто мы? Чужие один одному.
Поздно... Не спросишь уже: «Почему?»
Поздно... Давно безразлично, когда
С нами случилась такая беда.
Можно, как некогда, поздней порой
После работы не мчаться домой.
Вновь можно думать про женщин других,
Можно молчать и не думать о них.

Многое можно... Мгновенья дробя,
Можно бродить, как бродил до тебя.
Ты отдаляешься, ты отдаляешься,
За роковую черту возвращаешься.
Прежде сигнала помчаться решила —
Это фальстарт, снова ты поспешила.
Можно заставить себя не встречаться,
Можно не видеть меня постараться,
Прошное выбросить из головы...
Но никогда мы не сможем на «вы».
Есть в наших душах, Всевышним хранимы,
Межи, что заново неодолимы.

ПАЛЬЦЫ ПИАНИСТКИ

Что тогда свело вас с нею близко?
Может, рок коварный и слепой?
Пальцы виртуозной пианистки
Оживляли музыку собой.

Всё, к чему она в твоей квартире
Прикасалась, делалось тотчас
Музыкой — портьеры, кресло, гири,
Книжный шкаф и вытертый палас.

То Шопен, то Моцарт, то Скарлатти
Слышались тебе в ночной тиши.
Бегали по спинкам клавиш пальцы —
По незримым клавишам души.

Лишь в часы, когда они подолгу
По твоим блуждали волосам,
Ты уже не слышал звуков толком,
Музыкой ты был тогда и сам.

Но позвал её тот свет неблизкий —
Ту, что хоть и многое могла.
Не была при жизни пианисткой...
Ну и что с того, что не была...

* * *

Что стоишь, опираясь на трость?..
До краёв и тебе наливаю.

Будь здоров, мой непрошенный гость —
Вечно имя твоё забываю.

Оставайся таким, как ты есть,
Мой товарищ не самый надёжный.
Ведь мы делим не правду, не честь,
А всего только вечер кутёжный.

Оставайся таким, хоть не прост,
Не ломай предо мною паяца.
Просто очень не близко погост —
Всё труднее сюда добираться.

Вызывая у недругов злость,
И неся отраженья пожарищ,
Я и сам — то непрошенный гость,
То весьма ненадёжный товарищ.

Я и сам, я и сам всякий раз,
Когда здесь оказаться случится,
Становлюсь ненадолго, на час,
То цветком, то грозью, то птицей.

ДУШНАЯ НОЧЬ

Минула полночь. Ты не спишь.
От духоты мокра подушка.
Всё в потолок глядишь, глядишь...
Плюс двадцать девять. Август. Душно.

Прекрасный звукопроводник
Вот эта тишина ночная.
Где каждый звук в тебя проник,
Покоя зыбкого лишая...

Тут сухо кашляют, бубнят,
Там слышен топот глуховатый...
Жара... И этажи не спят —
От третьего и по девятый.

И в этой тёмной духоте,
От массы сбившихся под крышей
Кроватей, кресел, мокрых тел
Сбежать бы, чтобы их не слышать.

И хоть от зноя думать лень,
Ты станешь думать про иное.
Про женщину, что пятый день
Живёт в квартире за стеною.

И чудится, что ночь пока,
Не будет жест твой неуместен:
Сквозь стену тянется рука,
И вот вы вместе.

И перед тем, как в зыбком сне
Уплыть, вы повернётесь дружно,
Чтобы вот так — спина к спине,
Лежать, не чувствуя, что душно...

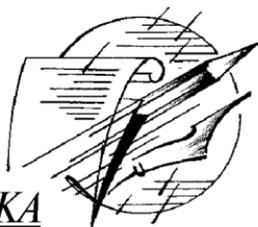
Перевёл с белорусского **Анатолий АВРУТИН**

«А НАС ЗА ШО?»

Ровно тридцать три года и две войны (гражданская и против России) понадобились Украине с момента распада СССР, чтобы полностью отказаться от транзита российского газа. А тридцать четыре года Украине уже не исполнится. Именно потому, что отказалась.

Легитимация нужна не только отдельным политикам, но и целым государствам. Но если для политиков важнее легитимация внутренняя (нам наплевать, признаёт ли Запад наши выборы и что он думает о нашей власти, пока мы её признаём, а Западу точно так же наплевать на наше отношение к их выборам и их власти), то для государства (как системы) важнее легитимация внешняя. Не признаёт мир право курдов на собственное государство, и хоть ты тресни — у немцев пять немецких (и частично немецких) государств, а у курдов курдского ни одного.

Британская и французская постколониальная практика, американские взаимоотношения с латиноамериканскими режимами, а также наша (уже российская и ещё советская), и американская тоже, практика взаимоотношений с не-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

которыми странами Азии и Африки (а иногда и Европы) свидетельствуют о том, что любой (самый людоедский) режим может быть признан «уважаемым партнёром», если он готов соблюдать политические и экономические интересы соответствующей великой державы и её клиентов. «Нет друзей — есть интересы», — в таком сокращённом виде известная британская максима будет более точным описанием цинизма международной политики.

Для моралистов хочу специально подчеркнуть, что международная политика аморальна не потому, что аморальны политики, а потому, что «жизнь такая». Условия диктуют использование соответствующих механизмов. Если твой враг готов договориться против тебя с людоедами и постоять в стороне, пока ты будешь тратить силы в борьбе с ними, то у тебя нет иного выхода, кроме как договориться с теми же или с другими людоедами против своего врага, иначе тебя сожрут.

Так действовали англичане и французы в Америке, натравливая друг на друга индейцев, которые в «мирное время», когда европейцы не воевали друг с другом, грабили поселения и тех, и других, становясь объектом европейских (иногда, хоть и очень редко, даже совместных) карательных экспедиций. Так же велась борьба европейскими странами в африканских колониях, да и Азию в ходе «Большой игры» конца XIX — начала XX века Российская и Британская империи делили по тому же принципу (чтобы ни у кого не было возможности натравить местные племена на оппонента).

И никакие согласованные нормы, никакое «международное право», никакие договоры здесь ничего не изменят.

В нынешнем мире государство является высшим сувереном. После десакрализации власти, она перестала отвечать даже перед Богом. Ныне власть сосредоточена в руках абстрактного народа, который по определению не может её реализовать, не делегировав более узкой группе лиц (людей и насущных вопросов в государстве слишком много, граждане не могут во внерабочее время собраться на одной площади и принять совместное решение, как это было на заре истории). Фактически власть отвечает только сама перед собой, но так как государство не существует без народа, а народ без государства, мудрая власть отстаивает интересы государства, предполагая, что интересы народа должны с ними совпадать, а мудрейшая, не бросая дело на самотёк, ещё и разъясняет народу, в чём именно его интересы совпадают с интересами государства и почему без государства ему будет очень плохо, вплоть до того, что жить он будет недолго.

Соответственно, в условиях абсолютного господства государственных интересов, слабо ограниченных аморфными (никогда никем не сформулированными) интересами народа изнутри, и ничем, кроме интересов других государств, не ограниченных на внешнем контуре, любые международные документы лишь до тех пор чего-нибудь стоят, пока всем подписавшим их сторонам выгодно их исполнение или до тех пор, пока тот, кому не выгодно, не может отказаться от исполнения в виду того, что реальные издержки от такого отказа, превысят потенциальные бонусы. Поэтому и получается, что в международных отношениях позволено всё, что ведёт к победе.

Политики ограничены в применяемых методах только опасностью поражения и ответственности (победителя не судят, но проигравший отвечает за всё), а также готовностью или неготовностью собственного народа принять конкретные методы. Если народ принимает концлагеря для несогласных как метод решения внутренних разногласий и геноцид как метод решения внешних проблем, они будут применены, если нет, придётся делать то же самое, но более мягко и дольше. Если народ готов поглотить и ассимилировать побеждённого врага — так тому и быть, если предпочитает помириться и жить дальше раздельно, то будет заключён мир до следующей войны.

Поэтому, чтобы не воевать непрерывно за своё существование, чтобы не жить с ощущением осаждённой крепости, чтобы вести выгодную торговлю, государства нуждаются во внешней легитимации или, говоря проще, в признании их остальными государствами равноправными членами мирового сообщества. При этом равные права не означают, что голоса России и Лесото или США и Армении одинаково весят, равные права означают, что вы имеете одинаковое право отстаивать свои государственные интересы с использованием всего набора инструментов вплоть до военной силы. Если Гондурас не сможет убедить США в своей правоте путём переговоров, он может начать против них военные действия на тех же основаниях, что и США против Гондураса.

Коренной вопрос международных отношений заключается в том, у кого больше средств воздействия на оппонента. Причём далеко не всегда военная сила является главным средством. Она всегда последний аргумент, но практически никогда не бывает главным. Главную роль обычно играют экономические интересы. Военная сила используется тогда, когда согласовать торгово-экономические интересы в принципе не представляется возможным, а защищать их надо.

С момента своего возникновения независимая Украина активно использовала свой транзитный потенциал для экономического и, в гораздо меньшей мере, политического давления на Россию. В политическом плане Украина добилась только невмешательства российских властей в процесс мягкой украинизации, шедший до 2005 года, а с перерывами — и до 2014 года (после чего украинизация окончательно стала жёсткой, а Россия прекратила политику невмешательства), а также отказа Москвы от активного содействия переходу граждан Украины в российское гражданство (опять-таки до 2014 года). Это не значит, что Россия вообще не выдавала гражданство украинцам или что она просто игнорировала украинизацию, но гражданство не выдавалось массово, а российское противодействие украинизации было исчезающе малым.

Что касается сферы экономической, то Киев практически всегда (до 2012 года) добивался того, чего хотел. Правда он не всегда хотел того, что было выгодно ему. Так Кучма заключил с Россией крайне выгодный контракт на поставку 60 миллиардов кубометров газа в год, по цене 50 долларов за тысячу кубов на десять лет (почти такой же, только по 60 долларов и на гораздо меньший объём тогда заключил Лукашенко, у которого тоже был транзит, но через Белоруссию шло в Европу 20% российского газа, а через Украину 80%).

Следующий президент, Ющенко, решил, что для Украины выгоднее рыночные цены на газ, расторг кучмовское соглашение и заключил новое. После чего цена на газ для Украины стала стабильно расти. Тем не менее, Ющенко получил именно то, чего добивался. Москва по собственной воле разрывать контракт не собиралась. Низкую цену на газ для Украины (которая всё равно приносила значительную прибыль) «Газпром» компенсировал растущими объёмами поставок газа в Европу и ростом цены на европейском рынке. Украину же низкая цена должна была мотивировать не нарушать стабильность выгодного ей транзита.

В данной ситуации для России стабильность украинского транзита была важнее всех остальных, связанных с Киевом вопросов. При Ельцине стабильность и рост объёмов торговли энергоносителями (в первую очередь газом) позволяли формировать хоть какой-то федеральный бюджет и выживать российскому государству. При Путине резко возросшие, за счёт дисциплинирования как олигархов, так и государственных кампаний, доходы бюджета стали основой реформ, вернувших России статус сверхдержавы.

Потом был рост других секторов экономики и несырьевого экспорта, но чтобы он состоялся, государство должно было изыскать средства на проведение более активной внутренней и внешней политики, в том числе экономической. Средства эти на стабильной основе первые годы мог давать только углеводородный экспорт, а значит до начала десятых годов, до ввода в строй первых обходящих Украину газопроводов, развития российскими компаниями собственных мощностей по сжижению газа, а также появления реальной альтернативы европейскому рынку в Азии, на Киве свет сходил клином. Все расходы на неэффективных коррумпированных украинских чиновников, на попытки втягивания Украины в постсоветские интеграционные процессы, а также закрывание глаз на неадекватную украинскую внутреннюю политику были выгоднее войны.

Война не просто стоила дороже, она моментально решала американскую проблему — разрыв торговых связей России и Европы, без возможности быстрого восстановления. Сейчас это нас не пугает. Десять лет назад такой разрыв привёл бы к серьёзным финансово-экономическим проблемам и росту социальной напряжённости в стране на фоне ещё не утихомирившей окончательно, стремящейся к реваншу за прокол 2011—2012 годов и верящей в свою близкую победу болотной оппозиции. Двадцать лет назад война вызвала бы экономическую катастрофу с непрогнозируемыми социальными последствиями. Двадцать лет назад и Путин был ещё начинающим президентом, только формирующим свой авторитет, потерять поддержку и доверие народа, при том что олигархическую оппозицию только начали серьёзно давить, но ещё далеко не додали, было легко, а последствия для страны были бы непоправимы.

Поэтому все досужие разговоры о том, как легко было завоевать Украину в 2014 году и как трудно сейчас, можно и нужно забыть навсегда. В 1994 году Украину было завоевать ещё легче, а в 1992 году и завоёвывать не надо было — она ещё сама не верила в свою независимость.

Все эти десятилетия российская власть решала важнейшую для России стратегическую задачу — сохранение отношений с Европой. Даже сейчас, когда США удалось свести эти отношения почти к нулю, а у России есть азиатская альтернатива, Кремль старался и будет стараться максимально сохранить хоть какие-то зацепки на европейском направлении, чтобы в перспективе вернуться в Европу в качестве её главного торгово-экономического партнёра и военно-политического союзника.

США всегда будут нашим конкурентом, а Китай не всегда будет союзником. Европа может быть плацдармом против России, но контролируемая Россией надёжно защищает её со стороны Атлантики. Европейский же рынок, равно как и европейская экономика, пока ещё относительно легко восстанавливаются собственными европейскими силами, причём Россия на торгово-экономической поддержке этого восстановления может ещё и отлично заработать. Прочный евро-российский торгово-экономический и военно-политический союз балансирует и консолидирует Большую Евразию, вынуждая Китай и Индию конкурировать за доступ к этому рынку, который опять-таки может надёжно контролировать только Россия.

Тема Большой Евразии не снята с повестки дня, но отложена до лучших времён. Тем не менее она постоянно поднимается и заинтересованно обсуждается как на встречах китайского и российского руководства, так и на саммитах БРИКС и ШОС. Она является стратегической целью с тех пор, как Путин впервые заявил о намерении создать общее пространство от Атлантики, до Тихого океана. Для Китая же эта тема актуальна в рамках его стратегического проекта «Один пояс — один путь». Собственно, именно за это, за Европу, сейчас и идёт борьба с США на Украине, да и Китай не в Антарктиду собирается свои товары поставлять в качестве альтернативы нестабильному американскому рынку, который Трамп вовсе планирует по максимуму закрыть для иностранцев, перейдя к жёсткой протекционистской политике «закрытых дверей».

Поэтому и Черномырдина, а не кого-то другого на Украину посылали. Для него не было ничего важнее интересов «Газпрома» (кстати, будучи его крупным акционером, он и материально был заинтересован в процветании компании). Это объективно совпадало с интересами российского государства. А то, что в среде коррумпированной украинской элиты Виктор Степанович был как рыба в воде, что ему не приходилось лицемерить, они для него действительно были свои, так это даже лучше. Когда враг верит в «наивных русских, которых легко обмануть», он теряет бдительность и допускает ошибки.

Путин и сейчас склонен рассказывать, как его на каждом шагу все обманывали, а он десятилетиями верил-верил-верил. Пусть на Западе так и думают. Вот только вся работа, проведённая в России за десятилетия, начиная от суверенизации олигархов, установления контроля над СМИ, достижения общенационального консенсуса, мягкого принужде-

ния бизнеса к уплате налогов (на основе соглашения об отказе от пересмотра итогов приватизации в отношении тех, кто платит налоги и поддерживает суверенную политику) и заканчивая Мюнхенской речью, военной кампанией 2008 года в Грузии, Крымом, аккуратной поддержкой Донбасса и даже Минскими соглашениями (которые, конечно, «очередной обман для выигрыша времени и подготовки к войне», только не понятно, кто выиграл время и лучше к войне подготовился, вернее понятно, но не будем хвастаться лишний раз), свидетельствует о системном недоверии Западу и многодесятилетней подготовке к масштабному столкновению с ним.

Запад попытался инициировать это столкновение в 2014 году, когда было удобно ему, мы сползли туда в 2022 году, выиграв ещё восемь лет. Сползли, когда сами решили, что пора, а лучше было на год раньше или на год позже — проверить уже невозможно: историю нельзя перезапустить как компьютерную игру, чтобы поставить эксперимент и разыграть все возможные варианты.

Украинский транзит газа в Европу США пытались остановить с 1992 года. Но жадность и коррумпированность украинской элиты, а также необходимость долговременного подавления (вначале мягкого и незаметного, затем всё более жёсткого) пророссийских настроений и русофильских организаций не давали возможности сделать это сразу. Важнейшую же роль сыграла осторожная политика России, убедившая США, что можно не торопиться, работать в долгую. Москва пожертвовала Украиной — далеко не пешкой, тяжёлой фигурой, но выиграла партию.

Моралистам, которые будут рассказывать о том, сколько людей пострадало от таких решений и сколько не дождалось своих, напомню, что в политике нет места морали — только интересы. Конечно, политик не может заявить об этом прямо, люди (а народы состоят из людей) не любят чувствовать себя бесчувственными прагматиками. Слезинка ребёнка для них не пустой звук. Политик тоже человек. Он может быть сентиментален в быту и даже давать волю чувствам на людях — это сближает его с народом. Но в момент выполнения им своих обязанностей он не более чем государственная функция, а интерес государства выше интересов человека, ибо он является равнодействующей интересов всех живущих граждан, помноженных на традицию предков и создание базы для будущих поколений.

Государство зачастую обязано жертвовать людьми ради народа, а принимающий решение политик может потом испытывать нестерпимые муки совести, но обязан принять ответственное решение. Кто не хочет, тому не надо идти в

политику, можно играть в театре Ричарда III, Бориса Годунова или Цезаря и Клеопатру.

Народ интуитивно это понимает. Поэтому в памяти народной остаются политики эффективные, добившиеся существенных успехов в государственном строительстве, независимо от их политических взглядов и идеологических пристрастий и невзирая на жестокость. Генрих VIII английский, Иваны III и IV русские, Пётр I, Сталин, Черчилль, Октавиан Август и Константин Великий не были няшками и крови пролили немало. Но новые поколения не помнят жестокостей правления, они их не застали, зато гордятся достижениями государства — в учебниках написано, в кино показывают, да и на карте видно.

А вот Горбачёва и Януковича презирают и ненавидят за то, что в критический момент они не осмелились реализовать своё право и свою обязанность применить силу, испугались пролить каплю крови, в результате кровь полилась бесконечными потоками.

Россия смогла дотянуть украинский транзит, не свалившись в военный кризис, до своего полного восстановления в качестве сверхдержавы, до достижения позиции полной неуязвимости. За это было дорого заплачено и не только деньгами, и деньги не так важны, хоть и их жалко.

Сам факт согласия России в 2022 году начать боевые действия должен был стать для Киева маяком — лафа закончилась, бить будут больно. Если уж таким маяком в 2014 году не стал Крым, который тоже не случайно не уплыл в Россию в 1992 году (более того, Украина тогда выросла никогда не входившим в состав СССР Севастополем). Но и в 2022 году в Киеве ничего не поняли. До них не дошло, что их время прошло, что труба больше ничего не стоит, что теперь какую-то ценность для Запада представляет только сам факт их готовности воевать с Россией до последнего украинца, причём для США это уже не стратегический выбор. Стратегическая проблема — российско-европейский разрыв — решена, теперь Вашингтону необходимо попытаться удержать европейский плацдарм в условиях начавшегося российского геополитического контрнаступления.

Для США остатки Украины чисто расходный материал. Её гибель Вашингтону надо сделать как можно более ужасной, чтобы впечатлительные европейцы как можно дольше боялись России и готовы были на любые жертвы, лишь бы спрятаться под ненадёжный, но в этих условиях безальтернативный, ядерный зонтик США.

Россия же и после 2022 года продолжала относиться к «братскому народу» максимально бережно. Всё же на осваиваемых после независимости территориях Украины, которые уже вошли и очевидно ещё войдут в состав России, оставались некоторые интересные промышленные активы (в первую очередь транзитные мощности, которые никогда не бывают лишними). Кроме того, через территорию Украины продолжал идти газ в Венгрию и Словакию, выступающих в ЕС за примирение с Москвой и возобновление торгово-экономического сотрудничества, а заодно и в Приднестровье, и в Молдавию (последнее несколько сдерживало антироссийских раж местных румынофилов и евроинтеграторов).

Теперь газ не идёт, а трубу, газохранилища и компрессорные станции Украина целыми не оставит — ВСУ и менее значимые промышленные объекты уничтожают, отступая. Россию больше ничего не сдерживает, а Украина уже наносит воздушные удары не только по Курску, но и по Казани, примеряясь к Москве.

И вот Путин впервые за всё время конфликта говорит, что ответные разрушения на Украине будут в разы большие, чем в России, а парой дней раньше, предлагает американцам поиграть в удар по Киеву «Орешником». Прозрение наступило, терпение закончилось, а «братский народ» испарился ровно в тот момент, когда в транзитной трубе до конца пересохли российские газовые интересы. Вместе с газовым транзитом закончилась для России легитимность украинского государства. Толку от него и раньше (кроме транзита) не было никакого, а вред оно приносило и будет приносить, пока будет существовать хоть на одном квадратном миллиметре.

Думаете, украинцы что-то поняли? Как же! Они до сих пор думают, что ловко нагадили сразу и русским, и венграм, и словакам, и молдаванам — создали мелкомасштабный кризис (на серьёзный уже ресурсов нет), и им за это ничего не будет, а США похвалят и помогут. Потом на руинах Киева и Львова будут спрашивать: «А нас за шо?»

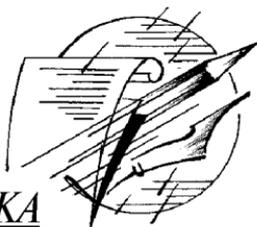
«НУЖНО БЫЛО НАЧИНАТЬ РАНЬШЕ»

Подводя на «Прямой линии» итоги ушедшего 2024 года, президент России Владимир Путин признался, что если бы он понимал ранее, как на самом деле будет развиваться ситуация и к чему всё придёт, то начал бы спецоперацию раньше. И более того — приказал бы заранее к ней готовиться.

«Вы знаете, если бы можно было посмотреть на ситуацию в 2022 году, зная то, что сейчас происходит, о чём бы я подумал? О том, что такое решение, которое было принято в начале 2022 года, нужно было бы принимать раньше. Это первое. И второе. Зная об этом, нужно было просто начать готовиться к этим мероприятиям, в том числе и к СВО», — сказал глава государства.

Что ж, давайте посмотрим, чего русской армии не хватило, чтобы с первой попытки выиграть спецоперацию, на которую противник ответил развёртыванием тотальной войны.

Основу современной войны составляют не танки, пушки и авиация, а координация и связь. Только их наличие превращает толпу вооружённых людей и стада техники в живой организм, в изощрённый боевой механизм, способ-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ный перемалывать оборону врага, пожирать его живую силу и жечь технику. Нет связи — нет ничего. Без развитой и отлаженной системы передачи данных генерал опускается по своим возможностям до уровня комбата, а комбат — до взводного. Армия или корпус распадаются на изолированные подразделения, и каждое из них противостоит совокупной мощи врага, у которого связь есть.

В течение целого десятилетия перед началом СВО наши Вооружённые силы планировали построить связь тактического уровня на основе системы «Азарт». Предполагалось, что это будет сеть радиостанций и ретрансляторов, которые свяжут в единую информационную сеть штабы, технику и отдельных бойцов. Будь эта система реализована, русская армия действительно стала бы сетевцентрической.

В реальности, однако, дело ограничилось закупкой мало-мощных раций на тайваньских комплектующих, которые, как водится, выдали за «не имеющие аналогов» отечественные разработки. Рации изначально планировались мало-мощными для обеспечения высокой скрытности от средств вражеской радиотехнической разведки. Но без ретрансляторов сигнала на бронетехнике они просто не работают. Точнее, работают, но только на расстоянии до четырёх километров. Выделенные на организацию связи миллиарды попросту разворовали.

После того, как война затянулась, а Стамбульские договорённости были сорваны, русская армия обнаружила себя втянутой в большую войну на уничтожение... и без связи.

Типичная история. «Когда заходишь на КП дивизиона, батальона, полка: в «углу со связью» парад радеек. Командирский «Азарт», внутренняя связь на разного рода «китайцах» и ещё рации смежников. Всё по-военному строго, под каждой рацией подпись о том, с кем она соединяет. Ну и Тапик (проводной телефон) где-то там же стоит», — описывает ситуацию со связью военный волонтер Алексей Живов.

Проблему попытались решить за счёт возвращения в строй радиостанций предыдущего поколения «Акведук». Они остались на складах в больших количествах и даже исправными. У «Акведуков» и с мощностью сигнала всё в порядке, и шифрование они худо-бедно обеспечивают, и псевдослучайную перестройку частоты. Однако внезапно оказалось, что срок хранения аккумуляторов у них истёк, а новых Минобороны годами не заказывало. В результате батальонные комплекты раций оказались без батарей.

В армии разразилась «баофенговая катастрофа»: военные за свои деньги стали покупать гражданские радейки, кото-

рые без труда пеленговались и прослушивались врагом. В итоге ВСУ всегда были в курсе, куда бить, откуда ждать ударов и где у наших сложилась критическая ситуация.

Фактически связь русской армии разворовали. Можно ли узнать имена людей, которые к этому причастны? Возможно, ответ на вопрос дают сводки правоохранительных органов об аресте начальника Главного управления связи ВС России генерал-лейтенанта Вадима Шамарина в мае 2024-го. Известно и то, что его предшественник на этом посту генерал Халил Арсланов греет нары в СИЗО с 2021 года по делу о хищении 6,7 млрд. рублей.

Но проблема в том, что эти деятели не расстреляны (да и не будут — с учётом нашего законодательства). А вот тысячи русских мужиков погибли из-за отсутствия связи. И это уже навсегда.

Второй страшной ошибкой стало пренебрежительное отношение к средневысотным беспилотникам большой дальности полёта. Да, к тем самым «Предаторам», «Риперам» и «Байрактарам», над которыми так задорно любили смеяться прикормленные военным ведомством телеэксперты, бодро рассказывавшие о лихих и всё сбивающих «Панцирях». «Панцири» действительно хороши, вот только они не могут сутками висеть над линией фронта, обеспечивая ситуационную осведомлённость штабам на земле.

Спецоперация могла бы пойти по-другому, и неизбежно пошла бы, если у России на момент начала боевых действий имелось бы десять полков беспилотной авиации, укомплектованных «Орионами» и «Альтаирами».

Сбивали бы украинские ПВО эти машины? Безусловно. Но при массовом применении разведывательных дронов в ответ на каждое поражение БПЛА по украинскому «Буку» или С-300 отработывал бы наш «Искандер». Размен БПЛА на зенитные комплексы проложил бы дорогу уже нашей пилотируемой авиации. Как это нужно было делать, показали вооружённые силы Азербайджана в ходе второй карабахской войны 2020 года. Тогда беспилотники взяли на себя поиск и уничтожение армянских зенитных комплексов, а по уже оставшимся без прикрытия войскам свирепо работала обычная авиация, в том числе старенькие штурмовики Су-25.

Вместо того чтобы дать армии этот инструмент, наше военное руководство и околвоенные круги занялись освоением бюджетных миллиардов, не гнушаясь отжимать заказы в пользу крайне подозрительных контор путём возбуждения чрезвычайно странных уголовных дел.

В принципе, даже в обстановке безудержного распила и ничем не ограниченного жора армии можно было дать средневысотную беспилотную авиацию, просто купив у Китая БПЛА Wing Loong I и Wing Loong II, прежде чем американские санкции сделали нас токсичным партнёром для расчётливого Пекина.

Даже с китайскими машинами мы могли бы организовать первый натиск на вражескую ПВО, причинив ей невосполнимые потери, до того как Запад наладил поставки своих и старых советских комплексов из Восточной Европы.

А вот то, что у России к началу большой войны не было массовой планирующей бомбы, даже никакими коррупционными преступлениями не объясняется. Это исключительно косность мышления и близорукость людей, которые должны были разбираться в этих вопросах на уровне Генерального штаба и командования ВВС.

Американцы дали решение задачи, создав комплект оборудования свободнопадающих бомб, состоящий из крыльев, полётного компьютера и приёмника GPS-сигнала — JDAM. С его помощью «тупая» чугуныка времён холодной войны превращается в высокоточный боеприпас, способный поразить цель в десятках километров от точки сброса, благодаря чему бомбардировщик выводится за дальность поражения зенитных комплексов и может безнаказанно производить сотни и тысячи ударов.

У нас же возобладало мнение, что и эта буржуйская выдумка авиации не нужна. Дали отмашку воспевать прицельно-навигационный комплекс СВП-24 «Гефест» — по сути, баллистический калькулятор, который учитывает положение, высоту и скорость самолёта, выполняет расчёты и производит сброс бомбы так, чтобы она упала на выбранную точку.

В качестве обязательных достоинств «Гефеста» полагалось указывать, что он позволяет добиться точности поражения, равной таковой у высокоточных систем, но при этом используя свободнопадающие бомбы. То есть на исключительную дешевизну уничтожения целей.

Мнение людей, указывавших, что схема будет работать, только пока в качестве врага выступают «тапочники», у которых из средств ПВО только пулемёт на пикапе, в лучшем случае один ПЗРК на полторы тысячи бород, а вот что при столкновении с врагом, имеющим комплексы ПВО, наша авиация умоется кровью, считалось маргинальным и не заслуживающим внимания.

Каков реальный потенциал у массовой планирующей бомбы, стало очевидно всем после того, как ВКС начали исполь-

зывать универсальные модули планирования и коррекции (УМПК) — фактически полный аналог американского JДAM. Бомбы на УМПК стали нашим ультимативным ответом на украинскую оборону. И только благодаря им наша авиация выносит тылы противника, которые ранее находились под защитой комплексов ПВО. Одна проблема: появились они в 2023 году, когда изменить ход войны было уже очень и очень трудно.

О том, что Россия на тридцать лет отстала в развитии артиллерии, писалось уже очень много. Фактически лучшее, что сейчас можно сделать, это отказаться от мечты о самоходной артиллерийской установке «Коалиция» (которая, разумеется, всех врагов заткнёт за пояс, вот только никак не может доехать до фронта) и просто наладить производство САУ «Мста-С» в 155-мм калибре по натовскому стандарту.

Многое можно сказать и о наших реактивных системах залпового огня, которые на момент СВО застряли в вечном 1980 году. Исключение составила разве что система дистанционного минирования «Земледелие».

Но есть намного более фундаментальная проблема, которая касается как ствольной, так и реактивной артиллерии, а именно — отсутствие массового высокоточного снаряда.

Дело в том, что при стрельбе на десятки километров круговое вероятное отклонение (КВО), то есть расстояние от цели, на которое снаряд будет падать, составляет сотни метров. Грубо говоря, при стрельбе, скажем, на 30 километров, артиллеристы не могут попасть в отдельный сельский дом, который заняло отделение пехоты противника, поэтому они ведут огонь по квадрату, в котором этот дом находится.

Огонь ведётся с расчетом на теорию вероятности и закон больших чисел. С пониманием того, что рано или поздно один из снарядов в цель прилетит. Естественно, чем больше дистанция стрельбы, тем больше КВО, а значит, нужно отстрелять больше снарядов, чтобы статистика нам улыбнулась.

Такой способ разрушения позиций имеет множество очевидных недостатков. Во-первых, огромное количество снарядов выпускается «по площадям», то есть без всякой пользы. Речь идёт о сотнях и тысячах тонн боеприпасов, которые нужно ещё доставить со складов и заводов из глубины страны на артиллерийские позиции. От постоянной стрельбы изнашиваются орудийные стволы.

Но, пожалуй, самый главный изъян этого метода состоит в том, что он требует очень много времени: артиллеристы должны обстреливать цель много часов, а иногда и дней. В результате вражеское командование успевает среагировать на

подготовку нашего наступления, организовав контрбатарейную борьбу и подтянув резервы.

У нас часто хвалят высокоточный управляемый снаряд «Краснополь»: мол, и летит далеко, и попадает в движущуюся технику. Всё так. Вот только «Краснополи» из-за их цены и технологической сложности составляют считанные проценты от штатного боекомплекта. А более 90% целей, по которым нужно попадать, это стационарные объекты.

Русской армии нужен высокоточный массовый снаряд, который позволял бы с одного-двух выстрелов и вражескую САУ поразить, и взводный опорный пункт разобрать, открыв дорогу своим штурмовикам.

Американцы для этой цели создали взрыватель с коррекцией курса (РГК) — небольшое устройство, которое вкручивается в обычный снаряд вместо штатного взрывателя и ведёт его по спутниковому навигационному сигналу к заранее запрограммированной точке. Ключевые преимущества РГК — низкая стоимость и способность превращать обычный боеприпас в высокоточный.

Собственно, именно эти вкручиваемые устройства обеспечили превосходство хвалёных американских гаубиц М777 над нашими 122-мм и 152-мм орудиями. При практически одинаковой дальности стрельбы американский 155-мм снаряд с РГК падает в радиусе 10 метров от цели, а наш — в 150-200. У кого больше шансов пережить такую дуэль, понять нетрудно.

Ключевое преимущество РГК в том, что он в десятки раз дешевле высокоточных снарядов «Экскалбур». Это действительно массовое изделие, которое хоть и не является простым, но и космических технологий для своего производства не требует. Ну а самое печальное, что у нас был точный аналог американского девайса: ещё в 2011 году московское конструкторское бюро «Компас» в рамках программы «Динамика» создало навигационный модуль ГЛОНАСС для артиллерийских боеприпасов.

Модуль разработки «Компаса» может вворачиваться в головную часть артиллерийских снарядов калибром 152 мм и выше, на штатное место взрывателя. Он включает комбинированный взрыватель, приёмник сигналов ГЛОНАСС и управляющие поверхности — аэродинамические рули, которые раскладываются в полёте и корректируют траекторию снаряда, — сообщил тогда источник в нашей оборонной отрасли.

Нетрудно заметить, что функционально это полный аналог американского РГК. Модуль «Динамика» стоил поряд-

ка тысячи долларов, но наши военно-промышленные круги отдали предпочтение «Краснополям», чья цена колебалась в пределах 30 тысяч долларов. Почему? Ответ более-менее очевиден любому, кто знает смысл слова «маржа».

Имея в наличии всего четыре вышеперечисленные системы, русская армия могла бы в тонкий блин раскатать ВСУ ещё до того, как Запад успел наладить масштабные поставки оружия и боеприпасов, а украинский режим сумел мобилизоваться и перевести страну на рельсы тотальной войны. Но — не случилось. Ответственные (в кавычках) люди на ряде важнейших направлений предпочитали обогащаться, прикрывая своё воровство бодрыми ТВ-репортажами и бессмысленной показухой танковых биатлонов.

Но самый, пожалуй, важный момент всей этой истории состоит в том, что... на самом деле ничего не кончилось. Из всех вышеназванных проблем целиком и полностью решена только одна: производство бомб на УМПК. Насыщение войск разведывательными беспилотниками выполнено в значительной степени, а вот необходимость срочного налаживания качественной связи и производства массовых корректируемых снарядов не только не обеспечена, но и крайне слабо осознаётся нашим обществом за исключением очень узких групп людей, «которым надо».

Но проблемы эти всё равно придётся решать просто потому, что без них не может быть современной эффективной армии. Ну а раз мы не собираемся сдаваться, то современная и эффективная армия нам однозначно нужна.

<https://tsargrad.tv>

САЛТЫЧИХА

РАССКАЗ

(Все события и персонажи этого рассказа вымышленные и являются плодами творческой фантазии автора, а любые совпадения характеров, образов и имён случайны)

Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а — месть.
Игорь Северянин

1

До Томкинска оставалось ещё добрых километров сто пятьдесят, мотор «Тойоты» убаюкивающе урчал, и удобно расположившаяся на заднем сиденье Шептунова — дородная, дорого, но аляповато-безвкусно наряженная женщина лет под шестьдесят со слегка одутловатым лицом, на котором в такт мимике, будто полужадушенные червячки, чуть пошевеливались нарисованные брови, время от времени впадала в неглубокую дрему. Погрузиться в настоящий сон ей мешали тревожные мысли о том, что сидящий за рулём муж в какой-то момент не уследит за тряской дорогой, на скорости влетит в какую-нибудь колдобину, и ёлочные игрушки, которыми был набит багажник, тряхнёт сильнее, чем позволяла их хрупкая оболочка, и они звезданутся о сваленную там же грудку топоров, в миг единый превратившись из уже почти просящейся в руки пачки долларов в скопище никому не нужных блестящих осколков.

В Томкинске Шептунова жила уже несколько десятилетий, вове-

ПРОЗА

мя, еще до развала Союза, переехав туда из провинциально-го российского Захолуйска, по которому пресловутая перестройка ударила особенно больно — одна за другой закрылись все местные фабрики, не стало работы, стремительно приходили в запустение дома и дороги, закрылся местный театр, а на умоляющие глаза смиренно сидящих возле церкви старушек с коричневыми, будто обожжённая глина, морщинистыми ладонями, которые робко протягивались навстречу каждому проходящему мимо, было не только больно, но и стыдно смотреть.

В Томкинске же всё это время был тоже, разумеется, не рай, но с захолуйскими реальностями не сравнить, поэтому туда Шептунова перебралась с радостью, уютно устроившись заведовать детским садиком для умственно отсталых детей. Золотое местечко — финансирование по полной, должность, позволяющая время от времени бывать на совещаниях достаточно высокого уровня, исподволь завода нужные связи, а спроса за итога работы почти никакого — чего ждать от дебилов, как она презрительно именovala воспитанников своего заведения?

Дебилами она мысленно величала и всё остальное население Томкинска: разве это не дебилизм — при таком остром дефиците не освоить на месте выпуск не то что хрупких ёлочных украшений, но даже топоров, необходимых на каждом подворье? Вот они с Виктором Сергеевичем и мотались по два раза в месяц между Томкинском и Захолуйском, всякий раз возвращаясь с полным багажником товара. Топоры шли нарасхват, ёлочные игрушки и пластиковые ёлки, которых в Томкинске тоже было не достать, доход приносили только накануне Нового года, но Шептуновы умело нащупывали новый дефицит, за счет которого можно было неплохо подзаработать.

Втираться в друзья к влиятельным людям Шептунова научилась, используя собственное, по её убеждению, гениальное изобретение. Узнав окольными путями какие-то штрихи биографии жены того или иного высокого начальника, она при встрече бросалась опешившей женщине на грудь с криком: «Танечка... Дорогая одноклассница... Сколько же лет мы не виделись... Как я рада!». Условная Танечка легко становилась Валечкой, Томочкой или Верочкой, что, впрочем, сути не меняло.

Изрядно подзабывшей далёкие школьные годы супруге высокопоставленного человека не оставалось ничего иного, как смущённой улыбкой ответить на этот восторженный порыв, да промямлить в ответ несколько фраз о том, какая же

это была замечательная пора — школьное детство... Дальше всё шло по давно отработанной схеме — Шептупова щедро забрасывала «одноклассницу» упаковками колготок, электрочайниками и прочей утварью, зазывала в гости, где от одного изобилия угощений у гостей сами собой начинали течь слюнки... Спустя какое-то время жена начальника уже и сама начинала верить в то, что некогда училась с Шептуновой в одной школе, отвечала приглашением на приглашение, а порой, улучив удобную минуту, с умоляющим выражением лица сообщала мужу о просьбе своей мнимой одноклассницы помочь получить очередную Почётную грамоту, а то и звание женщины года этого областного центра... Разве это не звучит лучше всякой музыки: Таисия Шептунова — женщина года Томкинской области.

2

Гостям, оказавшимся за гостеприимным шептуновским столом, к концу застолья приходилось расплачиваться тем, что в какой-то момент хозяйка дома доставала из секретера стопку общих тетрадей, в которых полудетским почерком были записаны её неумелые поэтические творения. Вкусно отобедавшим визитёрам ничего не оставалось, как выслушивать её декламацию. А читала Таисия Ивановна зычно, нахраписто, во время чтения всей своей грузной фигурой надвигаясь на слушателей, и тем порой казалось, что еще немного, и она двинется прямо на них, сметая всё на своём пути. Некоторые даже интуитивно привставали со стульев, чтобы случайно не оказаться раздавленными...

Такое нередко встречается в жизни, когда человек жаждет одного, а даруется ему совершенно иное. Шептунова с юности мечтала о поэтической славе, полных зрительных залах, восторженных глазах слушателей. Ей грезились тома собственных собраний сочинений, солидные премии, ордена и почётные звания... Только вот поэтического дара она была лишена напрочь, о чём услышала при первом же посещении редакции городской газеты, куда она, вышагивая своей нахрапистой походкой по редакционному коридору, принесла несколько тетрадей своих творений.

— Милая моя, — подняв на лоб очки и бросив сочувствующий взгляд на Шептунову, осторожно, чтобы не обидеть человека, начал заведующий отделом культуры — немолодой местный поэт, автор двух сборников и член Союза писателей, жена которого тоже успела попасть в компанию шептуновских «одноклассниц» и накануне попросила мужа отнестись к ней повнимательнее, — у вас есть замечательная способ-

ность заведовать детским садом или как там правильно называется ваше заведение... Вы умеете быстро налаживать контакты с другими людьми, быть лидером во многих делах... Вот и занимайтесь тем, куда вам сам Господь указывает дорогу... А для того, чтобы именоваться поэтом, нужно им родиться. Нужно иметь к этому делу при-зва-ни-е... Завкультуры так разволновался, что встал из-за стола и именно так, растягивая, произнёс это слово. — А у вас даже чувства ритма в стихах нет, рифма неточная, глагольная, но, главное — в ваших творениях совершенно не ощущается выстраданной необходимости говорить стихом, а это самое печальное... Так что вынужден вас разочаровать и порекомендовать не тратить усилий понапрасну..

— Ах, так? — Шептунова, побагровев, резко повернулась к выходу, — посмотрим, согласятся ли с вашим мнением в исполкоме. Там лучше знают, кто поэт, а кто нет..

В тот же день она настрочила длинную жалобу на имя заместителя председателя исполкома, в которой обвинила заведующего отделом не только в субъективном отношении к молодым дарованиям, но и в том, что руководимый им отдел культуры мало занимается проблемами глубинки, например, никак не отреагировал на открытие после капитального ремонта филиала сельского клуба в одной из деревень. Для верности придала жалобе и немного политического окраса — возмутилась, что в недавно помещённом кроссворде требовалось назвать столицу Великобритании. — Это традиционно недружественная нам страна, — не на шутку разошлась Шептунова, — а скрытая оппозиция через такие вот кроссвордики вбивает в головы подрастающего поколения интерес к чуждым нашему обществу ценностям...

Спустя неделю заведующего отделом перевели в рядовые литсотрудники, а на четвёртой полосе газеты в приказном порядке была помещена подборка шептуновских творений с портретом, на котором Таисия Ивановна в народном наряде обнимала берёзку..

3

Публикация в газете окрылила Шептунову, и она на волне успеха обратилась к главному редактору с требовательным предложением создать при газете литобъединение, возглавлять которое будет, разумеется, она.

Памятуя о том, чем для бывшего завоцделом закончилась попытка объяснить Шептуновой, что к поэзии её писания касательства не имеют, главред, скрепя сердце, согласился.

И тут Шептуновой повезло. В Томкинск по какой-то культурной программе закатил сам Станислав Ноздрин, известный поэт, главный редактор одного из популярных литературных журналов. Гостя принимали в исполкоме, водили по музеям. Разумеется, не обошлось и без знакомства с местными литераторами. Опального газетчика на встречу решили не звать, и вся инициатива оказалась в руках Таисии Ивановны, которая выбрала самый действенный путь к сердцу заезжего гостя — стала уламывать его поехать на свою роскошную дачу, где они, мол, прекрасно проведут время. Гость вначале отнекивался, шутил, что время не проведёшь, что-то бормотал про здоровый образ жизни, который только-только собрался вести, но знающая толк в подобных делах Таисия Ивановна с улыбкой парировала: «Здоровый образ жизни ведут те, у кого уже нет здоровья вести нездоровый...»

И гость уступил. На даче она щедро подливала ему в бокал дорогой армянский коньяк, подкладывала в тарелку бутербродики с икрой да только что снятый с мангала ароматный шашлычок... Не забыла растопить и баньку.. А когда поэт немного разомлел и дошёл, как ей показалось, до кондиции, извлекла грессбух со своими стихами... Но не тут-то было — послушав пяток минут, десятилетиями закалявшийся на подобных хлебосольных встречах, а потому не потерявший от угощения головы, гость неожиданно для Шептуновой заявил: «Знаешь, Таиса, как я безошибочно определяю, кто поэт, а кто графоман? Поэт всегда просит заезжую знаменитость прочесть что-нибудь новенькое, а графоман непременно заставляет гостя слушать собственную дребедень... Дребедень, Таиса, у тебя в тетрадке, дребедень... Нет у тебя никакой школы... На растопку мангала пустила бы свои тетрадочки, да и не маялась дурью.

— Рукописи не горят, — почувствовав, как нервный пот заструился вдоль позвоночника, попыталась обратить щекотливую ситуацию в шутку Шептунова.

— У избранных не горят, а у остальных, и у тебя в том числе, не тонут, — хмыкнул гость. Впрочем, тут же смягчился, натянуто улыбнулся: — Но баба ты гостеприимная, и я на твоё гостеприимство попался. А раз попался, скажу своему завпоэзией, чтобы выбрал у тебя пару-тройку стишат, переписал да сдал в номер... Так и быть, помещу в благодарность за твою баньку..

Гость своё слово сдержал, и спустя несколько месяцев подборка из трёх, переписанных от начала до конца, но всё равно оставшихся корявыми шептуновских творений, появилась в журнале.

Шептунова, предусмотрительно выписав целых два десятка экземпляров, моментально разнесла их по высоким кабинетам местной власти, которая тут же решила, что поскольку Таисию Ивановну публикуют в таком авторитетном издании, то отныне Шептунова и есть главная поэтическая величина Томкинска и именно её мнение в творческих вопросах этого дня будет определяющим.

4

Литобъединение, которое Шептунова создала при городской газете, она многообещающе назвала «Звёзды Олимпа», а на заведенной газетой литературной странице первым делом располагала свою пространную подборку и только небольшой кусочек оставшейся площади отводила под творения менее пробивных авторов. Причём публиковала с разбором — не тех, кто пишет лучше, а тех, кто активнее поддакивал каждому её слову. Если же кто-то из начинающих осторожно выражал несогласие с тем, что Таисия Ивановна из номера в номер публикует в основном себя, или, не приведи Господь, указывал на неудачную строку в её стихотворении, фамилии такого автора в газете вообще больше не появлялось. Вычёркивала безжалостно — без всяких объяснений и навсегда.

Властную тактику Шептуновой окружающие усвоили быстро — желающие публиковаться стали поддакивать ей ещё старательнее, более же своенравные попробовали было создать в городе собственное литобъединение, но Шептунова мгновенно пресекла их инициативу, заявив в исполкоме, что собирающиеся там — сплошь маскирующиеся враги государства, националисты, мошенники и прочая нечисть. Никакого криминала ни за кем из конкурентов не водилось, но начальство решило и здесь на всякий случай перестраховаться. Тогда-то она впервые и услышала за спиной, произнесенное шёпотом новое для себя прозвище: «Салтычиха...»

5

Главенство в литературных делах Томкинска Шептунову радовало недолго. Ей грезилась настоящая литературная слава, а для этого нужно было покорять большие города. Только вот чем? Таисия Ивановна прекрасно сознавала, что в литературных столицах её с такими творениями всерьёз никто не воспримет. Вот бы найти известного поэта, который был бы ещё и хорошим редактором, может, он согласится профессионально переписать её творения? Но только к кому обратиться?.. Как назло, не прочитавшая после школы ни одного поэтического сборника, Шептунова, сколько ни морщила лоб,

не смогла вспомнить фамилии никого из известных современников.

— Может, к Ахматовой обратиться? — почти вслух подумала она, — ковёр ей подарить... Или печку СВЧ?.. Если начнёт отнекиваться, можно и то, и другое... Только она, кажется, совсем старенькая уже, а может, и вовсе умерла... Или к Ахмадулиной, если это не одно и то же лицо... Но как из Томкинска её сыщешь?

Не в характере Шептуновой было останавливаться на полпути. Заехала в книжный магазин, куда до этого не заглядывала много лет, стала рассматривать полки с новинками современной литературы. Одна, красиво изданная в серии «Золотая рифма», ей приглянулась. Понравилась и помещенная на оборотной стороне обложки фотография Игоря Левицкого, автора этой книги — открытое лицо, едва заметная доброжелательная улыбка, глаза отзывчивого человека... «Такой не откажет», — моментально решила Шептунова и, подозревая продавщицу, поинтересовалась, нет ли у них в магазине номера телефона или адреса автора?

— Как же, как же, — оживилась женщина, — Игорь Арсеньевич с полгодика назад приезжал в наш город с выступлениями и к нам в магазин заходил, интересовался, спрашивают ли его книгу? И визитку свою оставил, сейчас посмотрю... Женщина скрылась за дверью служебного помещения и через пару минут вернулась, держа в руках визитную карточку: «Записывайте номер мобильного...»

6

К дому Левицкого они с Виктором подкатили часа за два до условленного времени. Игорь Арсеньевич предупреждал, что задержится на радио и просил не торопиться, но они всё равно приехали заранее, терпеливо поджидая его в машине.

Шептунова узнала поэта моментально, едва стоило тому появиться возле подъезда. И пока муж одну за другой извлекал из багажника сумки с презентами, подбежала и заискивающе заглянула в глаза: «Наконец-то, дорогой Игорь Арсеньевич, я вас увидела... Боже, какое это счастье! С детства зачитывалась вашими стихами, можно сказать, выросла на них. Вы — мой учитель, главный и единственный!..»

Левицкий даже немного растерялся — такого потока восторженных слов он явно не ожидал. Совершенно незнакомая женщина, и вот, пожалуйста, — говорит, что выросла на его стихах... Хотя, судя по виду, она вряд ли моложе его и в детстве стихов Левицкого читать не могла. Он приветливо посмотрел на гостей.

— Да не стойте вы на улице, пойдёте в дом... Только это всё спрячьте, не нужно — лишнее и совершенно ни к чему, — он показал глазами на извлечённые из багажника сумки.

— Ради всего святого, — забежала вперёд и умоляюще заглянула в глаза Левицкому Шептунова, — не отказывайтесь, это от чистого сердца — столько лет мечтала познакомиться с вами. Даже сейчас стою рядом и глазам своим не верю — вы ли это? И что я даже могу до вас дотронуться, — она осторожно коснулась его плеча... — Вы... И я вас вижу.. Боже, какое счастье...

Она продолжала твердить восторженные слова и тогда, когда они вошли в подъезд и начали подниматься по лестнице. Виктор, пытаясь от напряжения, старательно тащил в обеих руках набитые презентами баулы...

— Вы не подумайте, это всё от чистого сердца — со своего огородика своими руками выращено и из тёплых краёв в отпуск привезено, — Таисия Ивановна старательно выкладывала гостинцы на кухонный стол.

— А ко мне то вы зачем? — наконец поинтересовался Левицкий. — Только моё творчество похвалить?

— И попросить автограф, — лелейным голоском подхватила Шептунова. — Это будет для нас самой дорогой реликвией. Ну и ещё одна проблема...

— Стихи пишете и хотите, чтобы я посмотрел? — почти догадался Левицкий.

— Пишу, дорогой Игорь Арсеньевич, всю жизнь пишу, да что толку? Разве в Томкинске настоящему мастерству научишься? Я там белая ворона! Учить некому! А так хочется действительно достойную книгу стихов издать, в Союз писателей вступить... Чтобы быть вместе со всеми...

— Со всеми — это как?

— Образно говоря, летать в одной стае с другими пишущими! — нашлась Шептунова.

Левицкий нахмурился:

— Как раз белые вороны стаями и не летают... Они каждая сама по себе личность...

Увидев влажнеющие глаза Шептуновой, Игорь Арсеньевич смягчился:

— Показывайте, что привезли.

Татьяна Ивановна приблизила лицо почти к самому уху поэта и горячо зашептала:

— Сделайте из этого настоящую книгу, умоляю... Я хорошо заплачу...

Левицкий, не отвечая, одну за другой перелистывал страницы рукописи... То, что там процентов девяносто пять гра-

фомании, ему стало понятно сразу же, но кое-где встречались и неплохие строчки, которые умелая и опытная рука могла бы превратить в приличное стихотворение... Да и сама гостя — человек, судя по всему, весьма положительный. Сейчас ведь не время, когда имена поэтов гремят, как некогда, многие и о поэте Левицком никогда не слыхали, а она вон что говорит. Даже если и лукавит, всё равно приятно.

Он осторожно коснулся её руки:

— Не нервничайте... Оставьте рукопись, я примерно за месяц попробую привести её в пригодный для издания вид.

Шептунова просияла:

— Я так и знала, что мой любимый поэт мне не откажет... Я заплачу.. Я очень хорошо заплачу.. Хотите, сейчас аванс оставлю... Витя, где кошелёк?

— Пока никаких благодарностей, я ведь ещё ничего не сделал. Вдруг вам не понравится моя правка... Или ещё что-нибудь... Потом разберёмся...

— Да-да, потом... Именно потом... Непременно потом, — твердила Шептунова, торопливо пятясь к выходу и толкая мощными ягодицами неплотно закрытую дверь. — Поехали, Витя, скорее... Не будем мешать Арсению Игоревичу.. От волнения она переставила местами имя и отчество хозяина квартиры, но Левицкий не стал её поправлять и только едва заметно улыбнулся — если так разнервничалась, значит поэзия для неё действительно важна и дорога...

7

Левицкий за месяц и вправду переписал практически все стихи и сам же договорился со знакомым издателем, попросив того особенно не заламывать цену и выпустить сборник как можно скорее. И уже через три с половиной недели светящаяся от счастья Шептунова прижимала к груди сверкающую яркой голубой обложкой книжицу со своей фамилией на обложке.

— Отныне вы не только мой любимый поэт, — горячо повторяла она, — вы мой духовный наставник и учитель на все времена, до конца жизни я ваша...

Спустя месяц Шептунова появилась у Левицкого с новой рукописью и на сей раз держалась уже заметно увереннее, даже высказывала за чаем некоторые собственные суждения о поэзии. Внимавший ей в пол-уха Левицкий едва успевал вздрагивать от этого потока невежества:

— Читать вам нужно хороших поэтов... И много... Тогда и мастерства прибавится. К вашим организаторским способностям еще бы и самого банального поэтического ре-

месла, — раздумчиво произнёс он, когда они на кухне отмечали выход в свет её второй книги. — Цены бы вам не было... Тем более, что такой человек нам в самое ближайшее время может понадобиться

Шептунова, почувствовав, что начинается какой-то серьёзный разговор, внутренне напряглась, будто готовящаяся к прыжку рысь:

— Я всегда готова... С вами плечом к плечу... В одной команде...

Игорь Арсеньевич промолчал, блуждая мыслями среди неожиданно возникших на днях проблем, которые могли переменить многое в его творческой судьбе. А, может, и в судьбе этой женщины...

8

В Светлоярске Союз писателей решительно перестраивал свою работу — к руководству организацией пришли другие люди, и Игоря Арсеньевича, всегда старавшегося держаться на максимальном расстоянии от разного рода литературных дрызг и организационных вопросов, неожиданно для него самого волна перестановок вынесла на самый гребень, усадив его в кресло первого секретаря. Левицкий прекрасно понимал не только то, что собственное творчество теперь отойдёт на задний план, но и то, что долго ему в этом кресле не усидеть: старые кадры, немного оправившись от испуга, любыми способами снова полезут вверх, и сопротивляться их стремлению в очередной раз занять те же кабинеты будет особенно некому. Да и ни малейшего желания локтями и зубами выгрызть себе привилегированное положение в Союзе у Левицкого никогда не было. Сейчас бы справиться с тем, что лично ему поручено сделать на данном этапе, а там — как карта ляжет...

И одной из первейших его задач было подобрать достойного руководителя заново создаваемой Томкинской писательской организации. Такого, чтобы на него можно было не только опереться в трудную минуту, но и который будет терпеливо налаживать творческий процесс на местах, кропотливо выискивать новые дарования... И мысли его всё чаще останавливались на кандидатуре Шептуновой — настоящего поэта из неё, разумеется, никогда не выйдет — талантом Господь не наделил, но ученье схватывает ловко, уже и рифмы поточнее стали, и даже отдалённые намёки на образы в её стихах появились... К тому же организатор она сильный, литобъединение создала при местной газете. Чего здесь долго раздумывать? — более подходящей кандидатуры в области всё равно нет.

Через пару недель Шептунову по предложению Игоря Арсеньевича избрали председателем местного отделения Союза писателей, куда в основном вошли, только уже в более высоком статусе, члены некогда созданного ею литобъединения, и она по этому поводу закатила пир для узкого круга близких людей, где со слезами на глазах благодарила Левицкого за поддержку и доверие, в тысячный раз клялась в верности, любви и дружбе.

9

Опасения Левицкого по поводу собственного положения в Союзе писателей начали сбываться даже быстрее, чем он предполагал. Оставшиеся было не у дел литчиновники прежнего созыва, перестроив ряды, начали дружно обивать пороги высоких кабинетов, выпрашивая себе тёплые местечки и поливая грязью взявшихся за перестройку организации новобранцев.

В один из таких кабинетов холодным февральским утром пригласили и Шептунову. Сидевший за столом седовласый пухлый мужчина с бегающими глазами смерил Таисию Ивановну колючим взглядом:

— Садитесь! Надеюсь, вы понимаете, что разговор у нас с вами конфиденциальный и рассказывать о нём никому, даже мужу, не рекомендуется?

Шептунова энергично закивала головой и внутренне подбралась. Если разговор идёт на таких тонах, значит сейчас начинается самое интересное. Возможно, от неё потребуют совершить что-то очень важное и, если она справится, чем-нибудь наградят. От мысли о награде у Шептуновой даже дух захватило, и она едва не упустила начало следующей тирады.

— Дело в том, Таисия Ивановна, что некоторые заслуженные люди считают вашего наставника Игоря Арсеньевича Левицкого человеком, который по разным причинам, не стану их сейчас конкретизировать, не должен занимать пост первого секретаря...

Седовласый немного помолчал, оценивающе всматриваясь в лицо Шептуновой — какая реакция промелькнёт на её пухлой физиономии? Физиономия ни малейшего возмущения услышанным не выражала, на ней светилась полнейшая готовность выслушать самое главное — какая роль в этом деле отведена, ей, Шептуновой?

— Все мы знаем, что Левицкий — человек заслуженный и с немалым авторитетом. Просто так его не уволишь. Нужно для начала попытаться как-то его скомпрометировать. Под-

сказываю способ. У Левицкого недавно вышла в свет новая книга, которая выдвинута на высокую премию. Если он её получит, а все предварительные инстанции книга благополучно прошла, скovyрнуть вашего наставника с должности станет весьма проблематично. Предлагаю вам захватить с собой одного-двух надёжных людей и явиться ко мне на приём с этой самой книгой, где будут красным карандашом подчеркнуты места, которые можно толковать по-разному. У Левицкого сложная манера письма и не все её понимают. Поэтому найдите такие страницы и обвините автора в чем угодно — в нищезанстве, например, или в попытках искусственно насадить в нашем обществе давно опровергнутые жизнью идеи Маккиавелли... Это всё, разумеется, ерунда, но пока будут разбираться, время уйдёт и премии Левицкий не получит...

— А нельзя будет вместо его фамилии вписать в наградной лист мою? — немного осмелев, спросила почувствовавшая собственную причастность к задуманной начальством комбинации Шептунова?

Опешивший от такой наглости хозяин кабинета нахмурился, и Шептунова мгновенно поняла, что запросила лишнего. — Или хотя бы выпустить мой сборник за счёт госбюджета... В серии «Золотая рифма» — уже менее уверенно пробормотала она.

— Вы вначале справьтесь с тем, что вам доверено сделать, а там поглядим. Особенно не тяните — жду вас на следующей неделе. И запомните — мы с вами до этого ни разу не встречались и ни о чём не говорили. Я вас не знаю и ничего вам не поручал...

10

Всё вышло именно так, как и планировалось. Шептунова в компании с двумя, умеющими хорошо поддакивать, членами своего отделения записалась на приём к седовласому и, оказавшись в его кабинете, долго и сбивчиво рассуждала на тему о том, что вся поэзия Левицкого — это стусок чуждой нашему обществу философии, закамуфлированный под благородные рассуждения о высоких материях. Седовласый слушал молча, временами делая какие-то пометки в блокноте...

Когда Шептунова закончила, он буркнул, что сомнения её выглядят малоубедительно и подорвать завоёванный годами творческий авторитет известного поэта, разумеется, не могут. Но он, мол, в любом случае обязан доложить о её визите собственному руководству, которое скандалов вокруг имён претендентов на награды не любит.

Шептунова, прощаясь, аккуратно положила ему на стол два экземпляра заявки на издание её книги избранного в серии «Золотая рифма» — одну на имя директора издательства, вторая адресовалась лично ему.

...Пока суть да дело, в списке лауреатов фамилии Игоря Арсеньевича не оказалось и седовласый, делая вид, что утешает поэта, протянул ему оба экземпляра собственноручно написанных Шептуновой заявок:

— Однако, какова твоя воспитанница! Была у меня, нагадить тебе пыталась. Видишь, какую змею пригрел? Теперь оба пожинаяем плоды... Ты же знаешь, что я — твой друг, поэтому обещаю — пока занимаю этот кабинет, ни в какой «Золотой рифме» её книга света не увидит. Только не кисни и давай выпьем по маленькой за твой талант..

Левицкий хотел было запротестовать — мол, не привык он выпивать среди рабочей недели, вышибает выпивка из творческого ритма, но седовласый настойчиво придвинул к нему рюмку, хмыкнув: «Вредно пить ежедневно, для этого есть дни, которые на «С» начинаются — среда, суббота и сегодня...»

11

Снимали Левицкого с должности бурно. Заранее проинструктированные члены президиума обвиняли его едва ли не во всех смертных грехах. Один румяный здоровяк договорился до того, будто Игорь Арсеньевич, несмотря на все просьбы, не выделил ему машину для поездки на выступление в отдалённый посёлок. И хотя никакой машины в Союзе писателей не было вообще, и выделить Левицкий, при всём желании, ничего не мог, ему и это поставили в вину. Как обвинили и в отсутствии у членов Союза новых ярких произведений, будто бы это он, Игорь Арсеньевич Левицкий, кому-то мешал сесть за письменный стол и написать нечто значительнее тех беспомощных повестушек и виршей, которые только и наличествовали в творческом багаже большинства собравшихся.

Шептунова выступала дольше всех, срываясь на визг, кричала, что первый секретарь совершенно устранился от помощи менее опытным литераторам и от него не дожидаться ни дельного совета, ни товарищеского напутствия, в которых так нуждаются авторы, только нащупывающие свой путь в литературу.

12.

После того скандального заседания Шептунова, теперь уже по собственной инициативе, разослала по разным ведом-

ствам анонимные письма, в которых на чём свет клеймила творчество своего недавнего покровителя — чем чёрт не шутит, может, где-нибудь и прислушаются, глядишь, и не издадут ему нового сборника, не пригласят в жюри, не включают в состав совета, поостерегутся отметить дипломом...

Впрочем, очень скоро её всерьёз стало тревожить совершенно другое. Минуло совсем немного времени, и люди, участвовавшие в расправе над Левицким, начали один за другим отправляться в лучший мир. Первым неожиданно скончался от инсульта тот самый румяный здоровяк, которому Левицкий якобы когда-то не дал машину, следом за ним с небольшим интервалом умерли от скоротечного рака оба провинциальных литератора, ходившие с Шептуновой к седовласому, через пару месяцев отправились к праотцам двое представителей старой гвардии — наиболее яркие инициаторы всей этой вакханалии. Потерял память и перестал узнавать родных и близких седовласый, в кабинете которого теперь восседал сорокапятiletний неулыбчивый человек в неизменном сером костюме с таким же серым лицом и немигающими глазами...

Обнаружили онкологию и у мужа Шептуновой Виктора, доселе никогда в жизни не жаловавшегося на здоровье. Перепуганная Таисия Ивановна в отчаянии метнулась за помощью в храм, на который всегда щедро жертвовала.

Отец Николай, выслушав её рассказ о внезапной болезни мужа, немного помолчал, после чего осторожно спросил: «А сама-то нигде сильно не нагрешила? Может, Виктор за твои прегрешения страдания претерпевает?»

Особым грехом предательство своего наставника Шептунова не считала, но всё же, пораскинув мозгами, решила, что лучше будет, если она расскажет отцу Николаю и эту историю, и тот факт, что её участники самым непонятным образом уходят из жизни.

— Это же с болезнью Виктора никак не связано? — с надеждой взглянула она на священника. Тот долго молчал и только тени глубоких сомнений отражались на его худощавом лице.

Наконец отец Николай медленно, взвешивая каждое слово, заговорил:

— Вы кого там со света сживали: поэта, говоришь? А известно ли тебе, что Библия написана стихами, а значит, её тоже некогда писали поэты? Нигде ты об этом не прочтёшь, но опыт минувших столетий показывает, что Творец к некоторым, особо оберегаемым им поэтам, порой приставляет своего ангела-хранителя, в критические моменты жизни беспо-

шадно мстящего тем, кто пытается причинить поэту страдания. Причём, если процесс наказания начался, даже сам поэт не в силах его остановить. Вы, скорее всего, подняли руку на одного из этих людей, и Господь велел примерно вас покарать. Удар, предназначавшийся тебе, пока что принял на себя твой муж, который, по всей видимости, слепо тебя любит, потому и жертвует собой. Молись, чтобы муж твой выжил, и помни — ещё один раз сотворишь нечто подобное, и тебя уже не спасёт никакая сила на свете...

13

Виктора похоронили осенью, когда палая листва уже устелила дорожки кладбища и к свежевырытой могиле пришлось пробираться по раскисшему желтому суглинку, оставляя на нём расплзающиеся на глазах следы обуви, которая будто притягивала к себе эту жёлтую глиняную размазную, не желавшую отлипнуть от ботинок и будто напоминавшую присутствующим, что вместе с размазнёй этой они понесут в свою мирскую жизнь липкие комочки будущей смерти.

Шептунова две недели, не вставая с кровати, провела по мужу — одна в своей огромной опустевшей квартире, но после этого решительно подхватила с постели и с головой окунулась в работу, первой рапортуя о поддержке любой предложенной руководством инициативы и с ещё большим остервенением вытаптывая вокруг всё, что казалось ей одарённым и ярким. Теперь уже местные литераторы именовали её Салтычихой почти в открытую, но поделаться всё равно ничего не могли — в любой спорной ситуации чиновники и в Томкинске, и в самом Светлоярске стояли за неё горой.

14

Днём она забывалась в гуще повседневных дел, с кем-то беседовала, кого-то принимала, но больше обзванивала руководство, бдительно предупреждала, что, мол, тот ваш подчинённый в приватной беседе позволил себе высказать о вас это, а вот этот, по всей видимости, не прочь занять ваше место, потому как того, кто не пользуется вашей симпатией, не только не чурается, но даже сидел с ним рядом на вчерашнем поэтическом вечере... Начальство к её бесконечным звонкам с неизменными доносами давно привыкло и даже посмеивалось над ними — мол, ну и стерва, но пресекать такое доносительство не торопилось и при её личных наездах в Союз встречало приветливыми улыбками да бутербродами с колбасой.

А вот ночами ей было худо. Стоило, приняв двойную дозу снотворного, ближе к утру провалиться в неглубокий сон, как откуда-то из темноты выплывало бледное лицо Игоря Арсеньевича, который ничего ей не говорил, а только всё глядел и глядел на Таисию Ивановну удивлённым взглядом, глядел, будто никак не мог уразуметь — неужто и вправду живое существо, именующее себя человеком, способно на подобное...

И однажды она не вынесла этого укоряющего взгляда и, едва дождавшись рассвета, схватила телефон и набрала номер Левицкого. Вначале ей долго никто не отвечал — видимо, на том конце провода, увидев, чей это звонок, никак не могли решить — стоит ли снимать трубку.

Наконец послышался хрипловатый голос Левицкого:

— Слушаю, Таиса... Что-нибудь стряслось? Вам моя помощь нужна?

Шептунова едва не лишилась дара речи. Подумать только! — он ей, несмотря ни на что, готов ещё и на помощь прийти.

— Я бы очень хотела, — промямлила она умоляющим тоном, которым пользовалась только в крайних случаях, — я бы очень хотела, дорогой Игорь Арсеньевич... чтобы мы с вами опять стали друзьями... Как раньше... Я к вам и к вашему необыкновенному таланту всегда относилась и отношусь с огромной любовью... Мы с вами — два самых талантливых поэта во всём нашем Союзе... Именно поэтому нас всегда стремились поссорить... Я и тогда, в тот ужасный день, не хотела сделать вам ничего плохого... Меня заставили... Меня долго пытались заставить, но я отказывалась... И только когда речь зашла о жизни и смерти моих близких, не сумела устоять. Я ведь всего лишь слабая женщина, мать и жена... А теперь ещё и вдова... Она всхлипнула... Простите меня и давайте всё забудем... Более верного друга, чем я, у вас никогда не будет...

Левицкий какое-то время молчал. Вспомнились некогда переданные ему седовласым два листочка бумаги, на которых полудетским почерком Таисии Ивановны были написаны заявки на издание её книги в серии «Золотая рифма». В качестве награды за предательство. Вспомнилась её просьба вычеркнуть из премиального списка фамилию Левицкого и вписать туда Шептунову — тоже седовласый под рюмочку с усмешкой рассказал.

Но ведь с той поры столько воды утекло, видимо, немало эта женщина, перенесшая большое горе — кончину мужа, передумала и пережила. Как знать, может быть, его, заново

протянутая рука, и есть та последняя ниточка, что поможет вернуть её в лоно человечности?

Стараясь говорить как можно спокойнее, Левицкий произнёс:

— Видите ли, Таисия Ивановна, я прекрасно знаю, что предавший единожды, непременно предаст снова... Поэтому друзьями мы с вами больше никогда не будем... Другое дело, что поскольку в одной творческой организации состоим, совсем уж избежать общения и невозможно, и даже нелепо... Я ведь не кисейная барышня... Будут какие-то вопросы по существу, звоните...

— Как же я вам признательна за то, что не оттолкнули, — заверещала в трубку Шептунова. — Еще раз говорю, что я — ваш самый верный и надёжный друг. Помню, что у вас месяц назад день рождения был. Тогда же и подарок для вас купила, всё ищу возможности передать...

«Только подношений от Шептуновой мне не хватало», — мысленно усмехнулся Левицкий, давным-давно раздавший бомжам и соседям все полученные им в своё время от Таисии Ивановны подарки, включая импортную люстру, печь СВЧ и дорогой ковёр. В трубку же сдержанно проговорил: «Я рад, если вы что-то поняли». И нажал на рычаг.

15

Года полтора Шептунова на всех мероприятиях, где им доводилось пересекаться, бросалась к Игорю Арсеньевичу с объятиями, на весь зал объявляла его своим первым наставником, несколько раз уговаривала организовать совместное выступление. Одним словом, всячески изображала, что никаких конфликтов между ними никогда не было...

И всё в их взаимоотношениях выглядело прекрасно до того дня, когда её вновь пригласили в тот самый высокий кабинет, куда она уже однажды входила.

Новый хозяин кабинета начал без обиняков:

— Таисия Ивановна, вы звание «Народного поэта» получить хотите?

У Шептуновой, совсем как в прошлый раз, перехватило дыхание — все остальные звания она уже успела выклянчить, но это всегда казалось ей недостижимой звездой или сном, которому не суждено сбыться...

Не дожидаясь ответа, хозяин кабинета продолжил:

— Видите ли, мы бы вас, заслуженного человека, не стали привлекать на сей раз, но другой кандидатуры, взвесив все «за» и «против» для этой миссии не видим. Зная ваши моральные качества... — хозяин кабинета ухмыльнулся... —

надеемся, справитесь и на сей раз. Тем более, что объект всё тот же — ваш «любимый» Левицкий... И ситуация во многом схожая. Видите ли, как ни крути, а он — один из самых известных поэтов в нашем писательском Союзе, его и за рубежами страны хорошо знают: куда ни приедешь на литературный форум — отовсюду ему первым делом приветы передают. А вот звания почётного у него до сей поры нет. Среди членов организации непонимание нарастает — требуют представить. И представили бы, да только сам Антон Фёдорович об этом же звании мечтает и надо бы как-то его вперёд Левицкого пропустить — всё же при высокой должности человек. И хотя литератор он по сравнению с Левицким никакой, но ожидать ещё год не желает, а больше одного человека в году мы представлять не имеем права. Пусть лучше Левицкий, хоть он и старше намного, и заслуг у него несравненно больше, подождёт. Через год представим... Если доживёт, конечно — немолод уже. Так что ваша задача найти какую-нибудь зацепку в его последних публикациях и раздуть вокруг них шумиху... Пока начальство разберётся, и всё уляжется, глядишь, Антон Фёдорович значок заслуженного и получит... А вас мы тут же на «Народного» рекомендовать будем.

16

Долго ломать голову над тем, как ей на сей раз перебежать дорогу Левицкому, Таисии Ивановне не пришлось — благо, рок всегда шёл ей навстречу, когда она задумывала очередную аферу.

Буквально на следующий день после разговора в высоком кабинете ей позвонил из Питера знакомый литератор и попросил потеплее встретить его московского приятеля — владельца небольшого литературного сайта, который направляется в Томкинский район навестить могилы своих предков. Сайт у гостя был явно «жёлтый» и держался на плаву тем, что регулярно поливал помоями всё, что имело отношение к хорошей литературе, а заодно и массу чем-то не угодивших самому владельцу сайта порядочных людей. На такие публикации в Москве давно уже никто не обращал внимания, но Шептунова быстро сообразила, что в Томкинске совершенно иная ситуация, чиновники высокого ранга в поэзии смыслают мало, а вот на публикацию зарубежного интернет-портала да ещё с авторитетным, на первый взгляд, названием, могут отреагировать достаточно резко. И, распечатав несколько первых попавшихся в интернете стихотворений своего наставника, тут же предъявила их гостю в качестве образчиков враждебной философии, человеконенавистничества, и

прочая, и прочая. Заезжий визитёр ничего подобного в тех же стихах не обнаружил, но решил, что такая искусная умелица находить врагов ему очень даже может пригодиться — опереться-то не на кого. И тут же предложил ей изложить свои измышления отдельным посланием на адрес редакции, что Шептунова, не вставая из-за столика, за которым потчевала коньяком залётного гостя, и сделала. Благо, ноутбук она в ресторан предусмотрительно захватила... Через несколько часов на сайте появилась напоминающая донос реплика, в которой, правда, осторожный гость право сделать выводы о зловерности стихов Левицкого переделал самой Шептуновой...

Таисия Ивановна, прекрасно понимая, что ни в Томкинске, ни в Светлоярске сайта этого никто не читает, распечатала публикацию и самолично разослала по нескольким десяткам адресов, оповещая о разоблачении скрытого врага руководство едва ли ни всех ведомств, имеющих касательство к литературе.

17

Игорь Арсеньевич очередное предательство Шептуновой воспринял намного спокойнее, только, в очередной раз перебирая в памяти то доброе, что он сделал для этой женщины, повторял: «На осле ездят до той поры, пока не обзаведутся лошастью...» Опускаться до каких-то разборок он тоже не стал, справедливо считая, что масштаб личности определяется масштабностью проблем, способных вывести эту личность из себя. Неприятно, конечно, но с другой стороны, не будь у него таланта, разве бы перешёл банальный спор о стихах едва ли ни в сферу государственных проблем? Ему было жаль отрывать время от так захвативших его переводов античных поэтов, да и в редактируемом журнале работы невпроорот. Тем более что при встрече новый хозяин высокого кабинета, по-приятельски пожав ему руку и понизив голос, доверительно шепнул: «Тут эта Шептунова звание «народной» себе выклянчивает... Только кто же этой клеветнице бездарной его даст?»

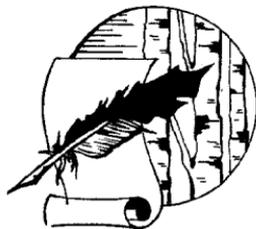
Сама же Таисия Ивановна, быстро сообразив, что её провели, ночи напролёт мучилась бессонницей — ей всё мерещилось выражение лица отца Николая, когда он говорил о не прощающем предательств ангеле-хранителе. Неужто и к Левицкому такой ангел приставлен? Он ведь не классик, не такой знаменитый поэт, как Пушкин или Лермонтов, а ведь Господь и их убийц никак не покарал... Скорее всего, просто нафантазировал отец Николай, устал, бедняга, проповеди читать, вот и мнится ему...

Успокаивала себя Шептунова, успокаивала, но на всякий случай решила снова сходить в храм, щедрое подношение совершить...

Никакого большого церковного праздника в этот день не было и, несмотря на прекрасную погоду, дорога, ведущая к белоснежному храму со сверкающими на мартовском солнце золотыми куполами, была почти пуста. Лик Христа, изображённый над самым входом, встретил её, как обычно, испытующим, но совсем не грозным взглядом, и это немного успокоило. Она перекрестилась и вошла внутрь. Служба уже закончилась и только догорающие свечи напоминали о том, что совсем недавно здесь молились и слушали проповедь, целовали иконы и умоляли о спасении болящих.

Шептунова купила сразу десяток самых дорогих свечей и осторожно зажгла их возле иконы Божией Матери — пусть Она поможет избавиться от худых предчувствий... Приложившись несколько раз к иконе, Таисия Ивановна подошла к столику с пожертвованиями, водрузила на него большую коробку дорогих конфет, рядом поставила бутылку французского коньяка — если не самому Господу, то хоть кому-то из священнослужителей достанется, у их молитв тоже какая-никакая, а сила имеется... Постояв с минуту, двинулась к ящичку, на котором красовалась витиеватая надпись: «Пожертвования на Храм Божий». Достала из кошелька пятидесятидолларовую купюру и опустила в прорезь. Подумав, извлекла такую же и отправила вслед за первой... Перекрестилась и, в очередной раз пробормотав «Отче наш», направилась к выходу. Выйдя из храма, она оглянулась, ещё разок перекрестившись на лик Христа. Ей показалось, что на какой-то миг их взгляды встретились, и Шептунова испугалась неодобрительного выражения Христовых глаз, торопливо повернулась спиной к храму и заскользила вниз по дорожке, осторожно нащупывая ступени, чтобы не споткнуться на покрытой тающей наледью тротуарной плитке. И исчезла, растворившись среди голых ветвей безлистных берёз. Исчезла навсегда в своей напрасной суетной жизни...

г. Минск

Юрий БЕРИДЗЕ

ДВУЯЗЫЧИЕ ДУШИ

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

Подкова, известно, на счастье —
и счастья бы каждому дому...
Но что-то караковой масти
подкова Великого Дона.
И хмуро Цимлянское море
заезжего гостя встречает.
Стою под густым осокорем,
внимая молчанию чаек,
стою под ворчание моря
и чую, как Сальскою степью
во весь свой безбашенный норов
несутся былые столетья
и топчут копытами ляха,
что в это степное раздолье
заброшен (всё ж лучше, чем плаха)
из Лодзи царёвою волей.
Стоптали. Обычная драма...
Былое шляхетство забыто...
Но здесь родилась моя мама
под бешеный топот копытный. —
и русская линия рода,
пройдя через Сальские степи,
до края дойдя небосвода —
связалась с грузинской в Месхети.

А значит, вот эта подкова —
излучина батюшки Дона,
дана мне, как счастья основа,
как дар материнский — икона.
Как дедовский дар вековечный...
И вот — среди этой красы я.
И мне дорога бесконечно
Россия... Россия... Россия.

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

По-грузински это — «дэда-мица»,
а по-русски это — «мать-земля»...
Ничего не может измениться
со времён начальных бытия.
Недоступно никому, хранится
в самом дальнем сердца уголке:
«мать-земля» — по-русски, «дэда-мица» —
на родном грузинском языке...
Этих слов звучание простое
для меня превыше всех музык,
я на них, как камертон, настроен,
и какой бы ни звучал язык,
в переводе всё одно — святыня,
за неё и Господа молю:
мать-земля — люблю тебя, как сын, я,
дэда-мица — словно сын, люблю...

ЯЗЫК

Во мне бурлит, волнуется язык —
пестрядинный, норовистый и дикий,
ржаной и ражий, дюжий, как мужик,
и сочный, словно горсти земляники,
связавший коренные говорки
с наречиями севера и юга,
речь горожан, сельчан и хуторских
соединивший звеньями кольчуги.
И стал от этого он ярче и сочней,
огромнее любого континента.
И вот теперь язык живет во мне —
и не боится моего акцента...

КУВШИН

Я раскручу гончарный круг
и, утоляя голод глины,
отдам тепло ей, силу рук —
а попрошу вернуть кувшином.

Мне нужен не простой кувшин,
чтоб был вместилищем для вин —
мне нужен праздничный сосуд,
который с гордостью несут
и ставят посреди стола,
как знак любви, добра, тепла.

Я раскручу гончарный круг —
и он споёт простую песню
о том, как лозы на ветру
в себя вбирают свет небесный.

И этот дар моих небес
каким-то чудом из чудес,
проявленным в какой-то миг,
сойдёт на глину с рук моих...
И круг застынет, и в тиши
родится не простой кувшин,
а тот кувшин, в котором — я,
мои родимые края,
и память сердца, и души...
Спасибо, Боже, за кувшин.

ПРИ СУМРАЧНОМ СВЕТЕ...

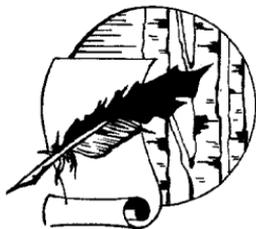
При сумрачном свете коптилок,
во тьме, что сгушалась, скорбя,
Россия в себя уходила —
и там приходила в себя.
Лелеяла новые всходы,
вела, как детей, на подъём,
и не было им переводу —
трудам неизбывным её.
И всходы, входившие в силу,
святым наливались огнём —
и тьму от страны отводили,
и снова светлел окоём.

И снова в прозрачные сини
из мира, что был потаён,
глядела с надеждой Россия
в высокое небо своё.

ДЫШИ

Дыши,
дыши страну,
придуманной не мною,
построенной не мною,
спасённою не мной,
дыши
её землёю,
ковыльною, степною,
дыши её пространством
и неба глубиной,
дыши
угарным чадом,
весельем и досадой,
дыши великим горем
и жаркою страдой,
дыши
слезою вдовьей,
всей пролитою кровью,
дыши своей любовью,
дыши чужой враждой,
дыши
огнём батальным,
тоскою госпитальной,
пусть будет грудь полна,
дыши
страны молчаньем,
не прерывай дыханья —
и не прервет страна.

г. Москва

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ

ЖИВИ, СОЛДАТ...

* * *

Напиши мне потом, как живому, письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том, что ты видишь в окно
бесконечное синее море,

что по морю по синему лодка плывет,
серебристым уловом богата,
что над ним распростерся космический флот —
снежно-белая русская вата.

Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в черные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.

Напиши — я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре.
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.

* * *

Рай — это место в танке,
на худой конец — в вертолете,
скатерти-самобранки,
сухпак на капоте.

За кровавыми небесами
есть врач один, говорят,

так он сшивает руками
внутренности солдат.

У него безногие ходят,
ослепшие — прозревают,
в танке и вертолете
места для всех хватает.

В танке и вертолете,
в продырявленном бэтээре
летчикам и пехоте
воздается по вере

русским Красным Лиманом,
Запорожьем, Херсоном,
в осенней степи — туманом,
колокольным пасхальным звоном.

* * *

«Москаль» рифмуется с «печаль»,
холодным ветром или снегом,
растерянностью или гневом.
Нас миру целому не жаль —
зачем мы этот мир жалеем?
Две красных розы, две лилеи
положат мальчику во гроб,
прощаясь, поцелуют в лоб,
чтобы запомнить этот холод
и на губах его носить,
ходить на тот же рынок в город,
терпеть, пытаться дальше жить.

Зачем мы этот мир жалеем?
Нас миру целому не жаль.
Листва вокруг оранжевеет,
привычно голубеет даль,
и тянутся за край земли
широким клином журавли.

* * *

Темна украинская степь,
настолько, что кобзарь ослеп.

Ни слова не слетает с губ,
лишь на лицо свалился чуб,
обнял певец бандуру,
как женскую фигуру.
А может, это пулемет?
А может, он меня в расход?
И бритую макушку
я сам беру на мушку.

Темна украинская ночь,
чем я могу тебе помочь?
ты выстрелишь — я вздрогну,
скажи, какому богу
ты стал молиться, прежде чем
разъединились мы совсем?
Смотри, сияет при луне
наш Днепр змеиной кожей.
Какая музыка во мне!
В тебе не та ли тоже?

Украинская ночь пуста,
в степи темно, как в склепе,
молчит kobзaрь, сомкнув уста,
летают пули в небе.

* * *

Я знаю, ты часто плачешь о нём
в каменной тишине.
Давай построим для птицы дом
по самой ранней весне.

Пишут, что без вести он пропал,
а может быть, он в плену,
а может быть, это не он упал
на чёрную целину.

Давай возьмём соседских ребят,
выйдем в весенний сад,
всю безотцовщину нашу возьмём,
построим для птицы дом.

Выглянет солнышко, станет светло,
и мы победим, а пока
чувствуешь на плече тепло?
Это моя рука.

* * *

Безымянный, неизвестный,
ты лежишь в палате тесной
с белой трубкою во рту.
Что ты видишь? Темноту?

Или там сияет рай,
в небе ангелы летают?
Ты держись, не умирай,
мама письма рассылает,
ходит мать из чата в чат
и по группам госпитальным,
только ты живи, солдат.

Слушай, всё не так фатально,
мать с отцом тебя найдут,
обязательно приедут,
имя честное вернут.

В небе слишком мало света,
много холода и сна,
чёрных птиц и снежной мути.

Мама, стоя у окна,
молит Господа о чуде.

* * *

Господь умирает по-русски,
спокойно и с чистой душой.
Он в поле лежит за разбитой межей,
и кровь у Него на разгрузке.

Не верь пропаганде, лишь этому верь:
Господь умирает по-русски теперь.

Но снова со смертного одра встаёт,
выходит из внешнего мрака.

И снова за Ним поднимается взвод
в которую за ночь атаку.

И вновь канонада — до звона в ушах,
и смерть низвергается с неба,
дрожит, как листок на осине, душа,
но надо дойти до укрепа,

и танки выходят на выстрел прямой,
вставай же — осталось немного,
и в мороке огненном перед собой
ты видишь бегущего Бога.

* * *

Когда закончится война,
я знаю, будет ночь без сна,
мы первый выпьем за Победу,
и за товарищей — второй,
а к третьему — с границы света
потянется походный строй
солдат, погибших за свободу.

За взводом — взвод, за ротой — рота
у бесконечного стола
они стеной безмолвной встанут,
колеблясь, как живая мгла.

Над городом салюты грянут,
и это будет мирный гром,
и будут песни фронтовые,
и мать — за праздничным столом
заплачет, как сама Россия,
о светлом мальчике своём.

г. Москва

Михаил МАТВЕЕВ,
депутат Государственной Думы

БОМБА ПОД РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Многие годы политика Москвы и Подмосковья была заточена на привлечение дешёвой рабочей силы мигрантов. Возможно, свою роль сыграла определённая столичная специфика — высокий уровень жизни москвичей, нежелание работать в обслуживающих отраслях.

Однако, на мой взгляд, политика по привлечению дешёвой рабочей силы носила управляемый характер. Когда авторы исследования НИУ ВШЭ констатируют факт, что москвичи и мигранты не конкурируют друг с другом и распределены по различным профессиональным отраслям, то на примере ЖКХ это означает следующее: в Москве действует ГБУ «Жилищник», куда почти невозможно трудоустроиться русскому человеку.

Об этом мне рассказывали жители Москвы. Такие структуры, как ГБУ «Жилищник», заточены на взаимодействие с этническими диаспорами (им так проще и удобнее, а может быть, получают «откаты»). Факт остаётся фактом — многие москвичи и хотели бы работать в определённых сферах, но, к сожалению, эти рабочие места уже очень плотно заняты диаспорами, а русских оттуда просто выдавливают.

РУССКИЙ ВОПРОС

Поэтому такие отрасли, как ЖКХ, транспорт (прежде всего — такси), торговля — плотно заняты этническими диаспорами. Данная ситуация отражает характер определённой политики столичных и подмосковных властей. В Москве и Подмоскowie возникли территории, которые уже имеют форму этнических анклавов. Аплодировать этому и говорить, что московские власти создали нормальные условия работы для местных людей — не приходится.

Да, в столице более высокий уровень жизни, чем в остальных регионах России, — соответственно, более высокий уровень потребления. Поэтому потребительская психология дополнительно питает «мигрантскую экономику». Например, в Москве очень сильно развита служба курьерской доставки. Причём не только доставляют пиццу, но и продукты из магазинов. Москвичам лень идти в магазин за покупками — они вызывают курьера. На мой взгляд, это не имеет отношения к экономике. У людей есть лишние деньги, и они таким образом искусственно финансируют рынок подобного рода услуг. Поэтому столица заполонена курьерами, которые на электросамокатах и велосипедах разъезжают с продуктами.

Ещё раз подчеркну: сегментирование секторов экономики, когда граждане России якобы не пересекаются с мигрантами, носит неестественный характер и является следствием работы этнической мафии, этнических диаспор и сросшихся с ними чиновников и коммерсантов.

Утверждение, что ужесточение миграционной политики приведёт к проблемам, дефициту кадров и росту цен, — не соответствует действительности.

Приведу примечательный пример. В прошлом году торговая сеть X5Group (управляющая торговыми сетями «Пятёрочка», «Перекрёсток», «Чижик», «Около», «Виктория», «Красный яр» и «Слата») отреагировала на рейды полиции по борьбе с незаконной миграцией, сообщив о том, что в ряде регионов, приближенных к Москве, в магазинах опустели полки, потому что полиция задержала работников складов и магазинов.

Вместе с депутатом Сергеем Обуховым мы отправили депутатский запрос в Прокуратуру с целью проверить информацию X5Group. В случае подтверждения информации это означало бы, что к труду в этих магазинах привлекают нелегальных мигрантов. Ведь полиция задерживала только мигрантов, нарушивших миграционное законодательство. А соответственно в таком случае X5Group нарушала закон, нанимая на работу мигрантов, не имевших право находиться на территории России.

Естественно, ответ Прокуратуры свидетельствовал о том, что не было никакого дефицита продуктов в магазинах — полки не были пустыми, а число задержанных мигрантов — никак не повлияло на функционирование магазинов.

При выявлении фактов выясняется, что это часть информационной борьбы лоббистов мигрантов. Это определённый шантаж общественным мнением — мол, без мигрантов-курьеров мы все пропадём.

Федеральная антимонопольная служба заточена на борьбу с монополизацией со стороны юридических лиц, следит за обеспечением диверсификацией сектора экономики, чтобы он не зависел от одного-двух игроков, которые могут находиться в картельном сговоре и диктовать определённые условия.

Однако у нас нет антимонопольной борьбы с физическими лицами. Например, азербайджанская диаспора в Москве контролирует поставку продуктов, рынки. Диаспора — это юридически эфемерное название, национально-культурная автономия или просто бородатые люди, не имеющие официальных статусов, но контролирующие десятки тысяч своих соплеменников.

А если предположить, что какая-либо диаспора в Москве, контролирующая рынок поставок продуктов питания или рынок перевозок, в один прекрасный момент объявит забастовку? Тогда наступят очень серьёзные последствия.

Но никто не следит за тем, чтобы не впадать в зависимость от определённых этнических кланов, тем более связанных с иностранными государствами. Действительно, существует угроза, но выводы исследования ВШЭ, что не нужно ужесточать миграционную политику, — неправильные. Наоборот, нужно жёстче контролировать миграционную сферу, не допускать монополизации и захвата определённых секторов экономики и крупных предприятий со стороны этнических группировок.

Благодаря нашему «родному» государству и его «неуклонной заботе», у нас большая часть тех, кого мы называем приезжими, на самом деле уже являются нашими соотечественниками с российскими паспортами. За последние два десятилетия паспорт РФ получили около миллиона этнических таджиков, более 800 тысяч этнических узбеков, более 500 тысяч этнических киргизов. И под миллион азербайджанцев.

Поэтому ужесточение миграционной политики никак не влияет на таких обладателей гражданства России — им абсолютно «фиолетово» до того, что там ужесточается, какие

законы принимает Государственная дума — у них уже в кармане паспорт РФ, их семьи плодятся и размножаются. С одной стороны, они используют преимущество российского паспорта, чтобы иметь доступ к социальным благам, а с другой стороны — используют преимущество своего этнического происхождения и связи со странами исхода. Многие из них имеют двойное или второе гражданство. Например, с Таджикистаном Россия заключила соглашение о двойном гражданстве. С другими странами, такими как Азербайджан и Узбекистан, нет механизма, который отслеживал бы отказ от прежнего гражданства, поэтому у новых граждан РФ есть второе гражданство. И при возникновении проблем они тут же улетают к себе на родину. Кстати, что мы и наблюдали весной 2022 года, в начале проведения Специальной военной операции, когда множество молодых людей рванули на свои исторические родины во избежание мобилизации.

Русские воины на передовой говорят, что на «ленточке» не наблюдают ни таджикских, ни узбекских батальонов. Представители среднеазиатских республик присутствуют только в штучном формате. Диаспоры очень плотно пустили корни в русскую землю.

Ныне русский Интернет взбудоражен появлением Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Авторы документа делают ставку на замещающую миграцию — по 300—350 тысяч в год иностранцев, прибывающих в Россию.

Подобная программа свидетельствует о том, что не предвидится ужесточения миграционной политики, поэтому Высшая школа экономики может не переживать.

К сожалению, в России не урегулирована внутренняя миграция. Напомню, что во времена Советского Союза именно внутренняя миграция решала задачи по возведению крупных объектов, например: Байкало-Амурская магистраль (БАМ), комсомольские стройки. Русские в Средней Азии и в Закавказье появились не в результате военных действий, а приезжали строить, обучать. И всё это делалось усилиями внутренней миграции.

Кроме того, сегодня за рубежом осталось большое количество русских людей. В одном Казахстане, по разным оценкам, проживает около двух миллионов русских людей. На Украине, еще не до конца освобождённой, живут русские люди.

Самый многочисленный европейский народ — русский народ — не имеет никаких особых прав у себя на Родине.

Демографическая и миграционная политика не нацелена на сохранение и приумножение этнического государствообразующего ядра, поэтому перспективы государства — печальные. И не только с точки зрения экономики.

Святейший Патриарх Кирилл неоднократно говорил о том, что главная угроза миграции — изменение этнокультурного и этнорелигиозного баланса России. И речь идёт не только об экономике — завтра за этим уже будет стоять численность людей определенной национальности и религии. И дальше всё будет происходить, как в Париже, Лондоне и других крупных европейских столицах, которые в течение десятилетий привлекали мигрантов, широко распахнув для них двери, а финал — десятки тысяч изнасилованных британских девочек выходцами из Пакистана, 80% всех тяжких преступлений в Европе совершаются мигрантами.

Поэтому среднестатистическому москвичу, московскому чиновнику или коммерсанту, которым кажется выгодным, что мигранты делают грязную работу за местное население, надо понять, что обратная сторона медали — засилье мигрантов, которые в любой момент могут совершить противоправное действие — убить, изнасиловать или ограбить.

А если уж говорить о соотношении численности мигрантов и силовых структур, то оно уже не в пользу последних. Поэтому любой организованный мигрантский бунт может привести к катастрофическим последствиям.

Постановка в качестве приоритета экономических вопросов — в корне неправильная.

Напомню, что президент в одном из своих выступлений правильно говорил, что никакие экономические доводы не должны нарушать интересы народов России.

«НЕЗНАМЕНИТАЯ» ВОЙНА

85 лет назад, 13 марта 1940 г., окончилась Советско-финская или Зимняя война, которую, вслед за поэтом Александром Твардовским, называют ещё «незнаменитой» войной:

*Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все ещё бегом бежал
Да лёд за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забывший, маленький, лежу.
(1943 г.)*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Предыстория российско-финляндских отношений началась в XVIII веке. В ходе Северной войны 1700 — 1721 гг. Финляндия, бывшая частью Швеции, была завоёвана русскими войсками, но по Ништадтскому миру великодушный Пётр I вернул её Швеции, оставив за собой Карельский перешеек и всё побережье Ладожского озера. (Кстати, за завоёванные Эстляндию и Лифляндию он столь же великодушно заплатил разгромленному противнику 1,5 млн. тогдашних рублей из разорённой казны.)

В 1809 г. Фридрихсгамским миром завершилась последняя из 17-ти русско-шведских войн, в результате чего Финляндия была присоединена к России. Великодушный Александр I даровал завоёванной стране полную автономию на правах Великого княжества Финляндского (со своими законами и полицией, с освобождением от налогов и службы в Русской Армии и даже с парламентом, о чём в России никто и не мечтал), а в 1811 г. подарил и весь Карельский перешеек с Выборгом и западным побережьем Ладожского озера. (Вообще великодушие за русский счёт русские императоры проявляли частенько. Их примером охотно пользовались и последующие правители — как советские, так и постсоветские.)

В итоге, граница Финляндии оказалась в 32-х км от Петербурга. С этой границей 31 декабря 1917 г. Финляндия и провозгласила свою независимость при полном одобрении большевиков-«интернационалистов». Взаимной любви, однако, не получилось. И в 20-е, и в 30-е годы финны были настроены враждебно, даже агрессивно, и демонстрировали это неоднократными обстрелами советских пограничников, рейдами на советскую территорию, вторжением в советское воздушное и водное пространство.

Они всерьёз были озабочены проектом «Великая Финляндия». У финской «элиты» эта идея зародилась еще в XIX веке, причём первыми её обнародовали поэты в своих стихах, а наибольшее распространение она получила после получения независимости в декабре 1917 г. В «Великую Финляндию» включалась Восточная Карелия (нынешняя Республика Карелия), Кольский полуостров с незамерзающим мурманским портом, половина Ленинградской области вместе с Ленинградом (Петербургом), а также Эстония, части Швеции и Норвегии. У людей с тяжёлыми умственными заболеваниями «проект» простирался до низовьев Оби, включая все русские территории, где вместе с русскими проживали и угрофинские народности (коми, ненцы, марийцы, удмурты, ханты, манси), а с особо тяжёлыми — за Енисей, включая полуостров Таймыр с нганасанами.

В марте 1918 года финны начали воплощать идею в жизнь — их войска вторглись на территорию России (РСФСР) в Карелию. Тяжелые бои продолжались почти 3 года. Лишь в октябре 1920 года был подписан Тартусский (Юрьевский) мирный договор, по которому Россия уступила Финляндии область Петсамо (Печенги) на западе Кольского полуострова, богатой залежами никеля, с частью стратегически важного полуострова Рыбачий (тогда большевики раздавали всё, что можно, лишь бы самим удержаться у власти). Руководитель финской делегации Паасикиви признал впоследствии, что полученная в результате договора граница была для Финляндии слишком хороша, чтобы оставаться постоянной.

В 1932 году был заключен Советско-Финляндский договор о ненападении и мирном урегулировании конфликтов, в котором советское руководство допустило одну геополитическую ошибку: в одной из статей договора было сказано об уважении существующей между странами границы (эта ошибка аукнется в 1939 году). В 1934 году действие договора было продлено до 1945 года

Однако еще с 1920-х гг. на Карельском перешейке финны начали строительство линии мощных укреплений, названной «линией Маннергейма» по имени своего создателя К. Маннергейма — вначале царского генерала, а потом финского маршала, президента и одновременно врага СССР. «Линия» вроде бы оборонительная, но она же — и плацдарм для наступления. Первый глава правительства Финляндии П. Свинхувуд говорил, что «любой враг России должен всегда быть другом Финляндии». В середине 30-х гг. нарком иностранных дел М.М. Литвинов заявил финскому послу, что «ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии». И это — после заключения договора!

Вся «смелость» 3-миллионной Финляндии объяснялась покровительством Англии, а последняя, как известно, хорошо умела «шептать на ухо» своим подопечным. Когда в 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение с неприкрытым намерением Англии и Франции направить агрессию Гитлера на восток, СССР оказался в отчаянном положении, и обеспечение безопасности Ленинграда стало одной из важнейших стратегических задач.

Конечно, в Кремле опасались не непосредственно финской агрессии, а того, что Финляндия неизбежно станет союзником любого агрессора — неважно, Англии или Германии, станет северным плацдармом для нападения на нашу страну,

да и сама в качестве младшего партнёра постарается поживиться советской территорией во имя Великой Финляндии. Так и произошло в годы Великой Отечественной войны.

В 1938—1939 гг. советское правительство неоднократно предлагало правительству Финляндии отодвинуть границу от Ленинграда в обмен на другие, вдвое большие по площади приграничные территории, но неизменно получало отказ. Не помог даже прозрачный намёк И.В. Сталина, сделанный им финской делегации: «Поскольку мы не можем передвинуть Ленинград, мы передвинем границу, чтобы его обезопасить». Финны не согласились. Действительно, обмен был бы неравноценным — Карельский перешеек с более мягким климатом и развитой инфраструктурой и — лесистые малонаселённые места. Хотя знавшие свою историю финские государственные деятели, в том числе и сам Маннергейм, хорошо понимали, что существующая граница несправедлива. Упрямая позиция финского руководства сделала войну неизбежной.

К скрытой мобилизации и эвакуации населения из приграничных районов финны приступили 10 октября, ещё до начала правительственных переговоров. Война началась 30 ноября 1939 г., и началась для Красной Армии крайне неудачно. Прорвать с ходу укрепления линии Маннергейма не удалось, потери были огромные. Главная причина — недостаток и неточность разведывательных данных, а отсюда и недооценка боеспособности финской армии. Как вспоминал работавший в Генштабе маршал А.М. Василевский, «...в наших войсках недостаточно знали особенности организации, вооружение и тактические приёмы борьбы финляндской армии».

Вторая причина — неподготовленность войск (и в тактическом отношении, и в материально-техническом обеспечении) к боевым действиям зимой в лесисто-болотистой местности.

Была и третья причина — излишняя самоуверенность высшего советского руководства, отчасти вызванная недавней триумфальной победой над японцами у Халхин-Гола и успешным Западным походом Красной Армии в Польшу. Как вспоминал член Политбюро А.И. Микоян, *«Отрицательной стороной в этом деле (в победе у Халхин-Гола. — В.Г.) было то, что наше руководство армии несколько зазналось, успокоилось на этом, критически не разобрало ход событий... Упивались сознанием победы»*.

Реалистический план боевых действий с финнами, разработанный Генштабом под руководством Б.М. Шапошников

ва, на заседании Главного военного совета И. В. Сталиным был забракован как требовавший привлечения больших сил и средств. Разработка нового, более «быстрого» и «экономичного» плана была поручена Ленинградскому военному округу (К. А. Мерецков) и его штабу. Новый план, увы, оказался несостоятельным.

В декабре 1939 г. безуспешные попытки наступления были прекращены, образован Северо-Западный фронт во главе с С. К. Тимошенко и членом военного совета, 1-м секретарём Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Ждановым, силы перегруппированы и пополнены людьми и техникой.

11 февраля 1940 г. после мощной артиллерийской подготовки войска фронта перешли в наступление, и менее чем через месяц всё было кончено: 7 марта в Москву прибыла финская правительственная делегация, а 12 марта подписан мирный договор. Англия и Франция, хотя и находились в состоянии войны («странной войны») с Германией, намеревались оказать военную помощь Финляндии и даже открыть второй фронт против СССР (в частности, на апрель 1940 г. была намечена бомбардировка нефтепромыслов в Баку), но — не успели.

В результате победы Советский Союз решил главную задачу — вернул себе Карельский перешеек, а Ладожское озеро опять стало нашим внутренним водоёмом. Однако, несмотря на победу, Зимнюю войну, как это ни горько, приходится отнести к тёмным страницам военной истории Отечества. Победили мы не уменьем, а числом: наши безвозвратные потери (погибшие, умершие от ран и пропавшие без вести) в три с половиной раза превысили потери противника — 95 тысяч против 27 тысяч. Эту войну на Западе признали агрессивной и исключили СССР из Лиги наций (и формально были правы — мы нарушили Договор 1932 года, где было написано об уважении существующих границ, а тому, что финны первыми сделали выстрелы, не поверили). Надо также признать, что наши неудачи дополнительно воодушевили на войну с нами Гитлера, который оценил Красную Армию как «колосса на глиняных ногах». Но надо также признать, что эта война отрезвила военное и политическое руководство страны и ускорила перевооружение и реорганизацию Красной Армии. Жаль только, что к 22 июня 1941 года эту работу не успели завершить.

А что же «Великая Финляндия»? Этот «проект» в архив никогда и не отправляли. Переговоры на этот счёт вели ещё при Н. С. Хрущёве, но получили обратный результат: по инициативе Никиты Сергеевича (надо отдать ему должное!) из

названия Карело-Финской республики убрали слово «Финская», а статус республики понизили с союзной до автономной в составе РСФСР.

После разрушения СССР проект вновь сняли с полки и сдули с него пыль. Теперь о нём стали говорить уже государственные деятели. В 1990-е годы спикер финского сейма Р. Уосукайнен заявляла, что на «освобождённой» территории необходимо будет провести этнические чистки с выселением всех русских жителей (в том, что территория будет «освобождена», эта дама тогда не сомневалась). В 2005 г. в Хельсинки прошла шумная презентация книги В. Сакси «Возвращение Карелии», в которой автор требует не только карельских земель, но и репараций от России. Ну а в 2023 г. на парламентских выборах в Финляндии второе место заняла нацистская, откровенно русофобская партия «Истинные финны», на знамени которой написано: «Великая Финляндия».

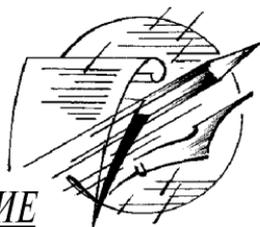
Враг не дремлет!

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

БЕЗБОЖНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения культуры, полноценного образования. Голоса по-настоящему обеспокоенных этой проблемой людей также остаются не доходящим до адресата, не услышанным «гласом вопиющего в пустыне».

Такой участи лучше бы пожелать современным руководителям российского просвещения — затейникам ЕГЭ и ОГЭ, преднамеренно оглупляющим учеников, заранее поделившим на касты детей, с младенчества встраиваемых в государственную машину по закабалению и подавлению личности на всех социальных уровнях. Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого «среднего класса» вынуждены учиться «чему-нибудь и как-нибудь». В лучшем случае их ждёт удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем — они становятся просто

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

«рабочей силой» или «человеческим материалом», которым влять имуще могут распоряжаться по своему усмотрению.

Государственные образовательные учреждения с их педагогическими кадрами встроены в государственную систему, являются её частью, выполняют политизированный госзаказ. Безбожно урезаются «сверху» и без того скудные часы школьной программы, отведённые на изучение русского языка и литературы.

Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Это примета нашего времени — неоспоримый факт. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто её не стыдится.

Автор данных строк свидетельствует, что многие учащиеся выпускных классов орловских школ, гимназий и лицеев даже не знают, как пишется фамилия великого земляка, искажая её до неузнаваемости: «Тургенив» или даже «Тургеньив». Создаётся впечатление, что в орловских учебных заведениях, как и повсюду в России, из детей формируют каких-то инопланетян-пришельцев, без культурно-исторического наследия, без родства и родины, «как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела» (так сокрушался ещё Лесков).

Литературу поспешно «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязательку. Русская классика в школе ещё не прочитана, её глубинный духовный смысл не доводится учителями до ума и сердца учеников, потому что зачастую не доходит и до самих бездарных, недоученных или бездуховных горе-педагогов. Русскую литературу преподают примитивно, поверхностно, обзорно, не требуя обязательного вдумчивого, размеренного прочтения произведений великих русских писателей, ограничиваясь приблизительными, азбучными пересказами. Так навсегда отбивается охота возвращаться к сокровищнице отечественной словесности в дальнейшем, перечитывать и постигать её на новых уровнях «разумения о смысле жизни». Преподавателям словесности требуется не просто занимать свои рабочие места — здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда «душа требует, совесть обязует, тогда и сила большая будет», — так учил Святитель Феофан Затворник, великий духовный писатель, земляк Тургенева и Лескова — также уроженец орловской земли.

Среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности через воспитание души. Рус-

ская классика, подобно Новому Завету, всегда нова и актуальна, даёт возможность соединять времена. Однако страх чиновников от образования перед честным обличительным словом русских писателей столь силён и так сильна ненависть к отечественной литературе и её «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворённая отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений современной России. Так что они вполне подходят под определение, данное в одноимённой статье Лескова о школах, где не преподавался Закон Божий: «Безбожные школы в России» (1881 г.). Безбожники формируют и безостановочным конвейером выпускают из школ безбожников, здесь — корень зла, отсюда происходят многие беды.

В области общественных наук марксизм-ленинизм был отменён. Однако начиная с советских времён и до сего дня глобальная мировоззренческая тема о происхождении жизни и человека насильственно внедряется в несформировавшееся сознание и неокрепшие души учащихся в виде преподавания безбожной теории Дарвина в качестве единственно верной и научно аргументированной, хотя, по сути, это даже не теория, а недоказанная гипотеза.

Дарвинизм проповедует естественный отбор, борьбу за выживание, эволюцию видов. Применительно к общественным отношениям, к ведению делового оборота данные установки приводят к чрезвычайно негативным последствиям. Так, естественный отбор предполагает безжалостно-жестокое отношение к слабым, вплоть до их уничтожения. Удивительно ли, что псевдотеория и практика «зверочеловечества» формирует из людей существ, живущих по звериным законам: «Выживает сильнейший», «Глотай других, пока тебя не проглотили» и т.п., — что неизбежно ведёт к девальвации морально-нравственных ценностей, попранию высшего, Божеского начала в человеке, к гибели души как таковой, в итоге — к разрушению человеческого общества, которое на этом пути может дойти до людоедства, самоуничтожения?

Русская классика — воспитательница ума, души и сердца — изгоняется из вузов и школ, нацеленных на формирование усреднённого «продукта» — биороботов, узких специалистов-прагматиков, выставляемых, как товар, на рынок труда. Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от русской почвы подводят к тому, чтобы воспитанники безбожных школ в России обращались в мошенников и авантюристов, преступников и злодеев, живущих по звери-

ным законам борьбы за существование. О подобных закоренелых грешниках апостол Павел свидетельствовал, что «они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонаравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1: 29-31).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский утверждал, что «без Христа суетно всё образование». Кому и для чего выгодно вылепливать в «безбожных школах» духовно неразвитых самолюбивых безбожников, подменяя Христа ложными идеалами и кумирами? Христос же, согласно утверждению Фёдора Михайловича Достоевского, — «вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек».

Лесковский роман «На ножах» (1871 г.) нисколько не утратил своей социальной-нравственной значимости и по-прежнему звучит потрясающе современно. Писатель выявил здесь самые разнообразные типы продажных, беспринципных дельцов зловещей капиталистической эпохи — «деятелей на все руки» сатанинской закваски: «Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой — капиталист; третий — известный благотворитель, живущий припеваючи за счёт филантропических обществ; четвёртый — спирт <...>; пятый — концессионер, наживающийся на казённый счёт; шестой — адвокат <...>; седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другую — порицает её». Сущность их «направления» выразительно обобщает говорящая фамилия некоего «медицинского студента», занимающегося педагогической практикой, — «Чёртов»:

— Гм! Фамилия недурна!

— Да, и с направлением».

Это «направление», как смертельная зараза, распространяется бесами — губителями душ. Так, «медицинский студент Чёртов», ради заработка готовя ребятешек к поступлению в приходское училище, внедряет в детские головы и сердца безбожие, атеистическое презрение к Священному Писанию.

Весьма характерна зарисовка экзамена:

— Читать умеешь? — спросил Савоську лопоухий педагог.

— Ну-ка-ся, — отвечал с презрением бойкий малец.

— И писать обучен?

— Эвось! — ещё смелее ответил Савоська.

— А Закон Божий знаешь? — встрел поп.

— Да коего лиха там знать-то! — гордо, презрительно, гнев-

но, закинув вверх голову, рыкнул мальчуган, в воображении которого в это время мелькнуло насмешливое, иронически-честно-злое лицо приготавливавшего его студента Чёртова».

Этот ответ и ремарка к нему не могут не вызвать евангельского восклицания: «Отойди от меня, сатана!»

Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил святой старец Силуан Афонский (1866—1938): «Всякое зло <...> паразитарно живёт на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облечённым в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову».

В романе «На ножах» Лесков разоблачил также один из распространённых способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных еврей Тихону Кищенскому — экс-нигилисту, жадному и хитрому ростовщику, мошеннику, продажному журналисту, вероломному интригану, шпиону, «полицейскому», подлецу и предателю — словом, «делателю на все руки». Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно знатных фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожить коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями добродетели, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне.

О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые отцы — христианские подвижники. «Видимыми бесами» назвал иудеев в V веке святитель Кирилл, патриарх Александрийский; «самые души иудеев есть жилища демонов», — утверждал святитель Иоанн Златоуст.

В Евангелии от Иоанна повествуется, как Господь Иисус Христос обличал сатанизм иудеев: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 44); «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога» (Ин. 8: 47). От общения с подобными безбож-

никами предостерегал апостол Павел: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6: 14)

В этой связи наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» (1862 г.) обращался к тем так называемым «благодетелям» народа, у которых слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Всё на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреш. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

Золотой фонд русской литературы востребован за рубежом, а в России упрятан на задворки. В то же время не один десяток лет с попустительства и дозволения правящего режима во всех регионах людей массово одурманивают, зомбируют, оглушают душепагубной информацией, потоки которой извергаются словесными нечистотами из огромного количества продажных и подконтрольных СМИ, жёлтой прессы, бульварного массового чтива, «зомбоящика» и т.п.

Былой атеизм коммунистов ныне сменился сатанизмом кланово-олигархического капитализма, который разделяет людей на страты, прикрываясь фальшивым лозунгом о единстве и легендой о демократии. Политика «прозрачности» на деле обернулась «тайной беззакония». На страждущую Россию накинута плотная завеса, под которой задыхается всё честное и свободное. Лукавство и ложь продажных, коррумпированных, бездарных чиновников возводятся в ранг обязательных правил поведения с народом, а подчас принимают формы нормативных правовых актов, которые наскорю стряпают фарисействующие «законники разноглазого закона» (по точному выражению Лескова), вместо того, чтобы свято исполнять законы Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни». Господь в праведном гневe обличает и предостерегает угнетателей народа, не обременяющих самих себя теми путами и ограничениями, которые эти горе-законники накладывают на других: «Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того. <...> и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11: 42-46).

Известный итальянский адвокат-юрист и учёный-славист Пьеро Каццола (1921—2015), знаток русской культуры, пе-

реводчик произведений Лескова и других русских писателей, проводил аналогию между сицилийской и российской мафией — этим чудовищным спрутом в переплетении его гигантских смертоносных щупалец — финансовых, чиновно-коррупцированных, коммерческих, криминальных...

Как ни парадоксально, но русской классической литературе сегодня как никогда требуются защитники, «адвокаты», чтобы отстаивать само её право на существование в современной России, где нивелируется и вытраивается всё русское, безбожно попираются традиционные духовно-нравственные ценности, Божие вытесняется кесаревым. Самое главное в русской литературе — Христос, христианская вера, одухотворённая русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей.

Неслучайно святой апостол призывал: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1 Ин. 4: 1). Русские писатели-классики были истинными пророками. Но, видимо, настолько безмерно щедра наша земля на таланты первой величины, что вошло в привычку не замечать и не ценить их. В одной из своих статей о Тургеневе Лесков с болью признавал библейскую истину о судьбе пророков: «В России писатель с мировым именем должен разделить долю пророка, которому нет чести в отечестве своём».

Тургеневу, как и его выдающимся современникам — великим русским писателям, в его эпоху тяжело было выносить гримасы «суетливого и суетного» капиталистического времени — «банковского периода». До такой степени, что в год своего 60-летия писатель объявил о намерении оставить литературную деятельность, «положить перо» и никогда более за него не братьяся. К счастью, этого своего намерения писатель не исполнил.

Как говорил Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе «чем сделаешь её солёною?» (Мф. 5: 13).

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13), — говорит Христос. Тургенев, Лесков, Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, как и вся русская классическая литература, неустанно разоблачали псевдоблаготетелей народа. «Чёртовы куклы» — так именовал бюрократов-марионеток Лесков. О напускной значительности высокопоставленных чиновных персон — важных с виду, а по сути никчёмных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «Колыбельной песни» Н. Некрасова: «Будешь ты чиновник с виду

/И подлец душой»), — Тургенев высказался в романе «Новь» (1876 г.): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнутят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят и гнутят в одно и то же время». Лесков подхватил и продолжил столь выразительную характеристику «крупно-сановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: в тургеневском *«последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, «хрипят», а по штатской — «гундосят». Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или «хрипеть», или «гундосить». В этом скука и несчастье России»*. Поистине универсальный портрет «крапивного семени», ненавистного русскому народу, — неистребимой чиновной бюрократии. Писатель обнажает её низменные зоологические черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона».

Немеркнувший свет русской классики, уходящей корнями в христианство, в Святое Евангелие, принадлежит горизонту вечности. Но в сиюминутном бытии для большинства людей, намеренно погружённых властями предержажими в кабальный круговорот нескончаемых забот об элементарном выживании, о хлебе насущном, не востребован хлеб духовный, о котором благовествовал Христос: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6: 27); «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6: 35); «Я хлеб живой, сшедший с Небес; ядуший хлеб сей будет жить вовек» (Ин. 6: 51).

Вот почему святой апостол Павел призывает: «Братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6: 10-12). Как замечал раннехристианский духовный писатель Тертуллиан, бессмертная «душа человеческая — по природе христианка». И она выстоит, победит, несмотря на явный разгул бесовщины в нынешней России...

«ОРЕШНИК» И ЛЕВИАФАН

1

Чего только не было в отечественной истории... Россия — во главе мирового экуменического проекта. И это было, брат Горацио! Бесценные уроки на государственную состоятельность. Алмазы в сокровищнице национальной памяти. Эти уроки нужно знать назубок! Они проливают свет, указывая путь и предостерегая от роковых ошибок... чтобы не на те же грабли (ох, как стыдно!), но хотя бы на другие... «Не бойтесь ошибаться — бойтесь повторять ошибки», — замечал Т.Рузвельт.

Россия призвана Самим Господом Богом к особому служению народам мира именно до конца времён (что критически важно, ибо четвертому Риму не бывать!). В самом своём предназначении, в своей, как сейчас выражаются, матрице, Четвёртый удел Пресвятой Богородицы несёт некий сверхдолгосрочный проект, некую супер-идею. Не какие-то «измы», рациональные идеологемы — потуги человеческого разума, не пресловутый Храм разума (Temple de la Raison) в его бесчисленных смердящих интерпретациях... Миссия России столь

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

реалистична и конкретна, сколь божественна и неотмирна, ибо она — проповедь Евангелия миру. Со времён Крещения Руси наше сакральное в своём замысле государство совершает попытки осуществления этой возложенной на него миссии. Тяжко крестоношение, ибо не желает Бог жертвы всеожожения, но одного лишь духа сокрушенного и смиренного перед Его Святой Волей о нас. На историческом пути Божественного путеводительства России немало промыслительного и невероятного, стоит только посмотреть на веки оком духовным.

...Глобальная война, развязанная Великим востоком Франции в 1775 году, продолжалась без малого 20 лет и по-хорошему заслуживает названия мировой. Тогда впервые на полях сражения Европы, Азии и Америки столкнулись миллионные армии, впервые война велась в масштабах планеты за господство тотальной антихристианской идеологии. Впервые войне предшествовала пропаганда тайных сект и массовая психологическая обработка населения. Богоборческая основа нового порядка была очевидна для современников.

В 1806 году Святейший Синод Русской Православной церкви предал анафеме Наполеона. Во всех храмах Российской империи он был объявлен антихристом и врагом рода человеческого. Массонские круги Европы приветствовали Бонапарта как нового мессию, который сделает революцию всемирной и объединит под своей державой все народы. Фихте, например, воспринимал мировую революцию как часть построения идеального мирового государства.

Это была поистине экзистенциальная битва титанов. Соперники стояли друг друга и выступали, если можно так выразиться, в одной весовой категории, где Белый Царь Святой Руси — Удерживающий, а Великий Мастер Великого Востока Франции Наполеон — предтеча антихриста.

Александр I и Наполеон олицетворяли собой разные идеологические системы. Для большого мистика, каким был царь Александр, сакральность власти не представляла ни малейшего сомнения. Он часто приводил слова из Притчей Соломона (8: 15): «Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли». Для Александра I войны и политические кризисы представлялись как теофания, проявление Бога в истории. Православный государь выступал и как глава, и как отец Церкви, не подчиняющийся никакому закону, кроме Закона Божьего. Восшествие на престол, «венчание на царство» являлось своего рода венчанием царя с Церковью. Сущность царской власти — мистическая, священная.

Власть Наполеона также была исполнена мистической верховной сущности, но другого рода, поскольку основывалась на идеях антихристианского мистицизма, проповедуемого в масонских ложах XVIII века. Без учета этого соображения многие предприятия Наполеона, в том числе экспедиции в Египет, Сирию, Россию, остаются неясными. Подобно цезарю, Наполеон установил обожествление личности императора, его портреты и статуи в виде Юпитера копируются и выставляются для обозрения. В опубликованном в 1806 году императорском катехизисе сказано буквально следующее: «Верующий обязан Императору любовью, уважением, послушанием, верностью, военной службой; почитание Императора и служение Императору — это почитание и служение самому Богу; кто не выполняет своего долга перед Императором — противится порядку, установленному самим Богом, и тем заслуживает вечного проклятия».

Таким образом, антагонизм этих двух людей (или сверхлюдей как проводников сакральных «разнозаряженных энергий») был осознанно принципиальным и фокусировался главным образом в области духовной, выводя конфликт из примитивной геополитической плоскости на уровень экзистенциальный, метафизический.

Нет никакого сомнения, что именно религиозный фактор стал залогом победы Русской армии над Наполеоном, являя миру подлинное Божье чудо и силу русского духа. Казалось, строптивая Европа склонилась в поклоне перед Белым Царём и готова разделить его светлые чаяния о ней.

Георгий Флоровский писал, что «Александр не любил и не искал власти. Но он сознавал себя носителем священной идеи». Суть её была в ре-христианизации Европы. Это был головокружительный по своей смелости проект, на который могла пойти только не от мира сего наша православная империя, возложив попечение о нём на самого Бога. Впервые во всемирной истории Александр I, «царь царей», попытался поставить нравственные принципы в основание международных отношений.

26 сентября 1815 года в Париже императором Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королём Фридрихом Вильгельмом III в подтверждение итогов конгресса был заключен Священный союз и подписан соответствующий Акт.

Священный союз, по убеждению российского монарха, должен был установить гармоническое равновесие между европейскими странами «под священными хоругвями всеобщего христианства». В основе этой идеальной общности

должно было лежать осознанное братство трех конфессий — православной, католической и протестантской.

Наименование Священного союза было выбрано самим русским царем, который попытался осуществить невозможное: поставить сакральное основополагающим принципом новой Европы. Понятие правды Христовой должно было вступить в международную политику, а христианская нравственность стать категорией международного права. С 1815 по 1818 год пятьдесят государств присоединяются к Священному союзу!

Однако западные участники Союза делали ставку на то, что «нравственное морализаторство» (именно так они называли наиболее возвышенные положения Акта, предложенного русским царём) возобладает над догматическими различиями между христианскими церквями для того, чтобы, как декларировалось, изжить национальный эгоизм — «главный источник войн и разорения». В данном положении трудно не заметить отчетливой артикуляции ереси экуменизма. Добавляла масонского градуса Союзу также и владевшая умами «западных партнёров» России протестантская ересь под названием хилиазм, которая также рвалась на позиции «догмата». Увы, но Священный союз всё больше выкристаллизовывался как предтеча современного, всемирно направленного экуменического движения с определённой структурой, ядром которого уже являлся Всемирный Совет Церквей.

Одним словом, очень скоро стало понятно, что Белый царь, политический и военный лидер Священного союза, не мог стать его полноправным религиозным главой, оставаясь при этом главой православного государства и православной церкви. Нужно было всего-то отказаться от православия в пользу бутафорского «единого» христианства, лишённого благодати Святого Духа. На это Александр I пойти, естественно, не мог.

Так Священный союз постепенно окрашивался в привычные цвета священной конфронтации, которая скоро обернулась для России и мира новыми глобальными потрясениями.

В последние два года жизни Александр I окончательно укрепился в Православии и начал критично относиться к иным христианским направлениям. Им, в частности, было запрещено распространившееся в российских «верхах» масонство, были изгнаны ранее допущенные в Россию иезуиты и закрыты иезуитские школы. Но прозрение произошло слишком поздно. Александр Павлович с грустью констатировал, что «Наполеон» как символ торжествующей антихристианской мистики в Европе всё-таки берёт верх.

Предчувствие беды не обмануло русского царя: наполеоновский дух воскрес с Наполеоном III, который в союзе с Турцией, Англией и Пьемонтом объявили войну России. В 1855 году прозвучал погребальный колокол по Священному союзу. Последовавшие затем события хорошо известны, это гегемония Пруссии в центральной Европе, война объединенной Германии против Франции в 1870 году и ее продолжение в 1914 г. Вот такая, если вкратце, удивительная история.

Так что же для России значил неудавшийся опыт Священного союза далёкого 1815 года? А он возымел колоссальное значение в не менее драматичной истории XX века. Ни много ни мало, но проделанная Иосифом Сталиным работа над ошибками своего предшественника послужила фундаментом возрождения имперского начала в СССР. Можно сказать, что советский интернационал был низложен, в том числе, благодаря бесценному опыту Александра I.

...Хотя к 1938 году на свободе осталось только четыре архиепископа. Но Господь не оставил Россию и ее православный народ. Великая Отечественная война стала очистительным испытанием. В ночь на 5 сентября 1943 года Сталин встретился с тремя митрополитами. И в России снова было восстановлено патриаршество, появилось духовенство, открылись духовные школы. На глазах у всего мира Россия восставала из духовного небытия — вновь облачалась в свои привычные имперские ризы (нет, не золото и алмазы, но всё те же священные и до спазма к груди родные — терние и власяницу).

В победном 1945 году был созван Поместный Собор Русской православной церкви. Помимо делегатов от епархий на Собор были приглашены православные патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, стран Ближнего Востока, Грузии, зарубежные русские иерархи. Число членов и гостей Собора составило 204 человека. На нем присутствовало восемь патриархов, были представлены все главные Восточные Патриархаты.

Перечисляя в письме к митрополиту Сергию (Тихомирову) различных гостей и представителей Поместных Церквей на Соборе, владыка Вениамин Федченков писал: «Видите: почти Вселенский Собор. Нечто небывалое в истории вообще, а в Москве — впервые! Разве это не знамение?! Разве это не исполнение уже древнего нашего предсказания: «Москва — третий Рим»? Это мы видели воочию! Москва сделалась центром Православия. А что еще будет дальше! Я ожидаю великих последствий!».

Великих последствий от Собора ожидал не только митрополит Вениамин. Собор по замыслу должен был положить

начало всеобщего объединения православного мира. Это ли не исправленная версия Священного союза Александра I? Это ли не модель Богом заповеданного Катехона (удерживающего мир от прихода антихриста)?

Через три года после Великой Победы и Поместного Собора 1945 года происходит важнейшее для православного мира событие. 8—18 июля 1948 года в Москве состоялось Всеправославное Совещание Глав и Представителей автокефальных поместных православных Церквей, которое было приурочено к празднованию 500-летия фактической самостоятельности Русской Церкви.

Всеправославное Совещание в Москве объединило тех, кто выступал против унии с Римом и для того, чтобы предотвратить экуменическую деятельность рождавшегося в то же время Всемирного совета церквей (из-за начавшейся Второй мировой войны его официальное создание было отложено до 23 августа 1948 года, когда представители 147 церквей провели первую учредительную ассамблею в Амстердаме, чтобы основать ВСЦ). Тогда в Москве открыто говорилось о масонском происхождении экуменизма, были приведены конкретные факты и высказывания самих масонов по этому поводу. «В лоне наших Ателье», как говорят они сами, всегда шла речь об «объединении человечества» и «установлении нового мирового порядка», для нужд которого требовалось создать и новую «вселенскую церковь».

На Западе всерьёз и с ужасом вновь заговорили о «русской тайне», которая привела наш народ к победе на поле боя и сулила победу ещё большую: в битве битв — в пространстве духовного противостояния. Этого экзистенциального рывка Сталину простить не смогли...

...25 февраля 1956 года Никита Хрущев с трибуны XX съезда КПСС прочитал «секретный» доклад с критикой Иосифа Сталина. Очень скоро Россию насильно склонили под экуменическую гильотину. В июле 1961 года, через восемь лет после смерти Сталина, Русская Православная Церковь вступила в экуменический ВСЦ. Советскую империю душили в зародыше...

Какой же следует сделать вывод из всего вышесказанного, что именно важно понять нам, недостойным потомкам?

Серьёзный политический проект невозможен без духа религиозности. Особенно, если речь идёт о России. Реально лишь то, что принадлежит вечности, то, что сакрально. Напротив, то, что люди творят по собственному почину, принадлежит к области светского, т.е. профанируется; такая деятельность иллюзорна и, в конечном счете, недолговечна.

Здесь идеально подходит сравнение со спринтерами и стайерами (марафонцами), где всякого рода материалисты, диалектики и секуляристы — спринтеры, а верующие и метафизики — стайеры. И те, и другие являются профессиональными бегунами. Разница лишь в дальности забега и скорости движения. Так, спринтер ориентирован на короткие дистанции и движение рывком. Стайер же способен пробегать несколько тысяч метров, распределяя при этом энергию. Да, скорость первых выше, но они сгорают так же быстро, как начинают своё движение. Принцип серьёзной глобальной политики — исключительно удел марафона. Александр I и Иосиф Сталин были выдающимися марафонцами, если можно так выразиться, командного забега. Это были Богом данные правители, которые в предназначении России видели реализацию не просто долгосрочного, но сверхдолгосрочного проекта, заканчивающегося... не на грешной земле, но в самом Царствии Божьем. Вот куда призваны бежать русские стайеры, увлекая за собой народы мира. Вот она настоящая политика по-русски и «русская тайна» в одном флаконе! Если Господь открывает целому народу Свои грядущие грозные суды, то как этот народ посмеет пойти поперёк совести? И в этом самом месте мы просто недосыгаемы для противника. Именно здесь «ахиллесова пята» всех антихристианских проектов вместе взятых.

Да, дело Великого Востока Франции и Объединенной Великой ложи Англии живо поныне, они очень сильные марафонцы. Но их хилиастический проект заканчивается на Земле — мировое господство, «машиах» и т.д. Посягнуть на нашу «дистанцию» о Царствии Божиим они не могут в силу того, что тогда откроется тайна их беззакония, ибо ведёт их спринтерская дорожка напрямиком в ад крошечный. Поэтому нужно понимать, в чём заключается наше стратегическое превосходство и пользоваться этим преимуществом.

Ученые выделяют три направленности развития человеческих сообществ: 1) когда духовный сдвиг опережает цивилизационное, технико-технологическое развитие 2) когда цивилизационный сдвиг опережает духовное развитие и 3) духовный и цивилизационный сдвиги гармонично соразвиваются.

Так вот, Западный мир не только пошёл по второму пути развития, навязывая его всему миру, что пагубно отражается на духовности народов мира, но умело сократил технико-технологическое развитие, являя собой, по сути, разновидность язычества. Да, Запад верен себе: век за веком они — системные и последовательные стайеры.

В то время как критическую важность религиозной (мистической) составляющей, как движущей силы мировой глобальной политики, наши «верхи» упорно не признают. Принцип теофании им чужд. Секуляризованная, а значит лишенная Божественного вспоможения Россия, движется в плоскости спринтера, да и то не первого разряда. Какие бы шаги ни предпринимались РФ на министерских уровнях, «Орешник» никогда не победит Левиафана (в библейском представлении, огромного змея, живущего в море). Ибо противостояние с этим зверем происходит совершенно в иной плоскости.

Настала пора вспомнить о грозном оружии наших отцов. Вернуть России её доброе сакральное имя! Поднять с земли упавшую в горячей схватке хоругвь Катехона и, воспользовавшись опытом наших предков, принять от них эстафету, продолжив крестный русский марафон навстречу своим.

2

Когда писала предыдущий материал и прорабатывала тему европейских масонских лож, то невольно обратила внимание на три интересных детали, которые имели прямое отношение к недавно широко освещённому в мировой прессе событию — открытию после реконструкции знаменитого парижского Собора Нотр-Дам. Сопоставив между собой эти три открытия, можно было прийти к любопытному выводу об истинном предмете странноватого мероприятия.

Политический размах церемонии поразил! О том, что это была «какая-то подозрительная масонская тусовка», говорили и писали многие, как в самой Франции, так и в мире. Отмечалось, в частности, что после «реставрации» Собор стал больше напоминать масонский тампль (замок). В день открытия заборы вокруг Нотр-Дам были обклеены листовками, которые рассказывали о том, что после реставрации Собор превратили в масонский храм. В основном бдительные критики пеняли на типичный для подобных объектов пол в шахматный квадрат, но не только.

«Заново отстроенный собор Парижской Богоматери больше похож на храм антихриста, чем на христианскую церковь, — писал, например, французский журналист Ришар Бутри. — В нём появилось множество недвусмысленных символов, главный из них (помимо шахматного пола) — алтарь в форме чаши Грааля, как в фильме «Индиана Джонс». Из такой чаши пили кровь на ритуалах. А новый реликварий, сочетающий в себе образы бога солнца Гелиоса и глаз Гора? Он весь сияет золотом, и посвящённые могут преклониться пе-

ред ним, как перед Золотым Тельцом. И терновый венец Христа будет храниться в фиолетовом кружке посреди этого зловещего символа».

Но вот что именно там происходило и ради чего, собственно, собрались сливки не к ночи помянутого оголтелого братства, — об этом не сообщалось нигде. У меня появилось бледное предположение...

За свою долгую историю Собор претерпел несколько серьёзных перевоплощений. Французская революция XVIII века нарекла Нотр-Дам «твердыней мракобесия». Колокола были переплавлены, а каменных королей, украшавших фасад, Робеспьер лично приказал обезглавить. Собор думали снести, но оставили «на нужды революции», превратив в храм Разума. Это была первая масштабная трансформация в сторону оккультизма.

В XIX веке Собор снова собирались снести, но неожиданно были отданы распоряжения об очередной «реконструкции», после которой он фактически официально превратился в оккультное святилище или что-то близкое к этому. Это была вторая заметная трансформация. С тех пор под каменными сводами святилища обитает всевозможная нечисть. Центральный портал западного фасада украшен фигурами людей, держащих диски с алхимическими символами. Сама Алхимия в облике женщины, чья голова касается облаков, держит в левой руке скипетр, а в правой — две книги: открытую (символ доступного знания) и закрытую (символ знания эзотерического). Между ее коленями стоит лестница с девятью ступенями — «*scala philosophorum*», она символизирует терпение, которое требуется алхимику для девяти ступеней делания.

Виктор Гюго назвал Собор Парижской Богоматери «наиболее удовлетворительным кратким справочником оккультизма». В наши дни парижские гиды не без основания называют Нотр-Дам местом «дьявольской силы».

Ну и вот, дожили мы с вами, грешные, значит, до очередной, третьей по счёту, трансформации.

Пять лет назад Собор, как известно, горел (при весьма загадочных обстоятельствах, кстати). На частные средства восстановлен в рекордные сроки.

7 декабря 50 глав государств собрались вместе, чтобы принять участие в церемонии открытия Нотр-Дам «рестайлинг», которая официально имела название «церемония возрождения — Феникс». На шпиль Собора, вместо утраченного при пожаре петушка, был водружён этот самый золотой Феникс. В прессе только ленивый не упомянул устойчивое выраже-

ние, что, мол, Собор «возродился как Феникс из пепла», имея в виду, естественно, всем известную мифологическую огненную птаху.

Так вот, моё маленькое открытие номер один. Название «Феникс» имеет ложа масонства, находящаяся под юрисдикцией Объединенной Великой ложи Англии, которая считается старейшей и наиболее влиятельной масонской Великой ложей в мире.

По случаю события была выпущена серебряная монета номиналом 1 унция, которая посвящена возрождению Нотр-Дам. На реверсе монеты изображён Феникс, парящий над собором. Тираж ограничен: 100 экземпляров по всему миру. И несколько золотых монет для випов.

Справка. Небольшое преимущество в численности имеет «англосаксонская ветвь» масонства с центром в Лондоне как наиболее старая. Ей противостоит и совсем немного уступает «французская ветвь». Разногласие между ними возникло после Великой французской революции, когда антиклерикально настроенные французские масоны сделали в своем уставе поправку, позволяющую посвящать в масоны атеистов. По некоторым округлённым данным, Англия и Франция вместе составляют почти три четверти европейских масонов, остальные находятся в Соединенных Штатах Америки.

Справка. Отметим умышленное сходство целей христианства и сосуществующей с ним алхимической ереси. Именно их параллельность позволяла алхимикам широко использовать христианскую образность в своих трактатах, а христианским пастырям говорить на языке алхимии. Так, в одной из проповедей Джона Донна (1572—1631) на покаянный псалом Давида мы встречаемся со следующим пассажем: «Потому Давид, который был металлом, семизды испытанным пламенем, желая стать золотом, что пойдёт в сокровищницу Господа, мог понять, что при трансмутации металла не достаточно тому пройти через стадию кальцинации или растворения... Необходима фиксация, закрепление, дабы металл не ушел паром и не стал ничем, не вернулся бы в прежнее свое низкое состояние». В другой его проповеди читаем, что «у Трисмегиста, у Зороастра и у Платона... мы обнаружим представления о Троице, выраженные куда яснее и буквальнее, чем у всех ветхозаветных пророков», или о том, что «Гермес (Трисмегист) старше тех первых секретарей Святого Духа, что оставили нам Библию — он был их предшественником».

А чего стоит предложение, направленное в 1591 г. масоном Франческо Патрици папе Григорию XIV: по мнению италья-

янского деятеля, в церковном учении на место Аристотеля надо поставить герметическую философию. В бумагах Государственной Канцелярии Ее Величества английской Королевы Елизаветы I мы обнаруживаем около 30 (!) документов, посвящённых работе алхимиков при королевском дворе — работе, пользовавшейся высочайшим вниманием и покровительством.

Свидетельств того, что христианская церковь Европы со времён царя гороха заражена гремучей оккультной ересью, бесчисленное множество. В настоящее время повсеместное торжество антихристианских учений указывает на финальную стадию апостасии и, похоже, какой-то важный, переходный этап. В специализированной литературе можно найти, например, что символ Феникса соответствует завершающей стадии Великого Делания (Opus Magnum) — получению философского камня и может считаться его тайным обозначением. По мнению К.Г. Юнга, «в алхимии... дракон считается нижней формой Меркурия, а Феникс — высшей». В алхимии Феникс также может обозначать Люцифера, которого низвергли в языках пламени и который однажды должен восстать.

Маленькое открытие номер два. Конечно же, все отметили необычные одеяния католических священнослужителей на мессе в Нотр-Дам. До пожара их рясы были канонического фиолетового цвета. Но на открытие восстановленного собора они вышли в мантиях цветов Ордена Восточной звезды — одной из ведущих масонской лож Америки.

Справка. Ложа создана в 1850 г., штаб-квартира располагается в Вашингтоне. Орден распространился по всему миру и насчитывает около 10 000 капитулов в двадцати странах. Одной из самых известных руководительниц Ордена Восточной звезды, которая именуется Великая Матрона, была Элеонора Рузвельт, жена 32-го президента США Франклина Рузвельта. Можно предположить, что ложа такого рода представляла собой некий феминистский клуб, где обсуждалась дискриминация женщин в США. Необходимо обозначить роль женских масонских лож в США. Так, женам, невестам, дочерям, любовницам масонов отводится задача получения от мужчин того, что находится, прежде всего, в интересах хозяев ложи (это может быть, например, любая значимая информация, налаживание связей, создание основы для дальнейшего манипулирования в нужном ключе и т.д.). Иными словами, женщина является своеобразным «орудием» для достижения целей масонских организаций...

В числе почетных гостей парижского парамасонского бонда можно было видеть Джилл Байден (без супруга), которая вполне тянет на роль Матроны.

Ну и, наконец, маленькое открытие номер три. В последнее десятилетие европейские политики открыто поддерживают масонов. Например, канцлер Германии Шольц устроил празднование 275-летия со дня основания первой немецкой ложи прямо в ратуше, где разразился елейной хвалебной речью в её адрес. Но речь Шольца даже близко не стояла по степени откровенности с речью президента Франции на «Великом востоке».

8 ноября 2023 года президент Франции Макрон выступил на собрании масонской ложи «Великий восток Франции», посвященном 250-летию юбилею её создания.

Макрон, в частности, заявил: «Масонство было создано по образу и подобию замыслов французской нации... Вклад масонства — это историческая истина». Макрон даже сказал, что масонство сыграло решающую роль в формировании современной Франции: «Без него республика не была бы создана». «Ложи разума были кузницами наших законов», — сказал он далее, цитируя целый ряд законов, включая, конечно, закон 1905 года об «отделении церкви от государства». Тут Макрон намекает на замену христианского Бога «богинеи разума» во времена Французской революции и т.д.

Не показалось ли вам, что обозначенные мною три пункта могут означать, что в преддверии завершающей стадии Великого Делания (*Opus Magnum*) произошло слияние, долгое время враждовавших между собой, трех наиболее мощных ветвей мирового масонства — Английского, Французского и Американского — в единый Союз под председательством великого мастера ложи «Феникс»? Иначе, к чему такой впечатляющий политический Олимп собрался бы на местечковом мероприятии в Париже?..

Не было, кстати, только папы Франциска...

ТРЕТИЙ РЕЙХ И ИЗРАИЛЬ

После начала нового раунда войны на Ближнем Востоке 7 октября 2023 года вновь возрос интерес к вопросу о том, что такое государство Израиль, зачем оно было создано в 1948 году и кто стоял за его созданием.

Люди, сведущие в истории, скажут, что идея создания еврейского государства возникла во второй половине XIX века. Она была озвучена на Первом сионистском конгрессе, который проходил в Базеле в 1897 году под руководством Теодора Герцля (1860—1904). Он же был избран на этом конгрессе президентом Всемирной сионистской организации (ВСО). Герцль выражал и озвучивал идеи той мировой еврейской элиты, которая на протяжении многих веков управляла своей паствой (евреями и приверженцами иудаизма разных толков). Некоторые авторы называют эту верхушку мировым синедрионом.

Кстати, ВСО также получала очень энергичную поддержку со стороны так называемых «христианских сионистов». Это значительная часть протестантов (особенно из англосаксонского мира), которых принято называть «евангелика-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ми» (пуритане, методисты, баптисты и проч.) и которые уже как движение оформились во времена Реформации. Мне приходилось общаться с такими христианскими сионистами в Америке. У них какой-то труднообъяснимый комплекс вины перед евреями (подобный тому, какой испытывают некоторые немцы в XXI веке перед евреями, особенно евреями Израиля). Ссылаясь на Священное Писание, протестанты-сионисты утверждали (и, кстати, продолжают утверждать по сей день), что истинные христиане должны выполнить свой долг перед «богоизбранным народом». Суть этого долга в первую очередь в том, чтобы помочь евреям вернуться на «Землю обетованную». Ярким образчиком такого протестанта-сиониста является победивший на президентских выборах в США Дональд Трамп.

Но вернемся в XIX век. Закулисный синедрион тогда очень обеспокоился тем, что резко активизировался процесс ассимиляции евреев в Европе (впрочем, также и в Новом Свете). Многим из них уже давно забыли, что такое иудаизм, Тора (Пятикнижие Моисеево), Талмуд, суббота, обрезание, перестали ходить в синагогу, стали креститься, вступать в браки с неевреями и т.д. Одним словом, у мирового синедриона начала уходить почва из-под ног, еврейские пастыри стали терять свою паству. А христианские сионисты опасались, что скоро не перед кем будет исполнять свой священный долг.

Британский премьер Бенджамин Дизраэли (1804—1881), будучи крещеным, находившимся в процессе ассимиляции евреем, очень хорошо чувствовал эту тревожную для потомков «богоизбранного народа» атмосферу. Потомки хотели стать стопроцентными европейцами, а закулисный синедрион стал готовить программу мер по возвращению заблудших овец в стадо. Кстати, Дизраэли, будучи по образованию и опыту работы юристом, демонстрировал незаурядные способности в литературе. Особенно следует выделить три его романа: «Конингсби, или Новое поколение» (1844); «Сибилла, или Две нации» (1845); «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847). В романах, повестях и рассказах Дизраэли сквозит тревога, что потомков «богоизбранного народа» в ближайшие времена ждут серьезные испытания, что насладиться дарами европейской цивилизации им вряд ли удастся.

Судя по всему, мировой синедрион сделал ставку на Теодора Герцля, австрийского ассимилированного еврея, журналиста. Ему было поручено озвучивать и претворять в жизнь идею сионизма. Во-первых, возрождения того древнего и великого Израиля, который существовал во времена царей

Давида и Соломона (т.е. примерно три тысячи лет назад). Вторых, возвращения в эту «страну обетованную» евреев со всех уголков мира. Примечательно, что территориально новый или Великий Израиль должен быть даже обширнее царства Давида и Соломона и должен простираться «от Нила до Евфрата».

Однако в конце XIX — начале XX века эта идея не нашла достаточного отклика ни среди евреев, ни (тем более) среди неевреев. Теодор Герцль был уже согласен на компромиссный вариант создания «национального очага» для евреев: если не в Палестине («земле обетованной»), то хотя бы где-нибудь. И вроде в 1903 году стал вырисовываться вариант создания еврейского государства в Уганде — эту территорию предложила Британия. Теодор Герцль принял предложение Лондона. Но радикальные сионисты были категорически против. Случайно или неслучайно, но в 1904 году Герцль в довольно молодом возрасте уходит из жизни (многие считают, что неслучайно).

После Герцля через некоторое время лидером сионизма стал Хаим Вейцман (1874—1952). Он выходец из Российской Империи, из какой-то глухой, находившейся в черте оседлости деревни Гродненской губернии (Белоруссия). Ему, бесспорно, принадлежит основной вклад в создание государства Израиль. Еще в конце позапрошлого века этот ашкеназ (еврей хазарского происхождения) был мало кому известен и в России, и в Европе. А уже после Первой мировой войны перед ним стояли навтыжку такие государственные деятели, как Бальфур, Ллойд Джордж, Уинстон Черчилль, Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гарри Трумен и другие. А после создания государства Израиль Хаим Вейцман стал первым его президентом.

Об этом можно прочесть в целом ряде книг. Пожалуй, наиболее глубокой и информативной является книга известного английского журналиста Дугласа Рида «Спор о Сионе» (он над ней работал в 1949—1956 гг.; издана впервые она была уже в 1977 г. — через год после смерти автора).

Зрелый сионизм — симбиоз политических планов и религиозных установок и норм закулисного синедриона. Политическая сторона сионизма — создание государства Израиль и непрерывное расширение его границ и влияния. Религиозная сторона сионизма — насаждение исключительности некоей группы людей, которая себя причисляет к «евреям» и «иудеям» (все остальные по отношению к ним — недочеловеки или гои). Эта характеристика сионизма была зафиксирована в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3379 от

10 ноября 1975 года. В ней сказано: «Сионизм — это форма расизма и расовой дискриминации». Правда, в декабре 1991 года, когда происходил развал СССР, мировая закулиса организовала отмену этой резолюции. Но документ, дающий определение сионизму, уничтожить нельзя.

Конечно, государство Израиль готовили многие деятели, не только Хаим Вейцман. Роли и задания им раздавали, как пишет Дуглас Рид, не только начальники закулисного синдриона, но также те, кого можно назвать «хозяевами денег», т.е. банкиры и финансисты, которые, как известно, являются потомками тех еврейских ростовщиков, которые создавали первоначальное накопление капитала еще в Средние века и которые готовили и проводили буржуазные революции для того, чтобы снять любые ограничения с финансово-ростовщической деятельности и сделать деньги главным инструментом управления людьми и обществом.

С учетом сказанного хотел бы выделить вклад клана Ротшильдов в дело сионизма и создания государства Израиль.

Многим известна «Декларация Бальфура», которая так названа по имени тогдашнего британского министра иностранных дел Бальфура и которая была обнародована в ноябре 1917 года. В ней впервые публично озвучена цель создания государства Израиль на территории Палестины. Письмо было подготовлено Бальфуром, и он размышлял, кого обозначить адресатом послания. Вейцман тогда уже был вхож в кабинет министра иностранных дел, и он посоветовал Бальфуру адресовать декларацию председателю Британской сионистской федерации лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду, потомку Натана Майера Ротшильда, основателя лондонской ветви банкирского дома. В декабре 1917 года в здании лондонской оперы собрались самые значимые евреи Англии. Зал был переполнен. Многие стояли в коридорах и на улице. Лорд Лайонел Уолтер Ротшильд зачитал официальное письмо правительства Великобритании и произнес речь, в которой определил декларацию Бальфура как самое знаменательное политическое событие в истории евреев за последние две тысячи лет.

Важным событием стало избрание в 1920 году Ротшильдами, Шиффами, Барухами и прочими богатейшими евреями Хаима Вейцмана мировым «Царем иудейским». На Сионистской конференции 1920 года в Лондоне Вейцман избран председателем Сионистской организации. Он занимал этот пост до 1931 года, а затем снова с 1935 по 1946 год.

После того, как Лига наций в 1922 году определила, что Палестина находится под мандатом Британии, Ротшильды

стали оказывать содействие в том, чтобы на эту подмандатную территорию приезжали евреи из разных стран. Но эффективность этих усилий была крайне низкой. В 1924—1929 годах (так называемая четвертая алия) в Палестину приехали 82 тысячи евреев, в основном в результате всплеска антиеврейских настроений в Польше и Венгрии. Впоследствии, однако, приблизительно 23 тысячи эмигрантов этой волны покинули страну.

К концу 20-х — началу 30-х годов стало понятно, что собрать критическую массу евреев в «земле обетованной» призывами и какой-то финансовой подпиткой не получится. Тогда сионисты сделали ставку на подготовку и проведение еще одной мировой войны. С тем, чтобы силой заставить евреев уже не ехать, а бежать в «землю обетованную». И тут Ротшильды внесли также свой весомый вклад в такую подготовку. Кроме Ротшильдов Адольфа Гитлера и НСДАП финансово поддерживали такие влиятельные еврейские промышленники, как Рейнольд Геснер и Фриц Мандель. Значительную поддержку фюреру оказали берлинские банкиры Оскар Вассерман (один из руководителей Deutsche Bank) и Ганс Привин, а также известная банковская группа Варбургов и лично Макс Варбург (директор гамбургского банка «М.М. Варбург и К»).

Имеется достаточно много книг, в которых авторы прямо заключают: евреи финансировали лично Гитлера, создание Третьего рейха, были в руководстве Германии, участвовали в «решении» еврейского вопроса, уничтожении своих соплеменников, воевали в составе немецких вооруженных сил. Многие были в высшем руководстве вермахта (вооруженных сил Третьего рейха): Эрхард Мильх (маршал авиации); Рейнхард Гейдрих (в 1939—1942 гг. возглавлял РСХА — Главное управление имперской безопасности, стал самым молодым в истории обергруппенфюрером СС — аналог генерала армии); адмирал Вильгельм Канарис; полковник Вальтер Холландер; подполковник абвера Эрнст Блох и др.

Брайан Марк Ригг, американский историк, в прошлом офицер морской пехоты США и доброволец армии обороны Израиля, написал и издал в 2002 году книгу «Еврейские солдаты Гитлера». Ригг говорит, что в вермахте служило 150 тысяч евреев. Этот контингент входил в состав следующих групп: 60 тысяч солдат, у кого евреи отец или мать, и 90 тысяч тех, у кого евреями были бабушки и дедушки. «Не все, кто носил мундир, были нацистами, и не все евреи преследовались», — отмечает Ригг. Особенно интересным, как мне кажется, является следующий сюжет указанной книги. Немец-

кая кадровая служба армии в январе 1944 года подготовила знаменитый «Список 77». В него входили «высокопоставленные должностные лица смешанной еврейской расы», служившие в вермахте. Эти 77 человек получили одобрение Гитлера, он присвоил им звание «Люди немецкой крови».

О связи Гитлера с Ротшильдами и другими еврейскими банкирами и спонсорами можно прочесть в следующих книгах: «До прихода Гитлера» Дитриха Брондера (был генеральным секретарем объединения нерелигиозных общин Германии), «Гиммлер» Вилли Фришауэра, «Братство Бормана» Уильяма Стивенсона, «Эйхман» Джона Донована, «Канарис» Чарльза Уайтинга и др.

Несмотря на попытки сионистов совместно с нацистами Германии использовать войну в качестве мощного средства выдавливания евреев в Палестину, их постигли неудачи. Вот интересные данные, содержащиеся в книгах известных еврейских авторов: К. Сайко «Перепутья на пути в Израиль» (1965), Натана Вейнштока «Сионизм против Израиля» (1969), Роже Гароди «Основополагающие мифы израильской политики» (1996). Из евреев, которые подвергались преследованию со стороны нацистов и нашедших спасение за рубежом в период с 1935 по 1943 год, 75% (без малого два миллиона) нашли убежище в «тоталитарном» СССР. На Соединенные Штаты пришлось менее 7% (примерно 182 тыс. человек), на Англию около 2% (67 тыс. человек). В Палестине убежище нашли примерно 8,5% беженцев.

Что ж, Вторая мировая война приблизила создание государства Израиль. Но у мирового сионизма тогда не хватило сил дойти до финала. Потребовалось еще целых три года для того, чтобы, наконец, в мае 1948 года было объявлено о создании еврейского государства. И с тех пор на Ближнем Востоке идет почти непрерывная война, которая имеет явные признаки геноцида. Только с 7 октября 2023 года в секторе Газа погибло 43 тысячи человек: и палестинцев и арабов военными Израиля убито и 101 тысяча получили ранения. Выражаясь языком евреев, имеет место самый настоящий палестинский «Холокост».

На сегодняшний день существует множество версий того, кто является главным основателем Израиля. Вот, например, Хенек Кардель (во время войны был подполковником вермахта и кавалером рыцарского Железного креста) доказывает со ссылкой на множество документов, что основателем был фюрер Третьего рейха. Книга Карделя так и называется: «Адольф Гитлер — основатель Израиля» (1974). Указанная книга была издана у нас в 2022 году.

А вот Ротшильды в последнее время стали ревниво утверждать, что именно им принадлежит главная заслуга в создании этого государства. Можно посмотреть видео «Моя семья создала Израиль», в котором уже покойный инвестбанкир барон Джейкоб Ротшильд (1936—2024) раскрывает решающую роль, которую его предки сыграли в продвижении Декларации Бальфура и создании Израиля.

Что ж, получается, что Ротшильды внесли свой весомый вклад в создание Третьего рейха. Нынешний Израиль, который арабские страны справедливо считают аналогом гитлеровской Германии, можно условно назвать Четвертым рейхом. И от роли отцов-основателей этого Четвертого рейха Ротшильды не только не отказываются, но на ней даже настаивают.

Итак, мы видим сложившуюся в последнее столетие теснейшую связь между еврейским банковским капиталом, немецким национал-социализмом и сионизмом «Великого Израиля». Есть о чем задуматься.

«ВСЁ ИДЁТ ПО ПЛАНУ...»

Несмотря на чьё-то прозрение

28 декабря 2024 года в интервью телеканалу «Россия-24» руководитель фракции Единой России в Госдуме генерал МВД Владимир Абдуалиевич Васильев сделал сенсационные заявления. Он сказал следующее: «Вопрос миграции, тяжёлый вопрос. Он возник как простое решение в сложной ситуации угрозы терроризма. Угрозы потери стабильности в государствах Средней Азии. Наш союзнический долг, братские отношения открыли двери для мигрантов, чтобы они (правители бывших советских республик) могли вот эту взрывоопасную молодёжную среду каким-то образом канализировать к нам». То есть ради союзнического долга и каких-то братских отношений со среднеазиатскими и прочими странами завозят взрывоопасную молодёжную среду в РФ.

Остаётся загадкой, по какой причине один из адептов и инициативных проводников порочной миграционной политики, коим долгое время являлся Владимир Абдуалиевич Васильев, решил озвучить одну из главных при-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

чин направления в Россию безудержных миграционных потоков.

Ещё недавно Васильев, комментируя законопроект ЛДПР, ограничивающий трудовым мигрантам без гражданства РФ право на перевозку своей семьи в нашу страну, в фарисейской манере говорил, что Россия не может запретить въезд к нам для семей мигрантов. И, переворачивая существо вопроса с ног на голову, пытался обвинить инициаторов ограничений для мигрантов в расшатывании ситуации, грозил им какой-то ответственностью, проливал крокодиловы слёзы по тому, что узбеки в этом случае, видите ли, поедут в Англию, а не в Россию.

И что же теперь? Владимир Абдуалиевич вдруг прозрел? Понял, наконец, что миграционная политика неминуемо приведёт к взрыву в стране? Почувал в этом свою ответственность? Хотя это было понятно и пять лет назад, и десять лет назад. Патриотические общественные деятели об этом предупреждали ещё с ельцинских времён. Но наши «очень ответственные» высокие политики, как правило, «прозревают», только когда ситуация доведена до крайности и, возможно, уже до невозвратного состояния.

Но Васильев, хоть и с колоссальным запозданием, но всё же начал говорить правду. А вот специальный представитель по вопросам миграции в Госдуме Константин Затулин упорно продолжает ратовать за привлечение бесконтрольных толп мигрантов.

Депутат Госдумы Михаил Матвеев, один из немногих в Госдуме предупреждавший о кошмарных последствиях такой госнацполитики, за три дня до заявления Васильева констатировал, что кто-то из российской власти умышленно ввозит в страну радикально настроенных мигрантов, чтобы они не растрясли среднеазиатские режимы, о чём он мог ещё раз удостовериться на одном из совещаний с участием силовиков. Режимы в среднеазиатских странах российским управленцам, видимо, дороже жертв радикалов среди собственного народа.

Ещё в середине прошлого года М.Н. Матвеев вытащил на свет любопытнейшие документы, о которых поведал своим коллегам по депутатскому корпусу. Несколько лет назад Международной организацией миграции (МОМ), действующей от имени ООН, была принята программа по переселению жителей Киргизии и Таджикистана в Россию. Понятно, что официально всё было преподнесено под благовидным предлогом: якобы эта международная организация преследовала цель снизить бедность в странах Средней Азии. Причем финансированием переселения среднеазиатских народов занимался Всемирный банк, а контролировали этот процесс государственные структуры США и Великобритании. Эти самые

структуры, помимо всего прочего, определяли, какие именно населенные пункты России должны были заполонить собой переселенцы из Средней Азии. Помимо этого, Михаил Матвеев продемонстрировал своим коллегам сайт МОМ, у которого есть филиал в России. Делая вывод из всего сказанного, Матвеев заявил депутатам, что «цель привлечь мигрантов для трудоустройства в России вообще никогда не стояла», хотя российские чиновники всех уровней долгие годы заверяли нас в обратном. То есть главной причиной, по которой мигранты появились в нашей стране, является снижение бедности в их странах, а разговоры о привлечении их к работе в России лишь камуфляж. То есть нас все это время водили за нос. Отсюда — приоритетное предоставление среднеазиатским мигрантам гражданства России, щедрая раздача приезжим все эти годы материнских капиталов, пособий и т.д.

Все происшествия с участием мигрантов, это не что иное, как следствие политики, методично проводимой Штатами и Британией, которые сделали всё, чтобы нашу страну заполонили миллионы ненавидящих коренное население мигрантов. И адепты миграции во власти России тому всемерно способствовали. При этом Михаил Матвеев констатировал, что изменить ситуацию уже не получится — целевые показатели Международная организация миграции уже выполнила.

«Так кто же на самом деле стоит за завозом в нашу страну мигрантов? Международные структуры глобалистов, их спецслужбы и «неправительственные» организации, под которые легли наши чинуши и их информационное сопровождение, Блеющее что-то там про дружбу народов, неспособность русского народа эффективно размножаться и острую нехватку рабочих рук», — заключил Матвеев на заседании в Госдуме. Но, может, что-то изменилось после его выступления?

Да, изменилось. В худшую сторону. В российских городах официально открываются представительства МВД Киргизии и Узбекистана, в функции которых входит лоббизм миграции, защита диаспор от российских правоохранителей и оказание давления на отечественную правовую систему. Да и среднеазиатских мигрантов уже маловато будет — теперь власти намерены ввозить к нам афганских и пакистанских мигрантов.

Можно в очередной раз констатировать: подготовка к «великой мигрантской революции» в России проходит успешно.

Российские миллиарды пошли на Украину

Сообщается: «Украина получила от США 1 млрд. дол., обеспеченный доходами от замороженных российских активов.

Это первый транш из запланированных 20 млрд. дол., которые США готовы выделить за счет использования российских активов в рамках инициативы G7. 20 декабря стало известно, что Украина подписала соглашения, позволяющие получить средства за счет замороженных активов Москвы. 1 млрд. дол. будет выделен Всемирным банком в виде невозвратного гранта в счет предстоящего взноса США в рамках механизма по использованию замороженных активов. В октябре лидеры Группы семи приняли совместное заявление, в котором объявили о достижении договорённости относительно деталей предоставления Украине кредита в размере 50 млрд. дол. Подчеркивалось, что займы «будут обслуживаться за счет будущих доходов от замороженных суверенных активов России в рамках правовых систем стран G7 и международного права». При этом США обязались взять на себя выделение Украине 20 млрд. дол., а остальные 30 млрд. будут направлены общими усилиями G7 и ЕС».

Таким образом, война на т.н. Украине ведётся, в том числе, за счёт российских средств. Как это стало возможным?

Бывшие и нынешние высокопоставленные чиновники финансового блока типажа Силуанова, Набиуллиной, Кудрина утверждали, что российская экономика настолько ущербна, что надо выводить деньги за границу. Дескать, наступит чёрный день, тогда и вернём их в российскую юрисдикцию. И чем это кончилось? 300 миллиардами долларов потерянных для России средств. И такая «позиция» главных по финансам в стране не только касается бюджетных средств, но и оправдывает действия российского олигархата по переводу средств, «заработанных» в России, через офшоры на Запад. Сотни миллиардов, если не триллионы долларов ушли на Запад. И вот теперь Запад намерен уничтожить Россию за счёт самой России вследствие финансовой политики «светочей» экономической мысли в РФ.

Россия потеряла сотни миллиардов долларов, но ответственных за этот провал, как всегда, нет. Поэтому отставка, это тот минимум, который они должны получить за свою денежную политику. А дальше — это уже вопрос правоохранительной практики органов власти.

Не устану перечислять знаковые лица «финансово-экономического блока» страны, продолжающие дело ельциных, гайдаров, чубайсов, кудриных: Антон Силуанов — министр финансов, Максим Решетников — министр экономического развития, Эльвира Набиуллина — председатель Центробанка, Герман Греф — председатель Сбербанка, Андрей Костин — председатель правления ВТБ, Андрей Макаров — пред-

седатель комитета ГД по бюджету и налогам, Анатолий Артамонов — председатель комитета СФ по бюджету и финансовым рынкам...

(Вероятнее всего, эти миллиарды они, а также некоторые другие «лица», не указанные в данном списке, отправляли в зарубежные банки **для себя**, надеясь в определенный день сбежать поближе к этим деньгам. — Ред.)

Юлия БАНИШЕВСКАЯ

МИГРАНТЫ УБИВАЮТ РОССИЮ

Мы на лечение детей деньги собираем, а мигрантам дарим триллионы. Мигранты вывозят из РФ денег больше, чем приносят экономике. Это триллионы рублей только недоплаченных налогов. Зато оформлять пособия «новые граждане» бегут в первых рядах, а ещё получают социальное жильё, места в учебных заведениях, бесплатное лечение. А в это время русские семьи не могут позволить себе купить квартиру.

В Тюменской области сегодня зреет социальный взрыв. Местные жалуются в соцсетях, что по улицам толпами ходят мигранты: они стали расти в геометрической прогрессии, получают пособия, социальное жильё, а мы не получаем ничего. Эти мигранты стали заполнять медицинские колледжи, педагогические институты. В учебные заведения их зачислят в первую очередь, так как обычно они многодетные и малоимущие.

И такая картина не только в Сибири. «Кишлакизация» страны заметна по количеству смуглых мужчин, заматанных с ног до головы женщин и не говорящих по-русски детей, заполонивших местные школы.

Из бюджета тратятся гигантские деньги на социальное обеспечение приезжих. Член СПЧ при президенте Екатерина Сморода озвучила сумму: семья мигрантов может получать от 700 тысяч до 2,5 млн. рублей в год различными дотациями.

И мы ещё удивляемся, почему они сюда едут? Учитывая, что мигрантов в РФ порядка 14—16 миллионов, а с получив-

шими гражданство и того больше, мы имеем баснословную нагрузку на бюджет.

Минтруд отчитался, что в прошлом году на детские пособия малоимущим семьям потрачено 1,7 трлн. руб. В первых рядах оформлять выплату бегут переселенцы из Средней Азии и Закавказья. Потому что претендовать на максимальный размер детского пособия могут только бедные. Для жён мигрантов, которые рожают много детей и нигде не работают, это клондайк.

Зато местные семьи с одним-двумя детьми и официально трудоустроенными родителями не получают ничего. Обычная семья из глубинки с общим доходом 80 тысяч рублей в лучшем случае может претендовать на минимальное пособие. Мигрантам нужнее! Народ кипит от возмущения:

Вы работаете, у вас есть доход, значит, пособия вам не положено. У них по 8 детей, все мамы безработные, пособия им автоматом платятся. Такое у нас законодательство. Они и не работают, чтобы пособия получать. Бюджет наш трещит от расходов.

Как только РФ стала платить малообеспеченным, в страну ринулись жители СНГ. А чиновники у нас, похоже, для того, чтобы обслуживать приезжих, вместо того, чтобы тратить деньги во благо коренного населения. Мигранты убивают внутренний рынок труда. Они приезжают не просто работать, а жить вместо нас. Член СПЧ Кирилл Кабанов отмечает: мигранты уже давно не работают за копейки, это миф. Но есть ещё и стратегические риски, разрушительные для нашей страны. Какая здесь может быть якобы экономика, когда вопрос стоит о сохранении Русского мира?

Царьград

Павел ДМИТРИЕВ

ГАЗПРОМ И СВО

Газпром возвел в Санкт-Петербурге башню высотой 462 м. Проект Лахта-центр обошёлся в 120 млрд. рублей.

На площадке ПМЭФ (Петербургского международного экономического форума) подписана декларация о намере-

ниях Газпрома построить ещё два небоскреба высотой 703 и 555 метров. Вероятная стоимость всех проектов стремится к полутриллиону рублей.

Возникает законный вопрос: А в Газпроме знают, что страна воюет?

По общему впечатлению, его руководство ведёт себя так, будто у Газпрома нет убытков под 700 млрд. рублей, возникших в результате этой войны. И нет препятствий к реализации новых грандиозных строительных планов.

Если, к примеру, стоимость уже построенной башни Лахта-центра разделить на стоимость одного военного дрона, а это 26 200 руб., то их можно было бы выпустить примерно 19 млн. штук.

Россия сегодня всё ещё с напряжением выпускает 32 000 дронов в год. Хотя потребность гораздо больше. То есть вместо башен можно было бы создать необходимое вооружение на много лет вперёд и ни в чём не нуждаться, сохранив тем самым жизни солдат.

На оборону РФ в 2024 г. потрачено 11 триллионов рублей. При том, что население активно помогает фронту, удовлетворяя самые его насущные нужды, на которые в бюджете средств, видимо, не хватает. А проявление банального хвастовства в виде строительства башен равно примерно 6% годового военного бюджета страны.

Мы видели, что в Курской области оборона вдоль границы оказалась не готова надлежащим образом. По мнению военных экспертов, там хотя и произвели минирование, но оно бессмысленно без огневого прикрытия. Иначе говоря, противник на минных полях задерживает движение и становится мишенью для артиллерии. То есть банально не хватило артиллерийских соединений. Очевидно, их создание не по карману министерству обороны, так как это не только производство орудий и снарядов, но и обучение военнослужащих, и оплата их службы по контракту, и многое другое.

Но Газпром строит «вавилонские башни», в которых безопасность присутствия масс людей во время войны (без шансов на срочную эвакуацию) вряд ли имеет позитивные прогнозы... Хочется надеяться, что это даже не подготовка нового «Крокуса», а помасштабнее...

СМИ упорно убеждают нас в том, что Украина слабеет и проигрывает. Что у нее кончаются солдаты.

Во-первых, это неверно. Во-вторых, людей желающих воевать за деньги, легко набрать по всему миру. Так что нехватка личного состава не является для Украины катастрофич-

ной. А что касается поставок вооружений, то здесь потенциал противника в сравнении с нашим существенно больше.

Стратегия войны против половины мира обычными вооружениями явно обречена, если только мы не сменим акценты. И не станем решительно демонстрировать наше явное преимущество в ядерных силах. Пока что это реальное преимущество не стало преимуществом политическим. Результатом чего и являются военные действия в Курской области.

Руководство Газпрома, как часть элиты, формирующей представления о политике в высшем звене управленцев, не мыслит в таких категориях, предпочитая набор представлений, навязанный ментальной стратегией противника по втягиванию нас в бесперспективную войну обычным вооружением на истощение ресурсов и сокращение численности пассионарного населения. Частью проявления этой навязанной нам ментальной стратегии является безрассудное планирование строительства газпромовских небоскребов на фоне явного недофинансирования армии.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Январь)

Утром 17 декабря прошлого года у подъезда дома на Рязанском проспекте был совершен теракт, во время которого погибли командующий войсками радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) Вооруженных сил России генерал-лейтенант И.А. Кириллов и его помощник. Взрывное устройство было прикреплено к электросамокату, стоящему у подъезда. Наши спецслужбы, силовики и высшие власти не уберегли выдающегося военачальника и ученого. Как стало известно, он сообщал, что ему шли угрозы.

На следующий день был схвачен исполнитель теракта, гражданин Узбекистана, завербованный СБУ. Многочисленные предупреждения о свободном проникновении в страну завербованных врагами среднеазиатских мигрантов, к огромному несчастью, сбываются всё чаще. Трагедия «Крокуса» имеет неизбежное продолжение.

А в страну, как ни в чём не бывало, идут ежедневные потоки среднеазиатской «законной» и «незаконной» миграции...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

* * *

То, что во время войны (каковой является СВО), когда происходят бесконечные жесточайшие теракты и расстрелы украинцами мирного русского населения, власть не возвращает в Уголовный кодекс смертную казнь, — является предательством русского народа.

* * *

Пока одни в Кремле, а другие в ящике хвалились «Орешником», пиндосы пускали беспилотники и ракеты по Белгороду, Брянску, Казани, Рыльску и Льгову.

* * *

В декабре прошлого года на «Прямой линии с президентом» был озвучен вопрос о выносе тела Ленина из мавзолея. И он ответил: «Не надо раскалывать общество!» К сожалению, он так и не понял, а может, сознательно «не понимает», что как раз тело в мавзолее раскалывает общество. Когда же Ленин подобно Сталину (которого народ более ценит и уважает) будет захоронен, то никакого раскола общества не возникнет. Наоборот, все на этом примирятся, и к Ленину будут относиться лучше, спокойнее. Неужели наше население всё ещё не насмотрелось на труп?!

* * *

Просмотрел три последних номера «Нашего современника» за 2024 год — №10, №11, №12. Ни в одном из них нет материалов, так или иначе касающихся СВО. Прочитал стихи этих номеров. В них тоже о войне на Донбассе — ни слова. Как-то странно... Это что, позиция главного редактора? Страна воюет, но журнал, претендующий быть *нашим* и *современным*, создает для читателей впечатление, будто ничего особенного в ней не происходит. А многие по инерции продолжают считать «Наш современник» патриотическим журналом...

Да и, собственно, сами стихи в этих номерах довольно посредственные.

* * *

Такая вся из себя «нэзалэжная» Бандерохохляндия перекрыла транзит российского газа в Европу. То есть ее жидобандеровские обрезанты в который уже раз собственными руками сделали себе еще одно обрезание, чтобы по примеру от замороженных ушей хоть как-то нагадить России.

Наши большие власти заранее знали о том, что Бандерохохляндия не собирается продлевать контракт на транзит газа

в Европу и что с 1 января она транзит перекроет. Знали и о том, ЧЕМ это грозит Приднестровью. И позаботится о нём, о **нашем** Приднестровье, надо было заранее. Вариантов множество, если приложить мозги и если иметь желание что-то делать. Но российским «энергетическим» олигархам, как видим, заботиться об этом нет никаких причин, да и скорее всего их уже мало волнует Приднестровье, оставшееся без газа и почти без угля.

И вот с самого начала этого года в новостях по ящику нам ежедневно рассказывают о случившейся в Приднестровье энергетической катастрофе. Но что толку нам о ней рассказывать? Только нервы трепать! И ни слова нам не сказали о том, ЧТО Россия, вернее, наша большая власть, собирается делать, чтобы эту с каждым днем усугубляющуюся приднестровскую катастрофу остановить. Ведь там живут русские люди, многие из которых имеют российское гражданство!!! Почему об этом — о помощи им — молчок?! Что, так и будем молча со стороны наблюдать за этой очередной русской трагедией?!

Если в свое время не озаботились о грядущей энергетической проблеме для русских людей, прекрасно зная о ее приближении, то теперь-то нужны срочные действия для ее решения! Или уже на Приднестровье, как на Карабах и на Сирию, тоже можно махнуть рукой?..

Но как элитные «патриоты» любят на митингах или концертах кричать в микрофон: «Своих не броса-а-а-ем! Ура-а-а!»

* * *

Искусственный интеллект — это не интеллект как таковой. Это оружие. Причем оружие массового поражения. Против человека. Прежде всего — против человека думающего. Не думающие, живущие инстинктами, будут нужны для обслуживания и подсобных работ. А думающие люди и квалифицированные работники будут заменены т.н. «искусственным интеллектom» и отправлены в резервации или просто ликвидированы с помощью множества способов. Свобода слова будет запрещена и подвержена преследованию с помощью того же искусственного интеллекта. Это то, к чему стремится мировая (глобальная) власть, и она ускоренно движется к своей цели. То есть она («глобальный планировщик») создает условия для прихода мошиаха — антихриста. Российская власть движется в том же направлении и выполняет указания мировой власти. Заполнение России азиатской миграцией — одно из таковых указаний. Цифровизация страны, в том числе и рубля, — из той же оперы. Предмет «Искус-

ственный интеллект» постепенно уже вводится в российских школах. Причем мировая власть — это вовсе не президент США, не их Конгресс и Госдеп, а тем более не Евросоюз. Все они сами точно такие же («легальные») исполнители указаний мировой власти. А Трамп, по ее планам, должен исполнить роль предтечи мошиаха. И прислуживать ему будет человек с мировой популярностью — Илон Маск. Причем с самого начала они будут делать то, что всем нам очень понравится... Ну прямо как в работе русского философа В.С. Соловьева «Три разговора». Перечитайте.

Как заявил для прессы Песков, «Путин готов к переговорам с Трампом без всяких условий». Американские бусы уже приготовлены.

* * *

Январский пожар под городом Лос-Анджелесом (штат Калифорния) — это наказание Господне, подобное испепелению Содому и Гоморре. Сожжено 18 тысяч домов и строений, причем в большинстве своем это дома голливудских «звезд» и американской «элиты», в том числе загородный дом бывшего вице-президента Камалы Харрис. Как сказано, в американской прессе — ущерб 300 млрд. долларов. Эта цифра равна сумме российских денег, замороженных в американско-европейских банках. Трамп сравнил этот пожар с ядерным ударом.

Именно из США пошла пропаганда содомитов, ЛГБТ и распространилось на весь мир поклонение «золотому тельцу». Именно в США (г. Детройт) в 2015 году была установлена бронзовая статуя сатане. Американская политическая верхушка первой стала накачивать миллиардами долларов жидобандеровский фашистский режим. И вот бумеранг возмездия: именно губернатор-трансвестит г. Лос-Анджелеса нарушил городское пожарное оборудование и пожарные машины на Украину. И получилось, что тушить пожар (как сообщается, рукотворный) в элитном загородном поселении — нечем. А в пожарных резервуарах не оказалось воды. Как сказано в Писании, «воздаяние — по делам».

* * *

Почти вся Европа (за редким исключением) утробно ненавидит Россию, готова разорвать ее в клочья, сжечь живо, чтобы и духа от нас не осталось. Особенно это касается, конечно, нынешних т.н. ее властных лидеров. 80 лет Европа притворялась антифашистской и вот наконец в отсутствие СССР окончательно и почти поголовно сбросила свои «либеральные» маски. И на ее физиономии запечатлелась злоб-

ная, оскалившаяся, брызжащая кровавой слюной волчья морда. Вся Европа (опять же за редчайшим исключением) в 1941 году набросилась на СССР-Россию, чтобы стереть нас в порошок, чтобы никогда нас больше на земле не было. От того, что она вытворяла у нас, кровь холодеет в венах. Какие зверства творила, какой нам устроила геноцид, что делала с нашими детьми в концлагерях — в таких масштабах человечество не знало за всю свою историю. И именно она, эта «гуманистическая» Европа, с ее литературой и культурой, породила в XX веке рабство. Скотными эшелонами и пешком гнали нацисты наших женщин и детей в свою «цивилизованную» Европу для рабского труда в личных хозяйствах и домах европейцев.

Эта цифра мало кому известна, в советское время власти ее скрывали, чтобы не возбуждать в нас ответное чувство ненависти по отношению к этой «сверхцивилизованной» Европе и надеясь наконец с нею замириться. И всё равно замириться с нею не получилось. Это — **цифра наших погибших детей** в европейской части СССР от рук нацистско-фашистских цивилизаторов с 1941-го по 1945 год: 7 миллионов маленьких жизней. Семь миллионов. Только одних детей. Это число населения средней европейской страны.

Все их зверства до сих до конца не раскрыты, и только теперь начинают освещаться и обнародоваться документы со свидетельствами и расследованием всё новых и новых фактов бесчеловечности европейцев на нашей земле во время ее оккупации в сороковые годы прошлого века. Жуткие факты и свидетельства.

Но никакого покаяния Европы перед нами за прошедшие с тех пор 80 лет мы так и не услышали. Более того, теперь, через 80 лет, сбросив свои лицемерно-лживые «мирные» маски, она вновь не скрывает своей ненависти к России, вновь шлет свои танки, пушки и ракеты на Украину, вновь зверствует в Курской области, вновь откровенно и оскаленно орет о необходимости победы над русскими. Ей надо нас уничтожить, чтобы не осталось никаких свидетельств о ее зверствах на нашей земле более 80 лет назад. Пока существуем мы, будут существовать эти свидетельства, документы, фотографии, фильмы. И это ее, конечно, сильно раздражает. Если не будет нас, то и не будет фактов ее геноцида, ее зверств, концлагерей с детьми и ходячими скелетами наших военнопленных и сожженных заживо людей целыми деревнями в наших западных областях.

Эта их ненависть к нам неистребима. Только новая наша полная победа над Европой заставит ее на какое-то время

прикусить язык и вновь натянуть на себя лицемерные маски противников войны с Россией. И чем жестче и бескомпромисснее будет Победа, тем дольше и молчаливее будет она носить свои подлые «мирные» маски.

* * *

Страна ведет войну с мировым нацизмом. Каждый Божий день американские крылатые ракеты бьют по нашим городам, убивая и калеча мирных жителей. Американско-европейские танки ползут по русской земле, сея разрушения и убивая наших солдат. А президент России готов и, по его словам, «всегда был готов» к переговорам с американскими президентами последних лет. И «хаймерсы», летящие на Белгород, Курск, Брянск, Льгов и т.д., этим скорым переговорам не помеха. Значит, других способов остановить эти прилёты, кроме переговоров с теми, кто каждый день сеет смерть на русской земле, у нас нет? А при встрече Трамп и Путин должны будут улыбаться и пожимать друг другу руки...

Трамп уже посчитал: 80 процентов территории бывшей Украины в настоящее время принадлежат им, американско-европейским фашистам, и лишь 20 процентов — нам. Ясно, что на переговорах из этих 80 процентов Трамп не уступит нам ни миллиметра и потребует согласия Путина на «делку». Свою патологическую любовь ко всяким «делкам» он озвучивает на каждом шагу. При этом боевые действия должны будут прекращены. Ничего другого, кроме этих 20 процентов бывшей Украины Трамп нам не сможет предложить. И что же, мы положили десятки тысяч наших солдат ради этих 20 процентов русской земли, незаконно отданной когда-то ненавидящей нас Украине? Ради них, ради этих 20 процентов русской земли Россия три года вела войну?! В этом и есть на сегодняшний день истинная цель СВО? И что будет происходить на 80 процентах русской земли, находящейся под оккупацией НАТО? И о чём другом реально может идти речь на переговорах с американским президентом? На переговорах, к которым «всегда был готов» наш президент... Ни о чём другом с Трампом договориться не получится.

* * *

Они довели наш народ до вымирания, а теперь завозят сюда иностранцев. И уже не просто завозят, а по указу президента, озвученному им 23 января по телящику, к каждому иностранцу, желающему перебраться для жизни в Россию, будет приставлен «сопровождающий», чтобы у иностранца не возникло проблем с чиновной бюрократией и с получени-

ем российского гражданства. Гениальная идея. Интересно, кому она первому пришла в голову?.. Естественно, русские люди, живущие за пределами России, иностранцами у нас не считаются. И потому российское гражданство для них, похоже, по мнению высоких чиновников, дело вредное, лишнее и националистическое, неприемлемое для т.н. «многонационального государства».

* * *

24 января в своем интервью телеканалу «Россия-1» В. Путин посетовал на то, что Зеленский, еще будучи легитимным президентом, подписал указ о запрете любых переговоров с Россией. Поэтому, по словам Путина, чтобы начинать какие-либо переговоры с руководством нынешней Украины, Зеленский этот свой указ должен отменить. Причем о необходимости отмены этого указа Путин и раньше говорил неоднократно. Но вот какое интересное кино получается.

Точно так же неоднократно и пресс-секретарь президента РФ Д. Песков, и министр иностранных дел С. Лавров, да и сам В. Путин называли жидобандеровца Зеленского нелегитимным и просроченным. И если следовать нормальной логике да и элементарной букве закона (даже укропского закона), этот накокаиненный клоун, нелегитимный главарь киевской жидохохлятской банды не имеет никакого законного права что-либо отменять. В.В. Путин не раз на своих пресс-конференциях, разводя руками, говорил: «Пусть он этот указ отменит!» Но каким образом «нелегитимный» может отменить указ «легитимного»?.. В.В. Путин теперь и сам это понимает и даже сказал об этом по ящику в беседе с журналистом Павлом Зарубиным. По мнению президента, этот указ Зеленского могла бы отменить Рада. Но кто там осмелится на такое?

Этот жидобандеровский тупик в какой-то степени греет душу. Потому что он хотя бы на какое-то время гарантирует то, что Россия не будет участвовать ни в каких переговорах с преступным и аморальным бандеровским режимом.

* * *

Неистребимая польская подлость. 27 января на мероприятие по случаю 80-летия освобождения Освенцима польские власти пригласили глав правительств бывших фашистских стран — Германии, Австрии, Италии и Румынии. Не забыли и про жидонацистского бандеровца Зеленского. Но несмотря на то, что концлагерь Аушвиц (Освенцим) освободила Советская армия, польские властные подонки не позвали даже нашего посла.

При освобождении Польши от германских нацистов Советский Союз потерял 600 тысяч своих солдат и офицеров. Ведь Польша на то время уже не существовала. Она была завоевана Германией и входила в состав Третьего рейха. Сталин возродил и восстановил Польшу со столицей в Варшаве. И вот теперь поляки разрушили у себя все памятники погибшим советским воинам, вернувшим этим убогим полячишкам страну, ее название, столицу, да и саму польскую нацию. В генетике подонков неистребима ненависть и злоба по отношению к спасителям и освободителям. И теперь им нужно нас уничтожить, чтобы вытравить в себе память и чувство благодарности к тому, кто их спас.

Собственно, с ними всё ясно. Не ясно до сих пор лишь одно: зачем мы содержим на своей территории, под Смоленском, в Катынском лесу, мемориал расстрелянным немцами польским офицерам? И это при том, что поляки вместе с немцами, брызжа слюной, кричат о том, что их расстреляли советские чекисты (НКВД). Сколько можно утираться от этой ядовитой слюны и проглатывать польскую подлость, повторяя в ответ свое обычное и жалкое: «Мы не такие...»? Или кому-то в удовольствие это утирание и проглатывание?

* * *

Почему бандеровские нацисты вторглись в Курскую область? По одной главной причине: потому что в 2022 году наши войска были отведены от Киева. Почему вот уже полгода украинская фашистская сволочь убивает наше мирное население на занятой ими территории Курской области? Потому что в 2022 году поступил приказ об отводе наших войск от Киева. Почему российские солдаты погибают на собственной конституционно узаконенной земле в боях с украинской нацистской армией? Потому что в 2022 году был приказ отвести наши войска от Киева. А почему это произошло? Потому что лидеры Франции и Германии что-то такое пообещали... Как они пообещали Януковичу. После чего дважды пообещали исполнять «минские соглашения»...

Теперь вот Трамп всё что-то обещает..

Двух обманных «минских соглашений» оказалось недостаточно. И обманных «стамбульских соглашений» тоже оказалось недостаточно. Так же, как и обещаний нерасширения НАТО на восток...

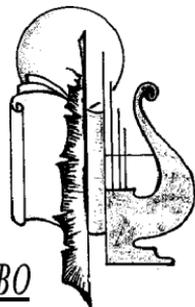
Бывший Народный депутат Украины Олег Царев 29 января в телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым» сказал: «Если бы в 2022 году Российская армия вошла в Киев, то ее встречали бы с цветами, знаменами и песнями».

НА ПЕВЧЕСКОМ ОЛИМПЕ

К 100-летию со дня рождения Ирины Архиповой

«Царица русской оперы», «Богиня искусств», «Волшебное мещо» — так отзывались об Ирине Архиповой, чей столетний юбилей со дня рождения пришелся на 2 января 2025 года, поклонники ее таланта за рубежом, буквально боготворившие нашу русскую оперную певицу, ставшую одной из самых выдающихся певиц XX столетия.

Полвека назад Ирина Константиновна блистала на отечественной и мировой сценах. Проходили ее многократные спектакли «Трубадура» Верди с труппой «Ковент-Гардена» в Манчестере, чередовавшиеся с концертом русского романса в Афинах, в огромном античном театре Ирода Аттика. За выступлениями же в Большом театре следовали концерты многочастной программы «Антология русского романса» в Ленинграде и Москве, а зарубежные ее гастролы включали спектакли «Трубадура» в Монте-Карло, сольные выступления в Лондоне и на Эдинбургском фестивале. А 1 ноября 1984 года исполнилось тридцать лет с того момента, когда певица впервые вышла на оперную сцену. И эта памятная дата для нее станет скорее символичной как напоминание о долгом, трудном, но счастливом творческом пути не только талантливой и успешной вокалистки, а всегда находившегося в поиске творца,

ИСКУССТВО

новатора, смелого и настойчивого экспериментатора, старавшегося привносить что-то новое, неожиданное, но при этом неизменно глубокое, содержательное, лишённое фальши и поверхностного отношения к любому музыкальному произведению.

На протяжении более чем четырех десятилетий — с момента первых своих выступлений на профессиональной сцене — Архипова покорила своим изумительным искусством многочисленных почитателей не только в нашей стране, но и во многих странах мира. И каждый раз она не только восхищала прекрасным исполнением, но и поражала неувядаемостью своего таланта, дававшего возможность петь всё лучше и лучше. Голос же ее действительно с годами становился еще более красивым и насыщенным, а пение — более выразительным и одухотворенным.

В этой связи вспоминается великий итальянский тенор середины XIX века Джованни Баттиста Рубини, однажды сказавший, что певцу нужны две жизни: одна, чтобы накапливать опыт и приобретать мастерство, а другая, чтобы все это использовать. Но, увы, в реальной жизни вокалистов так не получается: пока приобретешь мастерство, начинает теряться голос. Архиповой, к счастью, в этом отношении повезло — на протяжении всей сценической жизни она могла соединять в своем творчестве и то и другое. И при этом она постоянно работала над совершенствованием мастерства, обогащала голос, находила всё новые и новые краски, нюансы, добивалась большей гибкости, подвижности. Но и голос архиповский, неповторимый и чарующий голос с годами не терял свежести, силы звучания, интонационной чистоты. Он попросту продолжал творить чудеса. Так, к примеру, после тридцатилетней закалки нижний регистр ее голоса станет поистине контральтовым, причем нижние ноты наполнятся естественным очарованием и непринужденностью, а верхние ноты по-прежнему продолжат покорять звонкостью и красотой. Благодаря этому репертуар певицы пополнится такими партиями, как Ульрика в опере Верди «Бал-маскарад» и Графиня в «Пиковой даме» Чайковского.

Архипова, независимо от того, пела ли она в театре или в концертном зале, всегда в полной мере проявляла дар перевоплощения и глубокого психологического проникновения в образ. При этом она выделялась и своими новаторскими устремлениями. Никогда не останавливаясь на достигнутом и никогда не повторяясь, Ирина Константиновна на протяжении всей своей артистической карьеры продолжала обогащать свой исполнительский арсенал удивительными находками, отдельными новыми штрихами, оттенками и акцентами.

Долгие годы Архипову справедливо считали ведущей меццо-сопрано Большого театра и самой яркой звездой на небосклоне советского вокального искусства. Но за этой привлекательной стороной артистического образа присутствовало огромное напряжение каждого дня, каждого часа, требовавшее изнури-

тельных занятий дома, в классах, с концертмейстером. И постоянная эта работа была по-настоящему кропотливой, дотошной, не однажды возвращавшей певицу к тому, что, казалось бы, уже пройдено и завершено.

Но сколько бы ни выходила Архипова на сцену, она никогда не позволяла себе воспроизводить ранее созданный образ, а каждый раз заново возрождалась в нём. Потому-то каждое ее выступление было явлением, неповторимым и прекрасным, наполненным энергией непосредственного вживания в образ и переживания за его судьбу. Естественно, совершенна была и ее вокальная речь. Речь и мастерство, что принципиально важно, — художника. Большого художника!

«Способностью всматриваться в окружающее обладают в той или иной мере практически все люди, — как-то скажет певица, — настоящих же художников единицы... Я бы сравнила жизненные восприятия художника... с зерном, упавшим в почву; зерном, которого не видишь, забываешь о нём, а оно тем временем потихоньку прорастает, набирается внутренних сил. И, смотришь, неведь откуда берется яркий и красивый цветок... Всё зависит от человека — его наблюдательности, психологической чуткости, открытости для внешних воздействий...»

Да, всё действительно зависит от человека. Тут с певицей не поспоришь. Но для нас — сегодняшних поклонников ее таланта и творчества — не столь уж важно всматриваться в нее как в человека, прожившего свою особенную и неповторимую жизнь. Куда важнее посмотреть на Ирину Константиновну как на подлинного художника, оставившего потомкам уникальное певческое наследие, к счастью, вполне сейчас доступное — прежде всего благодаря прекрасно сохранившимся записям ее выступлений.

В этой связи нам — современникам, по сравнению с нашими предшественниками столетней давности, явно повезло. В те времена считалось, что артист жив до той поры, пока память о нём хранит последний его слушатель. Сейчас же залогом бессмертия певца, совершенное искусство которого покоряло миллионы слушателей, стали звукозапись и запись телевизионная. Именно они позволяют сохранить голос, способный мгновенно преодолеть пространство, пережить само время и вновь стать объектом наслаждения для публики, как бы и не терявшей любимого исполнителя, продолжающего таким образом жить. То есть творческая жизнь Архиповой продолжается... Живут и воплощенные ею на сцене Марфа и Любаша, Амнерис и Шарлотта, Кармен и Элен, Марина Мнишек и Полина, Азучена и Эболи, Ниловна и Дьячиха, Варвара и Комиссар. Вновь продолжают звучать в ее исполнении русские романсы, песни советских композиторов и другие музыкальные произведения, в разные годы Ириной Константиновной исполнявшиеся.

Бесспорно, что вся долгая и непростая жизнь Архиповой была сосредоточена и запечатлена в первую очередь в ее голосе. Голосе неповторимом, отражавшем содержательность внутреннего

мира певицы, отличавшимся бездонностью звука, благородным металлическим блеском, бесконечными переливами красок, невероятно волнующим пианиссимо. Голос Архиповой был способен выразить все состояния и отношения, чувства и эмоции, переживания чуткой ко всему окружающему женщины. Наблюдались в нём и щедрая страстность, и повелевающая власть, и всепокоряющая женственность, и теплая чувственность. И всё это великолепиие всегда звучало в обрамлении безупречного вкуса.

Москвичка, родившаяся в интеллигентной и музыкальной семье (примечательно, что ее родители познакомятся на галёрке Большого театра, попав туда на «лишний билет», когда приехали в Москву учиться), Архипова первоначально посвящать себя музыке не собиралась. По первому образованию она — архитектор, выпускница Московского архитектурного института. Впрочем, музыкальность наблюдалась в ней с детства, но отнюдь не ей отдавалось юной Ириной предпочтение.

«С детских лет я увлекалась рисованием, — признается Ирина Константиновна много лет спустя. — Это у меня, так сказать, наследственное: рисовать любил мой отец. Потому-то я и поступила в архитектурный институт. Я думаю, что познания в области живописи, скульптуры и зодчества оказались для меня отнюдь не бесполезными. Понимаете ли, работая над сценическим образом, я вижу его пространственно, в цвете, в характерном красочно-колористическом выражении. И это помогает мне постигнуть некоторые важные черты в создаваемых мной сценических персонажах, помогает понять природу этих персонажей, проникнуть в их внутреннюю сущность».

Судьбу, тем не менее, не обманешь. Архиповой суждено было стать именно певицей. Однако и архитектуре она обучилась основательно. «Для своего диплома я выбрала не совсем обычную тему — проектирование памятника-музея в честь павших в Великой Отечественной войне в городе Ставрополе, — вспоминала певица. — Необычность была не в теме, необычным было предложенное мною решение — возвести на возвышенном месте в парке, в самом центре города Ставрополя, монумент в виде своеобразного пантеона. Внутри ротонды я наметила разместить музей Славы со скульптурными изображениями героев, с выбитыми на стенах фамилиями павших. К этой ротонде должны были сходиться аллеи парка, детальную планировку которого (и прилегающей к нему местности) я тоже сделала».

Фактически же дипломница Архипова выступит провозвестником новой мемориальной архитектуры — монументальных ансамблей на Мамаевом кургане в Волгограде и на Поклонной горе в Москве. Ее проект заинтересует немецких и японских зодчих, отбиравших наиболее интересные работы для выставок. Но более интересным представляется то, что с 1948 года она занималась проектированием жилых домов на Ярославском шоссе, а также выступала автором проекта здания Москов-

ского финансового института на проспекте Мира и служебных построек комплекса МГУ имени М.В. Ломоносова. Недаром ректор университета Виктор Садовничий назвал Архипову человеком блестящих естественно-научных познаний. Да и, по существу, именно на архитектурном поприще впервые раскроется масштаб ее личности.

Пением же она начнет заниматься в вокальном кружке, созданном в Архитектурном институте, в который Ирина Константиновна поступила в грозном и тяжелом 1942 году.

Архиповой повезло, она начинала учиться пению у замечательного педагога Надежды Малышевой, и, без сомнения, именно Малышева привила своей любимой ученице культуру слова, понимая, сколь важна эта культурная преемственность в воспитании будущей вокалистки. Она же, увлеченная в юности творчеством Шалапина, и прекрасно осознавшая природу русской вокальной школы как школы выразительного, осмысленного, драматически насыщенного пения, приучит Ирину и к красоте русского языка, и к осознанию неисчерпаемости его словесного богатства. Этому знанию поспособствует и то, что, приходя на занятия к Малышевой домой, юная Архипова могла общаться и с ее мужем, известным филологом-русистом, академиком Виктором Виноградовым.

А вот профессиональные вокальные навыки Архиповой прививал профессор Московской консерватории, народный артист РСФСР Леонид Савранский, в прошлом являвшийся одним из ведущих баритонов Большого театра. Он приучит начинающую вокалистку к пониманию масштабности общей трактовки образа, к смелости и настойчивости в осуществлении исполнительской деятельности, к выразительности донесения музыкальных произведений слушателю.

«Мне лично повезло: мои родители были образованными людьми, отличавшимися разнообразием интересов и живой любознательностью, я многим обязана им, — вспоминала Ирина Константиновна. — Одновременно и тем незаурядным, талантливым людям, с которыми подчас сталкивала меня жизнь и которые восхищали своей духовной зоркостью, наблюдательностью, пытливостью.

Конечно, не могу не вспомнить добрым словом своих педагогов — Надежду Матвеевну Малышеву и Леонида Филипповича Савранского. Они научили меня смотреть на мир особым, «художническим» взглядом, выбирая всё по-настоящему интересное, способное зарядить новыми поэтическими ощущениями. Главное же — научили связывать жизненные восприятия во всём их бесконечном многообразии с искусством, с музыкой».

Пять лет обучения в Московской консерватории и блестяще прошедший в 1953 году дипломный концерт, однако, не гарантировали ей беспрепятственного попадания в Большой театр. Два прослушивания там оказались для нее неудачными. Возмущенный таким положением дел Савранский представит свою

ученицу старейшему импресарио Григорию Комиссаржевскому, с подачи которого Архипова отправится в Свердловский театр оперы и балета. На его сцене она не просто удачно дебютирует, а станет там ведущей певицей.

Известно воспоминание об Ирине Константиновне в роли Любаши тогдашнего солиста Свердловской оперы, ставшего впоследствии солистом Большого театра, народного артиста СССР Юрия Гуляева: «...с первого же звука голоса певицы всё преобразилось, ожило и заговорило. Она пела «Вот до чего я дожила, Григорий», и это был такой вздох, протяжный и щемящий, это была такая правда, что я обо всем забыл; это была исповедь и рассказ, было откровение обнаженного сердца, отравленного горечью и страданием. В ее строгости и внутренней сдержанности, в умении владеть красками голоса с помощью самых лаконичных средств жила абсолютная доверительность, которая волновала, потрясала и удивляла. Я верил ей во всем. Слово, звук, внешность — всё заговорило богатым русским языком. <...> Это была сама жизнь. Это было похоже на то состояние, когда кажется, что человек оторвался от земли, такое вдохновение, когда страдаешь и сопереживаешь саму истину. «Вот она, матушка Русь, как поет, как берет за сердце», — подумал я тогда...»

Затем будут гастроли в Ростове-на-Дону и в Кисловодске, настойчивое приглашение переехать в Ленинград и выступление в конкурсной программе V Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Варшаве. Потом же на кремлевском концерте победителей Международного конкурса вокалистов кто-то из членов правительства поинтересуется: «Почему Архипова не в Большом?»

Так и состоится ее перевод на главную сцену страны, где главный режиссер театра, народный артист СССР Александр Мелик-Пашаев работал тогда над обновлением постановки оперы Бизе и нуждался в новой исполнительнице главной роли. И буквально уже через месяц Архипова будет блистать в той прославленной премьере, где ее партнером станет гастролировавший в СССР болгарин Любомир Бодуров. Позже Ирина Константиновна запишет свои впечатления от той блестящей сценической работы: «От дебютного спектакля в Большом театре память сохранила чувство какого-то необыкновенного страха. <...> По своей тогдашней неопытности я не знала, что бояться надо было не просто первого выхода на сцену Большого, а первого появления на ней именно в партии Кармен».

Кармен Архиповой — это удивительное, неповторимое явление, озарившее счастьем ее жизнь и покорившее многие сцены мира, восторженно рукоплескавшие русской певице, фактически вжившейся в эту классическую роль.

Триумф Кармен был ошеломительным и долгим, продолжавшимся на европейских сценах. В январе 1961 года Архипова в роли Кармен блистала в Риме, после чего один из ее известнейших партнеров, великий Марио дель Монако, находившийся

под огромным впечатлением от таланта и сценического мастерства своей партнерши, скажет: «Я двадцать лет пою на сцене. За это время я знал многих Кармен, но лишь три из них остались в моей памяти. Это Джоанна Педерцини, Райз Стивенс и Ирина Архипова».

Взыскательный дель Монако слов на ветер не бросал. Архипова в действительности его покорила. Особо же его пленила выражаемая всем существом русской певицы психологическая правда поведения и чувств героини, органически соединенная с великолепным и безупречным пением.

Со второй половины пятидесятых годов Ирина Константиновна начнет активно гастролировать по всему миру. С сольными концертами она побывает в Японии. Со спектаклями Большого театра она блестяще выступит в миланском «Ла Скала». Побывает она также в Австрии, Великобритании, США, Болгарии, Венгрии, ГДР, Италии, Канаде, Польше, Румынии, Финляндии, Франции, Чехословакии.

Дебютирует Архипова и в «Ковент-Гардене» (Лондон), где предстанет в партии Азучены, и в «Ла Скала» в партии Марфы («Хованщина») и Марины Мнишек («Борис Годунов»). «Конечно, перед выходом на столь необычную для себя сцену, где мне предстояло петь в окружении выдающихся исполнителей, я волновалась, но не ожидала такого успеха, такого необыкновенного восторга публики, — вспоминала Ирина Константиновна. — Для меня, пережившей незадолго перед тем неприятные моменты в своем «родном» театре, было очень важно, что интерес и оценка моего прочтения образа Азучены получили столь высокий резонанс во Франции, газеты которой называли наш дуэт с Монсеррат Кабалье так: «Триумф Кабалье! Коронация Архиповой!»

Вообще же Архипова станет первой русской певицей, вошедшей в зарубежные оперные труппы. В «Карнеги-холл» ее Кармен запоет по-французски. А в поистине международном по составу спектакле «Хованщина» партию Марфы она исполнит на итальянском языке, партнером тогда для нее станет выдающийся, всемирно известный болгарский бас Николай Гяуров. Приглашение же в оперу Сан-Франциско приведет Ирину Константиновну к царственной роли Амнерис («Аида») и к дальнейшему партнерству с Лучано Паваротти, который, услышав ее пение, пригласит певицу к участию в постановке оперы «Фаворитка» в Болонье. А в «Золотую книгу» театра в Нанси занесут спектакль «Трубадур» с участием Ирины Константиновны.

Следует сказать, что стихия Архиповой — трагедия «черной» страсти, где героини — пленницы «беспросветной» любви или всепоглощающей мстительной ненависти. И прежде всего такова ее Азучена в «Трубадуре» Верди. Конечно, не менее ярко смотрелась и неприступная, страстная Амнерис, также ставшая одной из наиболее известных работ Ирины Константиновны.

Певице всегда в спектакле было дорого то, что шло в нем от оперы — ее музыкальной основы, вокальной плоти. И Архипо-

ва, к примеру, не боялась показывать сцену смерти Кармен в концертах и исполнять ее в статичной «концертной» позе, заключая в доверии к композитору всю силу трагической наполненности эпизода. И при этом, благодаря голосу вагнеровского напора и твердости, его сочности и интонационной красочности неизменно создавалась иллюзия объемности. Потому и были близки певиче тона патетические. Ее Марина Мнишек из «Бориса Годунова» жила сознанием своей исторической роли. Вся сцена от «Вашей страсти я не верю, пане!» до «Не изменит твоя Марина» носила характер политической интриги.

Важно отметить и то, что Архиповой всегда была важна суть образа. Рядом с блистательным дель Монако, гастролировавшим в конце пятидесятых годов в Большом театре в партии Хозе, она, не уступая звезде международного класса в музыкальной культуре и чуткости к оригиналу, оставалась исключительно русской Кармен. И из контраста виртуозного мастерства итальянского вокалиста и конкретности драматических мотивов трактовки Архиповой рождалось новое качество — образ Кармен получал дополнительную силу жизненности.

Но и патетика ей была близка. Архипова умудрялась даже быт играть «тонально», умеючи обобщить, укрупнить, перевести в эпический масштаб. Так был сыгран и спет ею Комиссар в «Оптимистической трагедии» Александра Холминова. И здесь своеобразная «широкоформатность» артистической натуры Архиповой обретала наиболее яркое выражение. Оттого и полнозвучно раскрывался гражданственный пафос произведения, по-новому выявлялась и его трагическая тема.

Сам же автор этого удивительного, но порядком подзабытого ныне произведения, Архипову боготворил и работой с ней по-настоящему гордился. «Судьба свела меня с ней задолго до постановки моей «Оптимистической трагедии» на концертной эстраде, где она давно и успешно выступает одна и с товарищами по театру, — вспоминал Холминов. — Еще в 1957 году я написал для Архиповой «Песню матери», которую она исполнила с оркестром Большого театра в торжественном концерте. Потом для нее же мною была сочинена — «Ода Родине». Не скрою: когда писал оперу, видел в партии Комиссара именно Архипову, мечтал о том, чтобы эта встреча состоялась... Мошь и прелесть ее голоса, натура серьезного, вдумчивого музыканта, человека, ответственно относящегося к делу, бесконечная преданность театру — качества, которые я более всего ценю в артисте и которые, на мой взгляд, присущи Архиповой. Когда она выступила в роли Комиссара, обнаружилось редкое совпадение трактовки с авторским замыслом. Подлинный художник, коммунист, человек долга, выразительнейшая певица, Ирина Константиновна напоминает старших мастеров Большого театра, с их трепетным отношением к партитуре даже начинающего, известного автора...»

Одно из лучших сценических созданий Архиповой — роль Марины Мнишек в «Борисе Годунове» Мусоргского. И испол-

няла она эту роль на многих сценах мира в разных постановках (в том числе в «Ла Скала» и аргентинском «Колоне»), бережно придерживаясь постановочного замысла спектакля, наполняя мизансцены психологизмом каждого пушкинского слова...

Кстати, крупнейший оперный театр Южной Америки «Колон» в Буэнос-Айресе был широко известен как международный центр оперного искусства. На его сцене выступали Федор Шаляпин, Титта Руффо, Леоне Жирольдони, Тоти даль Монте, Анна Павлова и балетная труппа Сергея Дягилева; за пультом стояли Артуро Тосканини, Отто Клемперер, Мануэль де Фалья, Игорь Стравинский. Подобная традиция продолжалась и в семидесятые годы прошлого столетия, когда тут блистали Марио дель Монако, Монсеррат Кабалье, Николай Гедда и другие выдающиеся исполнители того времени.

Блестяще выступала на этой сцене и Архипова. Впервые она здесь пела партию Азучены в «Трубадуре» (в том спектакле также участвовал солист «Ла Скала» Флавио Лабо). При этом Ирина Константиновна готовила эту роль в сложных условиях: в ее распоряжении было всего лишь десять репетиций. Затем последует премьера и еще пять спектаклей, прошедших через день.

Несмотря на очень сильный состав исполнителей и громкий успех у публики, критика ту постановку оценит противоречиво. Но в одном и публика, и пресса были единодушны — в восторженной оценке мастерства советской певицы. «Постановка «Трубадура» доставила большое удовлетворение выступлением солистов. Ирина Архипова, — писал критик газеты «Clarín», — без сомнения, одна из лучших Азучен нашего времени по комплексу своих вокальных и сценических данных». По мнению же рецензента газеты «La Prensa», «ее голос — большого диапазона и отличается интенсивностью и наполненностью; в исполнении певица вкладывает страстность и неподдельное чувство, что вызывает восторг у слушателей». А «La Opinión» в статье «Ирина Архипова и К. Челларио возрождают «Трубадур» отмечала исключительное вокальное мастерство певицы: «В партии Азучены Архипова продемонстрировала блестящий голос, звучный и точный в верхнем регистре, горячий и трагичный в нижнем, отточенный и великолепно звучащий в любой tessiture».

Сразу же после премьеры, прошедшей с огромным успехом, дирекция театра «Колон» обратилась к Архиповой с предложением спеть на сцене театра сольный концерт. В его программу тогда вошли произведения Генделя, Брамса, Вольфа, Мусоргского, Чайковского и Рахманинова. В огромном зале театра, рассчитанном на 3600 мест, состоялся уникальный, как назвала его газета «Clarín», концерт, вылившийся в новый триумф выдающейся советской певицы.

О высокой славе Архиповой красноречиво говорит и тот факт, что ее пригласят участвовать в исполнении Девятой симфонии Бетховена в торжественном концерте в честь 25-летия Органи-

зации Объединенных Наций. Дирижировал же тем концертом выдающийся индийский дирижер Зубин Мета. А в архиве певицы хранилось письмо, датированное 29-м октября 1970 года: «Уважаемая г-жа Архипова, — писалось в нём. — Разрешите мне выразить Вам свою личную благодарность и благодарность моих коллег за то, что Вы приехали в Нью-Йорк, чтобы выступить на нашем концерте по случаю Дня ООН. Большой честью для нас было участие в праздновании 25-й годовщины нашей Организации такой выдающейся московской оперной певицы. Надеюсь, что Вам понравилось наше торжество, успеху которого Вы столь значительно способствовали. Все мы высоко ценим Ваше присутствие здесь и Ваше чудесное пение. Искренне Ваш У Тан». Бирманский дипломат У Тан, как известно, являлся третьим генеральным секретарем ООН, занимал он этот пост с 1962-го по 1971 год.

«Когда поешь партии из опер Мусоргского за границей, как правило, приходится самой выстраивать роль, — как-то отметит Ирина Константиновна. — Марину Мнишек нередко стараются трактовать как соблазнительницу Самозванца, эдакую охотницу за приключениями. А для нас Марина неотделима от отечественной истории. Я бывала в Смоленске, где воочию можно увидеть следы того «смутного времени», когда Марина Мнишек была реальным историческим лицом и немало добавила к страданиям русского народа. Смоленск ведь был тем местом, по которому проходили шрамы на теле Руси от ран, нанесенных польско-литовскими захватчиками. Для постановщика где-то на Западе Борис Годунов и Марина Мнишек — всего лишь фигуры в политической интриге, а для нас это — часть истории, вполне живой и реальной; такое ощущение придает любой трактовке, если она идет от сердца, заинтересованность, пристрастность. Но психологию надо выразить исходя из текста — через музыкальную интонацию. На всю жизнь мне пригодились многие указания, которые давал чешский дирижер Зденек Халабала, работавший в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов в Большом театре; с ним я готовила партию Марины Мнишек. Он особо бережно относился к пожеланиям композитора, но не рабски, а осмысленно — каждое «стакато» или «легато» было наполнено для него психологическим содержанием — волнением ли, легкомыслием шляхтянки, затаенным гневом или робостью, и всякий раз он умел это объяснить».

По-особому дорогой для Архиповой станет и роль Любаши, одна из лучших, коронных ее работ. «К образу Любаши из «Царской невесты» у меня особое отношение — его я готовила еще в консерватории, пела как дипломную работу в студии на улице Вахангова, потом в аспирантуре писала реферат «по Любаше» и этой же партией дебютировала в Свердловской опере, — подчеркивала певица. — Конечно, со временем образ претерпел многие изменения — они шли и от режиссерских трактовок, и от собственного жизненного опыта. К Любаше можно подхо-

дить с максималистских моральных позиций — и тогда она, отравительница и прелюбодейка, выходит с ног до головы «отрицательной», но ведь музыка Римского-Корсакова отдает Любаше не менее прекрасные страницы, чем «голубой» Марфе... Главное в образе Любаши — глубина страдания. Страдание, жгучую муку сердца — вот что надо передавать голосом в Любаше, с самой первой ноты. Потрясающую по силе чувства — вероятно трудную для исполнения — песню написал Римский-Корсаков для «выхода» Любаши. Я пою ее часто как последний «бис» на концертах; помню, в парижском зале «Плейель» она вызывала особенно бурные восторги. Но в заключение концерта голос «разогрет», послушен твоей воле, а в начале оперы спеть этот шедевр, в котором композитор сумел выразить самую суть народной песни, соединить безыскусность и глубокую мысль, спеть без сопровождения — задача непростая. Зато сразу задается весь тон партии — вся судьба Любаши; предыстория чувства к Грязному и безудержное движение к мрачному финалу — всё читается в этой песне, только петь ее надо из души, просто красивое владение красивым голосом ничего здесь не скажет, образ будет стерт».

Кстати, с этой ролью Ирину Константиновну связывало одно курьезное воспоминание. Однажды в финале оперы Грязной, которого играл знаменитый баритон, народный артист СССР Алексей Иванов, бросится на Любашу со словами: «Так на ж тебе!», узнав, что та отравила любимую им Марфу. И при этом он в запале бросится на молодую партнершу так основательно, что просто-напросто собьет ее с ног. При падении же Ирина Константиновна стукнется головой об пол сцены. «Звук был настолько отчетливым, что его, конечно, услышали в зале, — по прошествии лет вспомнит певица. — Раздалось испуганное «а-ах!», беспокойный шум прошел по рядам. Алексей Петрович перепугался. Хотя всё обошлось, и голову я не расшибла, но шишка была ощутимой. А дирижер спектакля, тогда еще молодой Евгений Светланов, записал в журнале: «Молодая артистка И. Архипова провела партию так вдохновенно и хорошо, что я мог заниматься оркестром».

Многообразной была и камерная деятельность певицы. Романсовая лирика Чайковского, Рахманинова, большие камерные программы, участие в концертном исполнении редко ставившихся опер живо интересовали Архипову, старавшуюся во всем этом искать повод и возможность для расширения своего творческого диапазона. И одним из самых ярких ее созданий в этой сфере музыкального творчества остается до хрустальности прозрачная и напряженно-гибкая «Канцона» Ференца Листа с ее властным и возвышенным призывом: «Любить! Всегда любить!»

Архипова являлась бесспорным мастером камерного музицирования. Об этом говорит, к примеру, ее блестящее исполнение «Ave Maria» и трогательной «Сирени» Рахманинова. При этом нам тут важно вспомнить ее слова: «Я иду от текста». Но не

следует думать, что именно словесный фон служил ей маяком в океане музыки. Музыка для Архиповой всегда была сутью ее творчества. И творчества, подчеркнем, тождественного со словом. Потому-то и можно констатировать, что текст и его музыкальное воплощение являлись для Архиповой неотделимыми друг от друга. В этом ей помогала естественная потребность размышлять, докапываться до смысла каждого слова и каждого нюанса, высказанных авторами произведения. Певица в действительности знала «биографию» каждого творения, которое исполняла, ясно представляя себе и его героя.

Ирина Константиновна была очень тонким и взыскательным художником. Как настороженно и ответственно она относилась к своим сценическим ролям, камерному репертуару, так же вполне определенно, даже требовательно она относилась и к композиторам, и в первую очередь отечественным. «К настоящим композиторам я отношу Георгия Свиридова, Гаврилина; Тихон Хренников в молодости писал хорошую музыку, Холминов — я даже Комиссара спела в его «Оптимистической трагедии», Кабалевский, Хачатурян, — выскажется Архипова летом 1994 года в беседе с писателем, главным редактором журнала «Москва» Леонидом Бородиным. — А сегодня остались только Гаврилин да Георгий Свиридов. <...>

Родион Щедрин вначале был очень интересен. Но весь свой талант положил на Майю Плисецкую — стал писать балеты. Начинал же он с оперы.

Отар Тактакишвили — очень мелодичный композитор. Замечательный человек. Умер как раз накануне тбилисских событий. Сердце у него было плохое, да и доставалось ему сильно. Он был очень дружен с Георгием Свиридовым».

В той же беседе Ирина Константиновна выскажет и свои суждения относительно таких понятий, как русский стиль в российской культуре: «Прежде всего — это опора на национальные корни. Стиль определяют история, быт, уклад жизни народа, обычаи и обряды, через которые проявляет себя духовность. Русская культура отличается от европейской. Скажу о том, что мне ближе, — о музыкальном театре. Сейчас русские исполнители заполнили всю Европу. Во всех оперных театрах, концертных залах работают бывшие советские, русские певцы, композиторы, музыканты. Конечно, их обижают, конечно, им платят меньше, но они действительно несут культуру. А такая потребность сейчас есть. Недавно один итальянец сказал мне: «Русская исполнительская школа самая лучшая в мире». И это давно известно.

Лучшие американские музыканты или учились в России, или у них были русские педагоги. Я достаточно знаю европейскую музыкальную культуру. У немцев — пристрастие к крайнему натурализму; у французов — балет действительно хорош, но театр (я знаю почти все французские театры) — какая-то полусамодетельность. Они не имеют профессиональных хоров,

нанимают их на один раз. В театрах существуют приглашенные любители оперы. С нашей точки зрения это непрофессионально. <...>

До перестройки у нас все-таки была самая высокая музыкальная школа и культура. И до сих пор работают замечательные оркестры и дирижеры. Но их не так много, как раньше. Нужно воспитывать новых дирижеров. Здесь необходимы эрудиция, культура и огромные знания. Для этого недостаточно того, что мы сейчас имеем. Я не могу брать в расчет отдельных музыкантов, дирижеров. Отдельные есть. Еще до перестройки я говорила, что мы можем все театры мира снабдить нашими кадрами, и они станут настоящими театрами».

Суждения эти, думается, не растеряли своей актуальности и в наши дни. И, что принципиально важно, к таким выдающимся и самобытным творцам, как Архипова, прислушиваться следует всегда. Их мысли, вне всякого сомнения, давно стали нашим духовным достоянием. В них глубокий подтекст, широта охвата различной проблематики, имеющей по большому счету вневременной характер. К тому же и сама Архипова, и ее муж, народный артист СССР Владислав Пьявко, и многие коллеги по вокальному цеху были подлинными патриотами России, болевшими за судьбу Отечества, творившими во имя величия и славы нашей страны. Им, разумеется, было что рассказать своим согражданам. Сопоставляя же ими сказанное с днем сегодняшним, приходишь к выводу, что у настоящих творцов биография никогда не заканчивается, они продолжают оставаться с нами, светоч их глубоких мыслей и потрясающего творчества неугасимо горит и вдохновляет нас, делает всех нас добрее и человечнее.

Долгие годы Ирина Константиновна занималась преподавательской и общественной деятельностью, выступала в печати, и в том числе на страницах журналов «Советская музыка» и «Музыкальная жизнь», возглавляла Всесоюзный, а затем и Международный союз музыкальных деятелей, избиралась депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва, народным депутатом СССР, с 1992 года руководила Фондом Ирины Архиповой, созданным по инициативе выдающихся деятелей российской культуры, среди которых были Георгий Свиридов и Наталия Сац.

«...Перестройка для Ирины Константиновны началась «знаменательно»: с Марией Биешу они никак не могли вылететь из Москвы на XIV Всесоюзный конкурс вокалистов имени М.И. Глинки в Алма-Ату, последний в СССР, — пишет Татьяна Маршкова в книге «Гении русской музыкальной сцены». — Предчувствие было, прямо скажем, не мажорным. Но все-таки творческие состязания молодых певцов, через которые в разные годы прошел практически весь цвет нашего оперного искусства (начиная с Богачевой, Образцовой, Атлантова, Мазурока, Нестеренко...), и в новых жизненных реалиях не прекратились. Бессменный целое тридцатилетие председатель жюри, Ирина

Архипова сделала всё возможное, чтобы в черном 93-м XV конкурсе имени Глинки состоялся в Смоленске, а потом и XVI — в Уфе, XVII — в Самаре, XVIII — в Казани — лучшем, по мнению певицы, современном концертном зале России... И всё это, заметим, без каких-либо попыток примкнуть к окол властным тусовкам, не в пример многим собратьям и сестрам по искусству».

Ирина Константиновна до последнего оставалась подвижницей, всегда готовой выступать в качестве наставницы, пропагандиста подлинного искусства. Потому и отзывалась она на многочисленные предложения возглавить жюри престижных вокальных конкурсов, носивших имена великих певцов: Марио дель Монако в Италии, Марии Каллас в Греции, Франсиско Виньеса в Испании, а также вокальных конкурсов в Париже и Мюнхене, конкурса имени Бюль-Бюля, организованного к столетнему юбилею со дня рождения выдающегося азербайджанского певца. И при проведении этих авторитетных и масштабных конкурсов к Архиповой относились как главному эксперту, оценки которого неоспоримы и окончательны. С ее благословления на мировой оперной сцене в свое время зажгутся звезды Владимира Чернова, Дмитрия Хворостовского, Ольги Бородиной, Ильдара Абдразакова... «А других скоро узнаете!» — с гордостью представляла певица новых лауреатов, приезжавших из бывших союзных республик и многих городов России для участия в концертных программах в рамках фестивалей оперной музыки «Ирина Архипова представляет», проходивших не в одной только столице, ведь Москва, как считала Ирина Константиновна, далеко не вся Россия.

Совершенно заслуженно Архипова не была обделена и высокими государственными наградами, большинства из которых, естественно, она удостоилась в советское время. Народная артистка СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Святого Андрея Первозванного, «За заслуги перед Отечеством» II степени, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РФ — вот те основные и наиболее значимые награды, красноречиво говорящие о ее всесоюзном и всероссийском признании, авторитете в мире отечественной культуры и несомненных заслугах перед ней, да и перед народом, по-настоящему любившем и гордившемся ею.

Ирина Архипова прожила большую жизнь, встретила свой 85-летний юбилей, а в вечность ушла через месяц после этого, 11 февраля 2010 года. «...Быть певцом, настоящим певцом — это просто мученичество...», — совершенно осознанно и без какого-либо показного сетования на выбор профессии скажет выдающаяся певица, бывшая тогда уже в преклонном возрасте. И скажет она так потому, что всю свою творческую жизнь старалась трудиться на совесть, с полной отдачей сил и своей потрясающей энергетикой, позволявшей ей на сцене властвовать, творить и практически парить в великолепии и чарующем мире

музыки. В том мире, в котором она была мастером высочайшего класса, профессионалом, обладавшим воистину уникальными певческими способностями и особой вокальной культурой, убедительно подчеркивавшей огромный личностный потенциал Ирины Константиновны, человека увлеченного, жившего своим трудом, ставшим для нее призванием.

Очень нелегко было нести этот груз. Но чрезвычайно интересно, почетно, престижно. Впрочем, мастера советской оперной школы были воспитаны строго: иллюзорный, мифический, а уж тем более незаслуженный успех их никак не прельщал. Признание и славу они привыкли заслуживать. Да, именно заслуживать. Благодаря таланту, трудолюбию, верности творческой профессии, настоящей любви к искусству..

Проходят годы, пятнадцать лет где-то на просторах Вселенной продолжает свой нескончаемый путь несравненная Ирина Архипова... Голос же, ее божественный, родниковой чистоты и прозрачности голос продолжает звучать! Продолжают жить ее книги и публикации в периодических изданиях. И, наконец, продолжает жить добрая память. Память о неповторимом гении певческой стези, о певице широчайших возможностей и всеохватного таланта, о великой русской певице, которой было суждено стать одним из самых светлых, добропорядочных и духоподъемных символов нашей России. Символов, признанных во всём культурном мире. Тех символов, которым всегда предстоит жить в нашем сознании...

г. Симферополь

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина

«Протуберанцы. Размышления и воспоминания. 2016—2024».

Летопись событий нашего времени за последние восемь лет. Большой формат. Объем 704 стр. Твердый переплет.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 800 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

А так же необходимо сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

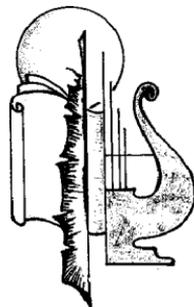
В Москве книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» или в книжном киоске Союза писателей России (Комсомольский пр-т, 13)

ОБЖИГАЮЩЕЕ ДЫХАНИЕ

О романе Владимира Пронского «Дыхание Донбасса»

Почти три года длится СВО, а по сути — война с Украиной, а еще точнее — с Европой и Америкой. Можно долго и подробно разбираться в подоплёке этого конфликта, но уж столько всего о нём написано, говорено, а сколько снято роликов и выложено в Сети — не счесть. Из литераторов первыми оперативно откликнулись патриотически настроенные поэты — отозвались стихотворениями, подборками, коллективными сборниками, авторскими книгами.

Следом за стихотворными сборниками начали появляться прозаические произведения, сперва в виде фронтовых очерков, потом рассказов и повестей, и пришло время романов. Первая книга романа Владимира Пронского «Дыхание Донбасса» была создана через десять месяцев после начала военной операции и сразу же была опубликована на сайте Союза писателей России «День литературы», а ранее выходила отдельными главами в Сети. Далее состоялись публикации в Луганском журнале «Северский Донец» №2 за 2023 год, в том же году роман увидел свет в Воронеже в журнале «Подъём» №8. Сам факт таких публикаций замечателен, он знакомит читателей с новым произведением, но всё-таки и для них, и для автора книжная публикация является мерилom, помогаю-

КРУГ ЧТЕНИЯ

шим более полно понять значимость произведения. Тогда же автор искал пути издания романа отдельной книгой. Быстро только в сказках происходит действие, а в нашей тревожной жизни, это растянулось на месяцы. Только в конце 2023 года автор сдал рукопись в издательство «Вече», и вот, по прошествии года, книга увидела свет.

Итак — роман «Дыхание Донбасса». О чём он, каково его влияние на читателей, чем он может заинтересовать их, и созвучно ли происходящее на страницах романа их собственным мыслям, переживаниям, созвучны ли они тому, что происходит в стране? На все эти вопросы Владимир Пронский ответил с присущей ему прозаической скрупулёзностью и беспощадной вьедливостью. Да и было отчего. Если каждый читатель поставит себя на место главного героя романа Семёна Прибылого, волею судеб попавшего в семью олигарха местного разлива Германа Чернопута, то вполне поймёт, что по-иному судьба его вряд ли сложилась бы. После женитьбы на дочери Германа Михайловича, Семён сам себя толкнул на путь сопротивления обстоятельствам, хотя до поры до времени они внешне не проявлялись, но рано или поздно любой нарыв выскакивает наружу, что в конце концов и произошло. Когда его допекли в семье, а более всего жена Ксения, он буквально сбежал из нового дома, отправившись добровольцем на СВО через два месяца после её начала.

Вроде недолго пробыл Семён Прибылой в тренировочном лагере в Гудермесе, ещё меньше за «ленточкой», но успел получить ранение в ногу и после госпиталя вернулся домой. Жена встретила, но в тот же день улизнула к любовнику, с которым успела сблизиться, пока Семён находился в отъезде. Причем поступила нагло, сперва солгав, что, мол, отправляется к больной подруге, но позже позвонила и честно, если это можно назвать честностью, призналась, что ночевать не приедет, так как находится у знакомого мужчины.

Казалось бы, после такого поступка жены жизнь Прибылого в семье Чернопутов сломалась. СВО коснулась не только простых людей, но и обеспеченных господ, которым было что терять, особенно, если они имели недвижимость и активы за границей. Глава семейства Герман Михайлович — гендиректор крупной строительной компании, имел в Испании виллу, банковский счёт, да и в городе Заречье несколько квартир, загородный дом. Будучи литератором, он организовывал собственные презентации, учредил конкурс, участники которого вносили крупные суммы в фонд премии, надеясь получить благосклонность могущественного и уважаемого человека. И в какой-то момент, когда отменили сообщение с Европой и обрубили доступ к банковскому счёту, этот могущественный человек запаниковал. Панику усилил «наезд» некоей финансовой группы из центра, представители которой предложили «уступить» компанию, в противном случае... Что было бы в «противном случае» он хорошо знал по опыту 90-х и будучи осторожным, а

значит, хитрым, решил понемногу избавиться от активов, продать и перевести наличку поближе к Заречью. Виллу в Испании продал, правда, за полцены, но вкупе с банковским вкладом всё оставил за границей, не имея возможности перевести деньги на Родину и тем самым вывел себя из душевного равновесия.

Как следствие — попал в клинику нервных заболеваний, где окончательно потерял рассудок и вскоре скончался. Его дочь Ксения, не дожидаясь его кончины, запасшись доверенностью, отправилась окольными путями со своим парнем Максимом Терентьевским в Испанию в надежде выцарапать деньги со счёта отца, и у неё это вроде получилось, хотя и в половинчатом размере, но она и этому была рада. Но её наивность и неопытность помешала почувствовать беду, шедшую от русскоговорящих посредников. В результате махинации Максим сбежал и сумел-таки добраться до России, а Ксения бесследно пропала по дороге. Так с кончиной Германа Чернопута, пропажей его дочери семья олигарха начала разрушаться, и почти разрушилась, но пока слабо держалась на вдове Чернопута — Маргарите Леонидовне. Она неожиданным образом прониклась к Семёну Прибылому, да и как не проникнуться, если, за фактическим неимением родных, она являлась бабушкой шестилетней Виолы — дочери Семёна и Ксении. И это обстоятельство неожиданным образом помогло им держаться друг друга. Семён всегда считал тещу прижимистой, но что-то вдруг случилось с ней, и она стала необыкновенно щедрой. Отдала зятю ключи от BMW, двухкомнатной квартиры в новом доме, которую при покупке Чернопут сразу оформил на него, но до поры до времени не говорил об этом. Нет, не испортила Семёна такая везуха, он как был с внутренним стержнем, так с ним и остался. А то, что принял подарки от тещи, так было бы глупо отказать, имея на руках шестилетнюю дочь.

Оставленный женой, он недолго прожил «холостяком» — познакомился с разведённой Людмилой, у которой имелся сын. Сынишка жил у бабушки, и Людмила перебралась к Семёну, благо, что теперь у него имелось собственное жильё, хотя он не очень-то верил в страстность романа, завязавшегося с Людмилой. Не той она ягодой оказалась. Более радовалась отдельной квартире Семёна, его дорогой и престижной машине, а не отношениям с ним. Он не мог не видеть, как она гордо восседает на переднем сиденье, когда они едут по городу. И чем всё закончилось бы — не понять, но Семён стал замечать то, что сперва ускользало от его внимания. Он какое-то время пребывал в раздумьях, но объявили мобилизацию, и в конце сентября 2022 года — попал в армию. Он расстался с родителями, дочкой, Людмилой, и расставание с ней не вызвало в нём особенных эмоций.

Для него началась настоящая война, когда после короткой подготовки на полигоне, его направили на переднюю линию под Временную, где ждали пополнение, надеялись, что оно поможет пойти вперёд и отбить утерянные в августе-сентябре

территории под Харьковом, но война перешла в позиционную фазу, при которой украинские войска наступали раз за разом на передовые позиции российских войск, но всякий раз оттеснялись, а где-то и выбивались, зачищалась небольшая территория, но о масштабном наступлении речи не велось. До жестокости пока дело не доходило, по крайней мере с нашей стороны, ещё жило в душах осознание родственности двух народов, и пусть противник оказался с примесью иностранных наёмников, но в основной своей массе воевали друг с другом чуть ли не одноплеменники, если семьи Украины и России были издавна переплетены родственными узами. К тому же вера была одна. И что из того, что её запрещали на Украине, — в душах-то её не запретишь. А глубинная вера способна преодолеть запреты и гонения, сколь не будь они сильны и бесчеловечны.

Поэтому один из центральных эпизодов в первой книге романа является эпизод во время очередной «зачистки» с пленением раненого врага, по сути, врагом не являвшегося.

«Семён Прибылой первым шёл в такие «зачистки», замыкающим возвращался, обходя убитых противников; раненых они всё-таки пытались вывести или вынести, но не всегда у них это получалось. На одного, согнувшегося в воронке от снаряда, Семён наткнулся случайно и почти не обратил на него внимания, не подававшего признаков жизни. Он лишь сжимал в откинутой руке автомат и закрывал другой раненое бедро. Когда Семён мельком глянул на него — он зашевелился, будто сжался. Прибылой сразу автомат на изготовку, но безвольная поза раненого удержала от короткой очереди, которая тотчас прекратила бы его страдания. Семён лишь на секунду взгляделся в его замуренные глаза и понял, что он не собирался встречать огнём, поэтому коротко приказал:

— Брось автомат!

Тот безвольно откинул оружие, напоследок посмотрел на противника и вновь закрыл глаза и, не проронив ни звука, начал отрешённо креститься. И у Семёна всё перевернулось в душе, молнией мелькнула мысль о том, что в каком-то ином случае на месте этого человека он мог сам оказаться, и от понимания этого чуть не задохнулся и не знал, что сказать... А раненый продолжал молиться, не открывая глаз, видимо, уже простившись с жизнью и обращаясь к Всевышнему, потому что более уже не к кому было обратиться.

— Вставай! — приказал ему Прибылой. — Сам сможешь?

Раненый разлепил глаза, удивлённо и недоверчиво посмотрел на Семёна и потупил взгляд:

— Не знаю...

— Скинь нож!

Когда тот отшвырнул нож, выдернув его из разгрузки, Семён шагнул к нему в воронку:

— Укол делал?

— Не могу до аптечки дотянуться...

— погоди... — Он достал шприц, всадил иглу через брюки

раненому. — Сейчас полегчает. — Подумав, перетянул ногу жгутом.

— Как тебя зовут, сержант? — спросил враг.

— Зачем тебе?

— На всю жизнь хочу запомнить...

— Семён я... Ну что, можешь подняться? Давай помогу!

Прибылой встал с причепурок, подхватил заворочавшегося противника, поставил на ноги, поднял его автомат, отстегнул магазин, клацнул затвором, выгоняя патрон из патронника, бросил себе на плечо, нож в карман сунул и спросил:

— Идти можешь?

— Куда?

— В плен, куда же ещё!

Тот повеселевшим голосом отозвался:

— Смогу...

Семён подхватил его под руку, помог выбраться из воронки и, почти не пригибаясь, повёл к своим окопам. Несколько бойцов, увидев командира, вернулись назад:

— Куда укропа тащишь?

— В плен. Сам идёт. Сдайте его к лейтенанту. Пусть разбирается. Вот его оружие.

Бойцы подхватили врага, чуть ли не волоком потащили в блиндаж, а Семён не спешил в укрытие. Он неторопливо спустился в окоп, снял каску, ослабил «броник». Глянул в нависшее небо, собиравшееся дождём, и почувствовал себя как никогда уставшим. В голове пронеслась череда дней и ночей последнего месяца, и показался он нескончаемым, без начала и конца. Присел на приступок, и почему-то ни мыслей в голове, ни чувства на сердце. И ничего не хотелось, кроме одного: вернуться домой, обнять родителей, дочку и долго-долго молчать».

Этот поступок, осенённый душевным порывом, как никакой, позволяет понять сущность верующего человека. И пусть Прибылой не посещал церковь, редко крестился, но в душе его жила доброта и понимание сущности человека, подавшего знак наложением на себя крестного знамения, что стало своего рода паролем к пониманию и сближению двух родственных воинов, сражавшихся по разные стороны фронта.

Недолго провоевал Прибылой: получил серьёзное ранение ноги, подорвавшись на мине-лепестке, и очутился в госпитале. Оттуда уже можно было позвонить домой, Людмиле, и так вышло, что Людмила холодно приняла известие о его ранении, зато Ольга — вдова погибшего брата Семёна проявила необыкновенное внимание, помня, как он относился к её сыну, помогал ему и ей. Может, поэтому, Семён легко расстался с Людмилой и, уж так получилось, проникся чувством к Ольге, когда она проявила к нему неподдельное внимание и даже собиралась приехать в госпиталь. А что может быть приятнее для раненого, чем участие в судьбе, желание помочь. Поэтому они ещё до выписки из госпиталя Семёна решили, что будут жить вместе, а чтобы брат Андрей, погибший несколько лет назад, не оби-

жался на небесах, — попросят благословения у родителей.

Они сразу расписались бы по возвращении Семёна из госпитали, но Семён по-прежнему считался женатым, так как объявить его жену Ксению безвестно пропавшей можно лишь по истечении года с момента её исчезновения. И всё-таки они сошлись и стали жить совместно.

Этим счастливым для них моментом завершается *первая* книга романа.

В августе 2023 года у них родилась дочка, которую назвали Анечкой. К этому времени они успели зарегистрировать брак, так как минул год, его первая жена была признана безвестно пропавшей, и ничто теперь не помешало им строить совместную жизнь.

Казалось бы, живи и радуйся, тем более что Семён оправился от раны, работал на прежней автобазе механиком, и всё в жизни у них наладилось. Но произошло событие, перевернувшее жизнь. Оно и стало завязкой *второй* книги романа, когда вновь появился Максим Терентьевский. За два года после расставания с Ксенией он промотал деньги, какие успел перехватить у неё, вконец поиздержался, и тогда вспомнил о матери Ксении — Маргарите Леонидовне. Терентьевский знал, что она воспитывает старшую дочку Прибылого, знал, что у того новая семья, и с тещей он отношений особенных не поддерживает, поэтому решил взять на испуг Маргариту, потребовав от неё два миллиона, в противном случае он даст ход дарственной, в которой Ксения отписала ему в своё время новую квартиру. Но так как дарственная была написана от руки, не заверена у нотариуса, Маргарита попросила Семёна помочь разобраться в этой ситуации, хотя логичнее было бы обратиться в полицию, но она не хотела огласки. И тогда Семён нашёл Терентьевского и при разговоре на повышенных тонах, тот поранил ножом Семёну руку, пригрозив, что если Маргарита не выполнит его требования, то может так произойти, что однажды дочка Семёна не вернётся из школы... От такой подлой угрозы Семён потерял голову, кровь прилила ему к вискам, он перехватил руку Максима с ножом и вонзил нож ему в горло... Всё произошло мгновенно, Семён сперва даже ничего не понял. Когда же до его сознания дошло то, что он совершил, всё в нём перевернулось, он понял, что всё пропало: свобода, семейная жизнь — всё. И что он скажет родителям, как оправдается перед ними, и поймут ли они его? Что он скажет жене? Он позвонил в полицию, вызвал «скорую», которая уже ничем не могла помочь бездыханному Терентьевскому. Семёна же арестовали, вскоре он оказался в СИЗО, не представляя своей будущей жизни. Хотя чего её представлять, если и так всё ясно: его ждёт суд и заключение. Если бы не одно «но». Незадолго до этого происшествия вышел закон о подследственных, подписанный президентом, по которому допускалось привлечение их на СВО. Нужно только их согласие. И Прибылой согласился, потому что просто не представлял, как окажется в заключении. Уж лучше голову сло-

жить, уж лучше такой конец, чем тяготи́на без конца, и пусть когда-то забрезжит окончание срока, но это будет такой отдалённый конец, что и врагу не пожелаешь.

Так за два с половиной года он в третий раз оказался на фронте, но теперь уже в составе штурмовой роты «Шторм V» — со всеми вытекающими последствиями, которые не радовали, хотя Прибылой не думал о том, что ждало впереди. Заставлял себя не думать.

На новом месте службы на фронте под Донецком он оказался среди себе подобных, с редким исключением в виде вольнонаёмных сержантов да лейтенантов, но никто не обсуждал это обстоятельство. Оно никого не волновало, и порядки были не такими, как на зоне, а вполне армейские, хотя со своей спецификой: в общем, грубые, озлобленные мужики, знающие, чего они хотят. Владимир Пронский это хорошо улавливает и передаёт их состояние и переживания на особицу, а как иначе: ведь живые люди, хотя и оступившиеся, но не злодеи же они, да законченных злодеев и не допускали на СВО. Пусть ожесточённые и озлобленные обстоятельствами, но добровольный выбор был за ними, а коли уж, как говорится, подписался, то соответствуй. И ещё Семён заметил, что по сравнению с прошлым своим участием в боях как теперь ожесточились воины и не только в их роте, а в общей своей массе. Дружбы особенной они не водили, да и какой резон открывать душу, если сейчас ты воюешь, а через минуту тебя может не быть. Здесь всё мигом происходит, иной боец при первом же штурме голову сложит, а иной месяцами воюет. Но то, что передовая разява не любит, это факт. Новички гибнут чаще других. И всё же некоторые обзаводились приятелями, всегда оказывавшимися рядом, всегда прикрывающими. А это самое главное. С одним из таких Прибылой сдружился. Звали его Андрей Воеводин. Он тоже был наиболее ожесточившийся после гибели товарища, которую воспринял особенно горько, и от этого готов был на безрассудные поступки. Но это лишь если глядеть невнимательно, а если приглядеться, то вполне намечалась в нём героическая натура, на чём и держится воинство.

Два дня штурмовали они высотку в одном из городов, противники не сдавались, хотя их и мало осталось в живых, и надо было действовать до конца. Вот экстремальный эпизод, в котором воочию видна мера ожесточения бойцов с обеих сторон, не сравнивая с той, двухлетней давности:

«Когда шарахнули из гранатомётов, полосонули из автоматов и осторожно заглянули в квартиры, Андрей, действительно, первым пошёл. Вот он в квартире, взгляд направо, взгляд налево. В одной комнате чисто, в другой стоит украинец с автоматом, руки не подняты — к ногтю, короткая очередь. В соседней квартире тоже очередь, вторая. Весь этаж осмотрели — три двухсотых.

— И спросить не у кого, есть ли кто ещё, — плюнул с досады Андрей.

И тут раздался голос с восьмого этажа:

— Сдаваться не собираюсь. Если есть среди вас мужчины, то предлагаю сразиться на ножах. Если останусь в живых, отпускаете меня, если не останусь — ваша взяла!

— Ты один? — спросил Андрей.

— Один...

— Тогда жди.

Прибылой вцепился в куртку Андрея:

— Ты куда — Не пушу!

— Семён, не трусь — моя тема.

— Я с тобой, подлянку ведь могут устроить.

— Не должны. Серьёзный мужик! — напрягся Андрей, и Семён увидел желваки на его скулах. — С Богом! — приосанился Воеводин и посмотрел на нож в разгрузке, словно проверяя: на месте ли.

— Я с тобой, одного не пушу, и не думай, — загородил проход Прибылой.

— А то что?

— В колено выстрелю!

— В своих проще всего стрелять. Ладно, пошли — судьёй будешь. — Он перекрестился, крикнул навстречу: — Мы идём. Только давай без шуток.

Поднялись на восьмой этаж. Стоит на лестничной площадке сухой, жилистый мужик, глаза горят, глаза серо-голубые, на щеках поросль русая. Увидел его Прибылой, и сердце сжалось от боли, проггла мьль: «Что же мы делаем — на своих смертью идём!»

— Кто из вас? — спросил украинец без акцента.

— Я, — стукнул себя в грудь Андрей.

— Зачем нам второй?

— Веры вам нет... А вообще-то сказать, в случае чего, чтобы отпустили тебя.

— Пойдём в комнату, здесь тесно.

Они прошли в большую комнату, достаточно просторную.

— Броники снимаем? — спросил Андрей.

— Зачем — Так привычнее.

— Как знаешь. Как тебя зовут, укр?

— Какая тебе разница... Русский я.

— Русские против русских не воюют, и давно ты не русский, а самый настоящий бандеровец с отравленным мозгом.

— Какая тебе разница.

— Заладил. Теперь никакой, — отозвался Андрей и сказал Прибылому: — Посторонись. И, в случае чего, отпустите его.

Семён кивнул, встал в стороне, насколько это можно, и вдруг как сбесился:

— Сейчас обоих положу!

— Заткнись, шенок, поддержи мой автомат и выйди, — рявкнул Андрей. Потом подошёл к столу, где лежал автомат украинца, дёрнул затвор, осмотрел магазин — всё «сухое». — Начинаем?

— Чего тянуть.

Андрей выдернул нож из разгрузки, покрутил его, разогревая пальцы.

— Готов?

Украинец тоже схватил нож, крепко сжал.

— Готов! — ответил он и приосанился, перекинул нож из руки в руку.

— Судья, давай команду!

Прибылой, хочешь не хочешь, дрожащим голосом крикнул:

— Начали!

Он думал, что предстоит долгое, изматывающее действие, когда сердцу не уцелеть, а началось и закончилось всё опустошительно быстро, почти мгновенно. Когда бойцы встали в стойки, видимо, желая отвлечь, Андрей топнул, резко крутнулся на месте и с разворота всадил нож противнику в треугольник кадыка. Тот только успел глянуть на Андрея и, падая навзничь, захрипел, залился кровью. Прибылого трясло. Он и сам не раз видел смерть, участвовал в ней, но от произошедшего у него отнялся язык. Хотел что-то сказать Андрею, но не смог и единого слова вымолвить. Смотрел на него и не понимал, как человек, знакомый человек, способен на такое! Это какое надо иметь самообладание, ну и, конечно, мастерство, чтобы не сробеть, принять вызов и выйти победителем.

Андрей нагнулся к поверженному, выдернул нож, вытер о куртку украинца и сказал виновато, взглядевшись в его побледневшее лицо:

— Дурачок ты дурачок. Сдался бы, и никто тебя не тронул.

— Эй, что там у вас? — окликнули снизу.

— Идём, идём, — отозвался Андрей и взглянул на Прибылого: — Верни автомат. Пошли к своим».

Что и говорить, потрясающая и запоминающаяся сшибка характеров, наполненная трагизмом от осознания того, что украинец себя считал русским и русского же вызвал на бой. Что может быть противоестественнее и угнетающе, даже если идёт гражданская война, и всё в ней перемешалось, и у каждой из сторон своя правда.

Каждодневное участие в штурмах не могло не сказаться на душевном состоянии. Устали души у бойцов, и у Прибылого она устала, а в редкие дни, когда их выводили для пополнения, она не успевала отдохнуть. Семён чувствовал, что что-то должно произойти, и оно произошло, когда в одной из зачисток он попал вместе с товарищем под польские бесшумные мины; товарищ погиб, а ему размочалило ногу, которую в госпитале ампутировали выше колена. Причём левую, в третий раз раненую. И всё-таки ему, можно сказать, повезло — он и живым остался, и кровью искупил вину. А нога — что нога — и без неё жить можно. Но как жить, если денежных выплат его категории раненым не полагалось, а если и полагалось, то лишь в случае смерти. Мол, государство и так пошло навстречу, проявило милость, и о каких ещё выплатах может идти речь? Обидно,

конечно, но, в общем-то, справедливо. К тому же никто не тянул никого на СВО за рукав — дело добровольное.

После военно-врачебной комиссии, признавшей его негодным к дальнейшей воинской службе, он возвращается из госпиталя в семью, начинает осваивать протез, и, как оказалось, не такое это простое дело. Но теперь уж ничего не поделаешь — судьба. Более волновала дальнейшая жизнь, ведь у него семья, и непонятно, сколько надо времени, чтобы освоить протез, а потом и ещё один, более функциональный, и пойти на работу. До года, а то и более мужики мучаются, но и это полбеды — за себя Семён не переживал: сколько нужно, столько и будет осваивать, но жить на что? Жди, когда оформят социальную пенсию, но на те копейки семью не прокормишь. Так что надо присматривать подходящую работу.

В романе множество запоминающихся сюжетных линий, и некоторые заслуживают особого внимания, потому в основе их лежит предательство. Взять хотя бы линию Прибылой — Безруков. Земляка Антона Безрукова Семён спас от мины, оттолкнув его, а сам при этом наступил на «лепесток», сильно повредивший ступню. Казалось бы, дружба должна быть между ними до окончания века, но неурядицы в личной жизни вызвали у Антона зависть к Прибылому, когда после пропажи Ксении и неудачного знакомства с Людмилой, тот нашёл ту, которая по-настоящему ждала его из госпиталя, — Ольгу. Она была вдовой старшего брата Семёна. Брат погиб на рыбалке, но с момента его гибели прошло несколько лет, и Ольга, и Семён решили соединить свои судьбы. Безрукову бы радоваться за друга, спасшего его от ранения ценой собственного, но вместо этого он решил, глядя, как у них счастливо складывается семейная жизнь, хоть как-то навредить. Не придумал ничего лучшего, решив побить стёкла его машины. Выпил для храбрости, но даже выпивка не помогла, потому что в душе оказался безвольным трусом, не способным ни на какие поступки: ни положительные, ни отрицательные. До положительных не созрел, а до отрицательных Бог не попустил.

Как-то лежал Семён на диване, закрыв глаза, а мысли — вереницами. Нет им укороту, они кружат вокруг, цепляют оголённые нервы, обостряют чувства, наполняют душу тревогой, а если вдруг появлялось в них просветление, то ненадолго, мимолётно, и много, наверное, времени должно пройти, чтобы забыть всё то, что забыть пока не удавалось. Единственное, что он мог бы сделать в этой ситуации, — продать машину, купить попроще, если пока даже на костылях не может по-настоящему передвигаться.

И он долго ломал бы голову, ещё более загоняя себя в безвыходное положение, но тут тёща расщедрилась. Как-то пригласила на ужин и преподнесла подарок к Новому году. Заглянул Семён в пакет, а в нём три тугих пачки долларов! Он начал говорить, что, мол, не примет такую сумму, но тёща успокоила и категорично настояла: «Бери, заслужил! Из-за нас ты постра-

дал!» И он принял подарок — чего не сделаешь ради семьи — и вспомнил, как всё начиналось с Чернопутами и чем теперь закончилось.

Поступок бывшей тещи ещё больше запутал отношения. Так получалось, что не будь он связан с её семьёй, то жизнь катилась бы совсем по иным рельсам, и многое в ней выстроилось бы совсем по-другому, а как? Кто же ответит? На такие вопросы не бывает ответов. Здесь уж всё зависит от самого, да от тех, кем окружил себя. И как бы он построил жизнь, не познакомься в своё время с Ксенией, не поставь себя в заранее невыгодное положение, когда приходилось есть с чужой руки. Он, конечно, и сам себя прокормил бы, и создал иную семью, но получилось так, как получилось. Хорошо, что в семье Чернопутов нашлась одна душа с понятием, смогла преодолеть непреодолимое в виде собственных бед и проявить себя вполне человечно. И дело здесь даже не в деньгах, а в отношении и в понимании всего того, что произошло.

После этого события он заикнулся мучившим вопросом: «Как соединить мыслимое и немислимое, и соединяемы ли эти понятия?» Он вспоминал события последнего времени, особенно с начала СВО, и столько виделось жизненных изломов, неурядиц и разочарований, будто кто-то специально корёжил привычный уклад, наполняя его событиями, которые и представить ранее было невозможно. Или для того войны и начинаются, чтобы всё перевернуть, перетасовать людей и превратить их в послушный и податливый пластилин, из которого можно лепить что угодно. И самое страшное в этом послушании — это столкновение народов, считавшихся до определённого дня братскими, и беда одного из них виделась в возвышении себя над другим, в запрете говорить ему на родном языке, молиться своему Богу. Как могут они теперь считаться братскими, если не осталось взаимного уважения. Нет теперь сил, какие могли бы их объединить, помочь раскрыть души навстречу друг другу. А если это когда-нибудь и случится, то всё равно саднящая зарубка останется навсегда, и не будет никому покоя, даже после окончания войны. И никто не убедил бы Семёна Прибылого в обратном, а он мог об этом сказать кому угодно и когда угодно. «Или я один такой? — спросил у себя Семён и сам же ответил: — Мы все такие!»

Этой короткой внутренней репликой заканчивается роман «Дыхание Донбасса». В нём показаны не только военные действия, но и многие привходящие жизненные обстоятельства и события, сопутствующие им и помогающие лучше понять людские устремления, и проследить развитие характеров. Это удалось автору, а сама диалогия стала несомненной творческой удачей. Новый роман Владимира Пронского — это история не только Семёна Прибылого, но и многих мужчин, ушедших на фронт, и в них запечатлён образ защитников Родины.